

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

- Авдеевнина О. Ю.** Когнитивные и лингвистические характеристики наименований лица по перцептивному действию 3
- Шемаева Е. В.** Концептуальная деривация как когнитивная основа формирования семантики лексикализованных форм множественного числа имени существительного 11
- Буранова А. И.** Анализ высокочастотной лексики диалекта (на материале корпуса диалектных текстов Саратовской области) 15
- Карабулатова И. С., Койше К. К.** О проблеме эволюции функционирования языков в полиэтническом пространстве Тюменской области: к постановке проблемы 17
- Воробьева В. В., Кобенко Ю. В.** Статус немецкого языка в Томском образовательном пространстве в контексте американизации 21
- Сон Л. П.** Метаязык интернет-коммуникации: проблема заимствований (на материале испанского и русского публицистического текста) 26
- Роменская Е. А.** Языковые средства реализации тактики признания существования проблемы и тактики разъяснения (на материалах интервью А. Меркель) 31

Литературоведение

- Прозоров В. В.** Семантические горизонты понятия «риск» в русской национально-культурной традиции 36
- Демченко А. А.** Факторы неопределенности и риска в деятельности русских журналистов второй половины XIX века 41
- Кабанова И. В.** Оценщик рисков: образ Томаса Кромвелля в исторической прозе Хилари Мантел 49
- Ефремычева Л. А.** Молва в русской пословично-поговорочной традиции 57
- Бышкина А. П.** Образ воина в лирике И. И. Козлова и ее народно-песенных вариантах в контексте стихотворений о Наполеоновских войнах 62
- Храмова Ю. А.** Элементы готики в романе Д. Коу «Какое надувательство!» 67
- Разумовская Е. А.** Время и вещь (на материале поэзии С. Сургановой) 72

Журналистика

- Асташкин А. Г.** Типологическая характеристика журнала «Мир искусства» 78
- Муляева А. Р.** Взаимодействие литературной и газетной словесности в контексте эпохи 1920-х годов 85
- Соловьёва М. М.** Первый съезд советских писателей в откликах «Литературной газеты» 93
- Рева Е. К.** Коммуникативная эффективность публикаций в журнале «Дружба народов» по национальному вопросу: этнокультурный аспект 101
- Лавренченко Ю. С.** Коммуникативные неудачи в речи ведущих современных просветительских телепередач: причины и следствия 106

Критика и библиография

- Представляем книгу 112

Приложения

- Хроника 115

Сведения об авторах 121

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор**
Коссович Леонид Юрьевич
- Заместитель главного редактора**
Усанов Дмитрий Александрович
- Ответственный секретарь**
Клоков Василий Тихонович
- Члены редакционной коллегии**
Аврус Анатолий Ильич
Аксеновская Людмила Николаевна
Аникин Валерий Михайлович
Балаш Ольга Сергеевна
Бучко Ирина Юрьевна
Вениг Сергей Борисович
Волкова Елена Николаевна
Голуб Юрий Григорьевич
Дыльников Геннадий Васильевич
Захаров Андрей Михайлович
Комкова Галина Николаевна
Лебедева Ирина Владимировна
Левин Юрий Иванович
Макаров Владимир Зиновьевич
Монахов Сергей Юрьевич
Орлов Михаил Олегович
Прозоров Валерий Владимирович
Федотова Ольга Васильевна
Федорова Антонина Гавриловна
Черевичко Татьяна Викторовна
Шатилова Алла Валерьевна
Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ

- Главный редактор**
Прозоров Валерий Владимирович
- Заместитель главного редактора**
Иванюшина Ирина Юрьевна
- Ответственный секретарь**
Клоков Василий Тихонович
- Члены редакционной коллегии**
Борисов Юрий Николаевич
Кабанова Ирина Валерьевна
Раева Александра Васильевна
Сиротинина Ольга Борисовна
- Зарегистрировано**
в Министерстве Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации обще-теоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагаются сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подрисуночные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате PCX, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова (на русском и английском языках); текст статьи; таблицы; рисунки; подписи к рисункам; библиографический список.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Зав. редакцией

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Корректор

Гаврина Марина Владимировна

Адрес редакции

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: XXvek@info.sgu.ru

Подписано в печать 15.03.13.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,60 (15,5).

Тираж 500 экз. Заказ 3.

Отпечатано в типографии

Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный университет, 2013

CONTENTS

Scientific Part

Linguistics

- Avdevnina O. Yu.** Cognitive and Linguistic Characteristics of Naming a Person by a Perceptive Action 3
- Shemaeva E. V.** Conceptual Derivation as a Cognitive Basis of Forming the Semantics of Lexicalized Forms of Plural Nouns 11
- Buranova A. I.** Analysis of High-frequency Dialect Lexis (Based on Dialect Corpus of Saratov Region) 15
- Karabulatova I. S., Koyshе K. K.** The Issue of the Evolution of Languages in a Multiethnic Area of the Tyumen Region: to the Statement of the Problem 17
- Vorobyova V. V., Kobenko Yu. V.** The Status of Modern German in Tomsk Educational Sphere in the Context of Americanization 21
- Son L. P.** Meta-language of the Internet Communication: the Issue of Borrowing (on the Material of Spanish and Russian Journalistic Texts) 26
- Romenskaya E. A.** Language Means of Realization of the Tactics of Recognizing the Existence of the Problem and the Tactics of Clarification (on the Materials of the Interviews with A. Merkel) 31

Literary Criticism

- Prozorov V. V.** Semantic Horizons of «Risk» Notion in the Russian National and Cultural Tradition 36
- Demchenko A. A.** Factors of Ambiguity and Risk in the Professional Activity of Russian Journalists in the Second Part of XIX Century 41
- Kabanova I. V.** «An Eye for Risk»: Thomas Cromwell in Hilary Mantel's historical novels 49
- Efremycheva L. A.** Rumours in the Russian Traditional Proverbs and Sayings 57
- Byshkina A. P.** The Image of Warrior in I. I. Kozlov's Lyrics and Its Folklore Variants in the Context of Poems about Napoleonic Wars 62
- Khramov Yu. A.** Gothic Elements in Jonathan Coe's «What a Carve-Up!» 67
- Razumovskaya E. A.** Time and Thing (on the Material of the Poetry by S. Surganova) 72

Journalism

- Astashkin A. G.** Typological Characterization of *Mir Iskusstva* (The World of Art) 78
- Mulyaeva A. R.** Interaction Between Literary and Newspaper Discourses in the Context of 1920s 85
- Solovyeva M. M.** The First Congress of Soviet Writers as Covered in *Literaturnaya Gazeta* (Literary Newspaper) 93
- Reva E. K.** Communicative Effectiveness of Publications in the Journal *Druzhiba Narodov* (Friendship of Nations) on the National Question: Ethnocultural Aspect 101
- Laurenchenko Yu. S.** Communication Failures in the Speech of Contemporary Educational Television Programmes Presenters: Reasons and Consequences 106

Critics and Bibliography

- Presentation of the Book** 112

Appendices

- Chronicle** 115

Information about the Authors

122

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'37

КОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА ПО ПЕРЦЕПТИВНОМУ ДЕЙСТВИЮ

О. Ю. Авдевина

Саратовский государственный университет
E-mail: olga.rosauz@gmail.com

В статье на материале анализа функционирования единиц, называющих лица по перцептивным действиям, предлагается интерпретация некоторых особенностей, присущих как данной группе лексики, так и всей категории наименования лица, характеризующейся, в сравнение с другими видами наименований, лингвистическими и когнитивными закономерностями возникновения и развития.

Ключевые слова: наименование лица, индивид, индивидуальный концепт, перцептивный процесс, предикативное употребление, социальные аспекты семантики, дискурсивная функция.

Cognitive and Linguistic Characteristics of Naming a Person by a Perceptive Action

O. Yu. Avdevnina

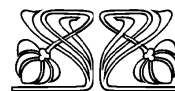
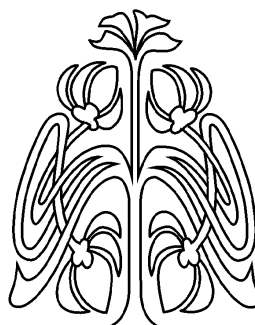
Based on the material of the analysis of how the units naming persons by perceptive actions function, the article offers the interpretation of some peculiarities inherent to this group of words, as well as to the whole category of person naming which is distinguished, as compared to other types of naming, by linguistic and cognitive principles of origin and development.

Key words: person naming, individual, individual concept, perceptive process, predicative usage, social aspects of semantics, discursive function.

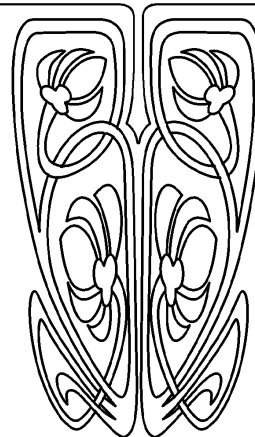
Наименование лица – один из самых интересных и неоднозначных результатов номинативных процессов языка. Эта номинация особенна тем, что объектом ее является человек и осуществляется она, естественно, человеком. Таким образом, в этом процессе присутствуют две персоналистические позиции: субъекта и объекта номинативного процесса. В лингвистической теории языковой субъективности они рассматриваются как две основные ее формы. Первая названа собственно *субъектом*, а вторая обозначена как *индивид*. Субъект в номинации – это носитель предметно-практической деятельности и познания, индивид – обозначение единичного в отличие от совокупности, отдельный человек¹. Субъект – аналог референта, индивид – аналог денотата в лингвистической логике².

Универсальной функцией номинативного процесса является словесное оформление понятия о предмете. В основу понятия ложится какой-либо существенный или даже не очень существенный признак предмета, по которому его можно отличить от других предметов (*сахарница* – признак «содержимое», *жестянка* – признак «материал»).

В случае с наименованиями лица номинация это вербализация процесса идентификации человека – выделения тех признаков, которые отличают его от других людей, а не отождествляют с ними. Поэтому трудно представить возникновение таких характеристик и наименований лица, как *двурукый*, *двуглазый* (подавляющее большинство людей имеет две руки и два глаза), зато вполне частотны такие слова, как *однорукий*, *одноглазый*, *горбун*, *лысый*, *хромой* и т. п., выступающие и как признаки внешности, и как наименования лица (*Хромой при виде полицейского спешно скрылся в толпе*).

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Такие признаки могут быть самыми разными. Какие-то из них являются универсальными для всех языков, и на их основе образуются типичные в языковой ономастике единицы: термины родства, наименования по полу, возрасту, национальности, месту жительства, признакам внешности, чертам характера и т. п.

Несмотря на общую для любого вида номинации тенденцию к формированию понятия, процесс наименования индивида концептуально и функционально отличается от номинации других объектов. Возникающее наименование всегда сохраняет приблизительность идентификации и ситуативность употребления³. Мы называем человека *добряком, богачом, грузином, блондином* или *солдатом* в определенных референциальных условиях, которые могут быть изменены в зависимости от ракурса идентификации этого человека, аспекта его характеристики. В одной ситуации он *добряк*, в другой – *старик*, в третьей – *профессор*, и так до бесконечности. Если у неодушевленного предмета ограниченное количество наименований (например одно – *стол*), то у лица их много. Такая множественность характерна больше для признаков, чем для предметных имен (*добрый, старый, умный*). Уже в этом проявляется определенное функциональное и семантическое сходство наименований лица и признаков слов, например прилагательных⁴.

Ни одно из многочисленных наименований лица не может считаться обозначением *понятия* о человеке как индивиде (см. выше) или личности⁵. Это имеет в виду и Ю. С. Степанов, когда, говоря о когнитивной основе наименований лица, выдвигает понятие *индивидуального концепта*, полнота воплощения которого невозможна ни в одном индивидуальном имени: «...если понятие вообще есть совокупность общих и существенных признаков предмета, то по отношению к индивиду, который выпадает из непрерывной системы определений и оставляет потенциальную возможность для неограниченного перечисления признаков, любое перечисление всегда будет в большей или меньшей степени <...> произвольным»⁶.

Об этой ситуативности наименований лица свидетельствует появление такой их разновидности, как личные местоимения и «местоименные выражения»⁷ типа *господин, товарищ, Ваша милость, Ваше величество*, выступающие в роли обращений, или употребления типа *Молодец! Слепец! Дурак! Сумасшедший! Грубиян!*, имеющие экспрессивно-оценочную направленность, заключающуюся в том, что они характеризуют лицо, названное в контексте или подразумеваемое в речи (*Слепец! Я в ком искал награду всех трудов!*)⁸.

Не меньшую зависимость от назначения идентификации и условий номинации лица имеют и наименования по перцептивным действиям, к которым мы относим предметные имена, образованные от ядерных глаголов восприятия: *свидетель* – от *видеть*, *смотритель* – от *смотреть*

и т. д. *Наименования по перцептивным действиям* следует отличать от *перцептивных наименований*. Последние относятся к так называемой лингвистике видимого, рассматривающей номинативные средства вербализации зрительных впечатлений⁹. Это наименования, привязанные к ситуации восприятия, например, номинация по признаку «наблюдаемое занятие». С. Ю. Семенова вычленяет этот признак, в частности, в именах исполнителей некоторых сезонных сельскохозяйственных работ (*косари, жницы* и др.) или в названиях лиц, которых говорящий-наблюдатель в момент речи видит за спортивным занятием, – *конькобежцы, лыжники, бегуны*¹⁰.

В отличие от таких обозначений наименования по перцептивным действиям¹¹ включают в свое содержание иные компоненты процесса восприятия, связанные не с описанием объекта, а с характеристикой субъекта перцепции. Будучи отглагольными образованиями, такие слова, как *свидетель, очевидец, наблюдатель, созерцатель, смотритель, надзиратель, соглядатай, надсмотрщик, зритель, слушатель* и т. п., базируются на семантическом признаке «отношение человека к процессу восприятия». В их возникновении выявляется множество закономерностей, обусловленных языковыми представлениями о психологии, социологическом содержании и онтологической глубине этого процесса как одного из модулов человеческой психики.

В свете сказанного выше о специфике номинации лица одной из таких закономерностей является преимущественно предикативная направленность употреблений этих слов. Какую бы роль они ни выполняли в предложении и какое бы значение ни развивали, семантически они почти всегда выступают предикатом к известному или подразумеваемому субъекту: *ты будь свидетель этих слов, я сам очевидец наводнения* и т. п. Именно предикативность употребления этих слов способствует тому, что в них развиваются интерпретативные, оценочные компоненты значения. Это одна из конструктивно-семантических моделей функционирования таких слов: «кто-то есть свидетель (очевидец) чего-то».

Даже если в предложении нет указания на субъекта, он имплицитно содержится в моделируемой ситуации. Например, в высказывании: *Но вы же сейчас при свидетелях только что признались, что были в тот час на месте преступления* (Л. Андреев. Христиане)¹² – *свидетелями* названы люди, присутствующие в данной ситуации, с конкретными именами, социальными и прочими характеристиками, позволяющими конкретно идентифицировать их личности. Однако слово *свидетели* выступает обобщенно-собирательным обозначением этих людей по их социальной роли в данной конкретной ситуации.

В высказывании: *По рассказам очевидцев, с балконов домов и с харьковских каштанов (преобладающая порода харьковского дерева) свисали*

странными плодами трупы мужчин и женщин (Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха) – очевидцы – это современники описываемых событий, жители города Харькова и т. д. В каких-то источниках можно найти, вероятно, и имена некоторых из них, и сведения, проясняющие их личности. Однако словом *очевидцы* они объединены в собирательное единство, и социальная их роль обобщена и несколько сужена. Развитию этого обобщенно-собирательного значения отчасти способствует форма множественного числа этих употреблений.

В наименовании лица невозможно формирование понятия о данном человеке (*индивидуального концепта*). По наблюдениям Ю. С. Степанова, возможно только установление *меры индивидуальности*¹³. Одним из ее критериев является выполнение словом предикатной или субъектной семантической роли: «Окончательно мера индивидуальности – и, соответственно, функция быть субъектом или предикатом – устанавливается для имени в предложении; предложение вне контекста не предрешает какого-либо единственного членения на субъект и предикат, но более индивидуальное из двух имен тяготеет к нормальному прочтению его как субъекта, а менее индивидуальное – как предиката» (выделено нами. – О. А.)¹⁴. Предикаты же, по меткому замечанию Ю. С. Степанова, не именуемы¹⁵, то есть названные выше единицы (*свидетель, наблюдатель* и проч.) в силу своей предикативности не всегда выступают в роли наименований лица.

Более специфической закономерностью возникновения и функционирования данной категории лексики является сохранение в семантике наименования лица значения произвольности/ произвольности перцептивного действия: *очевидец* – это невольный наблюдатель событий (*видеть* – глагол перцептивного *состояния*, имеющего нецеленаправленный характер), а *смотритель* наблюдает за кем- или чем-либо специально, целенаправленно (*смотреть* – произвольное перцептивное действие).

Наименования лица в анализируемой группе лексики образуются в основном от глаголов действия: *смотреть* – *смотритель, глядеть* – *соглядатай, слушать* – *слушатель, нюхать* – *нюхатель* и т. п. Исключение составляют только слова *свидетель* и *очевидец*, образованные от глагола произвольного зрительного восприятия *видеть*. От других же глаголов произвольного восприятия: *слышать, ощущать, чувствовать, обонять, осязать* – наименования лица не образуются. Причина такого ограничения действия словообразовательных процессов в области перцептивной семантики заключается, на наш взгляд, в социальной функции наименования лица: человека именуют из необходимости его идентификации в социальной жизни, «для других людей», «в кругу других людей», в сравнении с другими людьми. А социальной значимостью об-

ладают не состояния (физические, психические, перцептивные, эмоциональные), а деятельность, действия, при этом – в большей степени – действия целенаправленные, осмысленные¹⁶.

Особый интерес в этой связи представляют собой слова *свидетель* и *очевидец*, не только нарушающие вышеозначенную закономерность образования слов от глаголов перцептивного действия, но и составляющие своеобразную пару синонимически сближенных единиц, по-разному репрезентирующих психологию восприятия. Слово *очевидец* обозначает: 'Тот, кто сам видел какое-л. событие, происшествие, присутствовал при нем. (...) *Не могу не рассказать здесь одного случая, который передаю со слов очевидца. Курприн. Фельдъегерем послан был к царю с известием о сиюминутной победе... подполковник Соколов, бывший очевидцем боя.* Сергеев-Ценский'¹⁷.

У слова *свидетель* словарь фиксирует большее количество и большее разнообразие значений: '*Свидетель (свидетельница)* 1. Человек, присутствовавший лично при каком-л. событии, происшествии, лично видевший что-л.; очевидец. – *Он сам, своими собственными руками отдал этот сторублевый билет Софье Семеновне, – я видел, я свидетель.* Достоевский. (...) Современник и наблюдатель чего-л. *Описывай, не мудрствуя лукаво, все то, чему свидетель будешь: Войну и мир, управу государей, угодников святые чудеса.* Пушкин. 2. Лицо, располагающее сведениями об обстоятельствах уголовного или гражданского дела. *Свидетель защиты.* 3. Лицо, присутствующее при чем-л. для официального удостоверения подлинности или правильности чего-л. *Вскрыть завещание при свидетелях*'¹⁸.

Сравнение значений данных слов приводит к некоторым выводам относительно репрезентированных в них представлениях о социальном значении восприятия как психологического феномена. Прежде всего, и *очевидец*, и *свидетель* – это наблюдатели не любого события, а события социальной действительности (*очевидец драки, свидетель военных действий на границе*) или природного явления, которое значимо для жизни человека и социума (*очевидцы наводнения, свидетели извержения вулкана*). Такое событие характеризуется нерегулярностью, внезапностью, некоей исключительностью. Вот почему в художественно немаркированной речи невозможны сочетания *очевидцы дождя, свидетели рассвета, очевидец урока по литературе* и т. п. Кроме того, тот, кого называют *свидетелем* или *очевидцем*, не является причиной или активным участником этого события.

Однако степень участия *очевидцев* и *свидетелей* в характеризуемых событиях разная: *очевидцы* чаще вне событий, *свидетели* же могут быть частично в них вовлечены, они в большей степени знают подробности, более целенаправленно наблюдают за событиями. Отсюда те значения, которые появляются у слова *свидетель*: 'быть на-

блюдателем', 'обладать сведениями' и т. п., чего нет в содержании слова *очевидец*.

Анализ лексической валентности этих слов показывает, что *очевидец* объективнее относится к событиям, менее заинтересован в их интерпретации.

Свидетель не всегда объективен. И в сочетаемости этого слова язык фиксирует меньшее к нему доверие или даже недоверие: *лживый свидетель, продажный свидетель, фальшивый свидетель* (ср. невозможность сочетаний: *лживый очевидец*). Возникает необходимость в создании специальных обозначений, подчеркивающих объективность конкретного свидетеля: *благородный свидетель: Были благородные свидетели: все видели, как он с презрительным видом усмехнулся*. Салтыков. *Соглядатай француз – вот истинный мастер своего дела. Он облюбовал и направил свою жертву издали, почти не прикасаясь к ней и строго стараясь держаться в стороне, в качестве благородного свидетеля*. Салтыков. Ср. *Classicus testis*. Надежный свидетель¹⁹; **очевидный свидетель**: «*Témoïn ocular – свидетель очевидец*»²⁰ и даже **личный свидетель**.

Очевидец не обязательно должен рассказывать об увиденном, он может быть молчаливым хранителем сведений о происшествии, *свидетелем* же называют того, кто интерпретирует, а значит, с той или иной целью рассказывает о том, что наблюдал. Поэтому слово *свидетель*, в отличие от слова *очевидец*, связывает зрительное восприятие с речью, что объясняет, во-первых, развитие соответствующих значений слова: *выступить свидетелем, показания свидетеля*, во-вторых, образование новых слов с семантикой 'речь', 'письменный документ': *свидетельствовать* 'сообщать что-л., подтверждать что-л. в качестве очевидца или осведомленного, знающего лица'; *свидетельствоваться* 'устар. ссылаться на кого-л., что-л. как на свидетеля (...)'²¹; *свидетельство* 'письменный документ, удостоверяющий в чем-л.' и т. п.

Что касается функционирования этих слов в художественном тексте, следует отметить, что они обнаруживают несходство в предрасположенности к переносу значения и художественной концептуализации. Наиболее активно подвергается переосмыслению слово *свидетель*. Оно частотно в поэзии, в зависимости от объекта развивает те или иные оттенки значения, категоризирует разные сферы социального бытия.

Слово *очевидец* частотно в публицистике, но почти не встречается в поэзии, изредка употребляется в прозе – в тех типах контекста, которые моделируют сухой протокольный стиль повествования («Губернатор», «Иго войны» Л. Андреева, «Факультет ненужных вещей», «Хранитель древностей» Ю. Домбровского, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова и т. п.). При этом слово употребляется в прямой своей функции – в качестве ссылки на источник информации: *по свидетельствам*

очевидцев, по рассказам очевидцев, по воспоминаниям очевидцев, как рассказывают очевидцы и т. п. Палитра его вторичных значений явно беднее, чем у слова *свидетель*.

Особенностью поэтического функционирования слова *свидетель* является «глагольность» механизмов развития семантики. Подобно тому, как значение глагола конкретизируется с помощью объекта, с которым он употребляется (ср. *учить детей* – «преподавать, наставлять» / *учить стихи* – «запоминать»), и в содержании данного слова те или иные оттенки выявляются в зависимости от объекта, с которым связана перцепция: *свидетель (чего?) тайного свидания* («случайное присутствие») / *свидетель эпохи* («современник эпохи») / *свидетели Иеговы* («проповедники, адепты религиозного учения»).

Именно этому слову свойственно выполнение дискурсивной функции. Как известно, дискурс отличается от текста нелинейной организацией знаковых единиц и отнесенностью к лингвосинергетической парадигме, а также промежуточным положением между субъективным миром человека и реальностью – с одной стороны, и между языком и речью – с другой²². «Элементами дискурса служат: излагаемые события, участники этих событий, перформативная информация и «несобытия», то есть обстоятельства, сопровождающие события, фон, оценка участников события и т. п.»²³ Употребления типа: *Бог свидетель! Я сам свидетель!* – как раз отвечают этим требованиям. Они отражают социокультурные представления о степени достоверности информации (истинно то, что фиксировано визуально и особенно лично), при этом выполняют перформативную функцию, фактически равняясь перформативам *Клянусь!*, *Заверяю вас!* и т. п. Употребления вроде: *при свидетелях, без свидетелей, свидетелей не было* – содержат указания на обстоятельства, служащие социальным фоном события и т. п.

Отдельно следует рассматривать и своеобразные коммуникативные, или в данном случае дискурсивно-коммуникативные, функции некоторых употреблений. К ним относятся призывы к реальным, виртуальным или риторическим собеседникам быть свидетелем чего-либо: *Будьте же свидетелями, братья, / Я хочу быть бедным, и таким, / Как родился – слабым и нагим, / Кинуться Спасителю в объятья!* (Д. Мережковский. Франциск Ассизский). Эта функция сочетает коммуникативную цель – обращение к собеседнику за поддержкой в словах, действиях, впечатлениях – и дискурсивные компоненты содержания.

Будучи в первичном своем номинативном статусе наименованием лица, слово *свидетель* является носителем социальной семантики (как любое наименование лица). Можно ожидать, что для радикальной семантической трансформации это слово должно «сдвинуться» в область обозначения других сфер бытия: психологии человека или онтологических представлений. Онтологи-

ческая семантика очень близка к социальной, и многие из приведенных выше значений содержат элементы представлений о всеобщем бытии, мироустройстве: такие понятия, как грех, возмездие, жизнь, смерть. Но можно отметить и движение в область психологических, духовных, морально-нравственных категорий. Например, в поэзии часто свидетелем названа совесть:

Если совесть наш свидетель, / Не ужасен смертный час, / Не ужасен гнев гоненья / И коварство не хитро. / Длинно время для терпенья, / Для веселия быстро (Г. Державин. *Время*);

Любезно дружество, любезна добродетель, / Невинность чистая, любовь, краса сердец / И совесть самая, всех наших дел свидетель. / Для них – мечта одна! (К. Батюшков. Перевод 1-й сатиры Боало);

Но мне ль, свидетель справедливый / Всех наших помыслов и дум, / Но мне ль, судья благолюбивый, / Пред коим наг хитрейший ум... (Н. Николаев. *Совесть*);

Что совести боюсь, что мне она свидетель / Всех чувств и помыслов, всех тайн моей души? (Е. Ростопчина. *Разговор во время мазурки*).

Совесть же названа и *судью*: всеведение, объективность и бесстрастность знания о душе и жизни человека соединяются с неотвратимостью возмездия в виде раскаяния, загробного наказания за грехи: внутренний свидетель превращается во внутреннего судью, свидетель страшит не меньше судьи. Переосмысливается, конечно, не первичное, а вторичное – терминологическое – значение этого слова («свидетель на суде»). Тем разительнее контраст сфер обозначения и тем ярче метафорический перенос.

В рамках социоцентрической семантики выделяется, например, значение «современники исторических событий, социальных катастроф, духовных изменений в обществе»:

Свидетель будешь ты уже поры иной. / Быть может, наши сны сочтешь уже мечтой (А. Майков. *Сны*);

Это наше родное, кому открываешь душу. Свидетели нашего умирания. Все поверяешь им, и они так умеют слушать! (И. Шмелев. *Солнце мертвых*);

Презренного, дикого века / Свидетелем быть мне дано / И в сердце моем так могильно, / Как мерзлое это окно (И. Бунин. «Мы сели у печки в прихожей...»);

Мы много жили, / Но мало думали о том, / В какое время мы живем, / Чему свидетелями были? (Н. Некрасов. *Что поделявает наша внутренняя гласность*);

Я был свидетелем сдвигов сознания, / Геологических оползней душ / И лихорадочной перестройки / Космоса в «двадцать вторых степенях» (М. Волошин. *Четверть века*).

В роли таких современников могут выступать в том числе предметы, ландшафты, другие реалии. В этом употреблении актуализируются функция

пространственно-временной указательности и метафорическая (одицетворяющая) семантика:

Булатный щит, свидетель грозных сеч. / На том щите видна звезда с крестом, / А близ щита сверкает острый меч (И. Козлов. *Тайна*);

Вдоль не очищенной стены / Свидетель мрачной старины / Поставлен долговязый стол (Н. Языков. *Чувствительное путешествие в Ревель*);

Дубравой темной осененной, / Родной отцам моих отцов, / Мой дом, свидетель двух веков, / Поникнул кровлею смиренной (Е. Баратынский. *Пир*).

Дискурсивные употребления слова *свидетель* можно классифицировать следующим образом:

– употребление в функции заверения, клятвы, убеждения в достоверности информации (достоверно, потому что «я сам видел, сам свидетель»):

О вашей храбрости, почти невероятной, / Я сам свидетель слов его нелицемерный (М. Херасков. *Чесмесский бой*);

Я сам свидетель был, как некто добивался, / Чтоб места получить, и к судие таскался, / Но тщетно тот судью о месте сем просил (И. Хемницер. *Сатира I. На худых судей*);

А этим всем ее отчаянным словам / Свидетель точный был я сам (И. Хемницер. *Вдова*);

– еще большей клятвенной силой обладает призывание Бога в свидетели – чаще всего для заверения в правоте своих слов, чистоты намерений, истинности своих чувств, мыслей, желаний:

– Брат, скажи ты мне за ради Христа, какая у тебя корысть в этой свадьбе? Не пойму, Бог свидетель, не пойму. Дениску твоего я прямо видеть не могу (И. Бунин. *Деревня*);

Проклинает поведение / Гордость глупую мою, / Я брожу как приведение, / Но – свидетель Бог – не пью! (Н. Некрасов. *Филантроп*);

Наше сердце огрубело. / И, к свободе не привык, / А кощунствует он смело, / Лживый, рабский наш язык! / Мы смиренны, – Бог свидетель! / Скучен подвиг, скучен грех... (Д. Мережковский. *Ювенал о Древнем Риме*);

Вот Бог вам, Алексей Иванович, свидетель: / Есть нечего, все дети босиком / Жену оставил я с одним лишь пятаком (А. Измайлов. *Пьяница*).

Это употребление маркировано грамматически: прежде всего, управлением формой дательного падежа местоимения, указывающего на того, кто клянется (*Клянемся все, и Бог свидетель нам, / Что мы тебе отныне все покорны, / Доколь вконец не сокрушим мечом / И лжецаря, и ляхов ненавистных* (А. Хомяков. *Димитрий Самозванец*)), или на собеседника – того, кого пытаются в чем-либо заверить (*Бог свидетель тебе, – никогда больше не попрошу!* (И. Бунин. *Хорошая жизнь*)).

Исходя из противопоставления разных степеней проявления индивидуального концепта, слова *свидетель* и особенно *очевидец* относятся к предикатным, «менее индивидуальным» именам. Они несколько не проясняют индивидуального или

личностного концепта и обладают предельно обобщенной, а в ряде случаев (бином *свидетели и очевидцы*) – собирательной семантикой.

Эту закономерность функционирования слова, восходящую к особенностям концептуализации перцептивного процесса в наименованиях лица, проиллюстрируем на примере еще одного слова, относящегося к этой группе, – *наблюдатель*.

В его содержание, согласно словарной дефиниции, входят значения: «Тот, кто наблюдает за кем-л., чем-л., наблюдает что-л. *Беспристрастный наблюдатель. Пожил человек, значит, жизнь и людей знает, – скажет о нем [Аянове] наблюдатель.* И. Гончаров. Обрыв. *Сторонний наблюдатель из какого-нибудь заросшего липами захолустного переулка, попадая в Петербург, испытывал в минуты внимания сложное чувство умственного возбуждения.* А. Н. Толстой. Сестры. || Тот, кто по профессии, по службе занимается наблюдениями за кем-, чем-л. *Военный наблюдатель. Наблюдатели до ряби в глазах всматривались в горизонт, чтобы не пропустить дым или перископ подводной лодки.* Паустовский. Северная повесть»²⁴.

У этого слова есть две возможности быть использованным в художественном тексте: в роли семантического субъекта («более индивидуальное» употребление) и в предикатно-характеризующей роли («менее индивидуальное»). Первая воплощается в значениях конкретной профессии, чаще всего военной специальности:

– *Ложись!* – *жутким голосом закричал в это время красноармеец-наблюдатель, и несколько человек повалились плашмя на землю* (В. Гроссман. Жизнь и судьба);

Она узнала, что в развалинах второго этажа сидят наблюдатели-артиллеристы, передающие данные в Заволжье (В. Гроссман. Жизнь и судьба);

в значении «политический наблюдатель» (в художественном тексте не встречается) и в условно-символическом использовании этого слова в качестве наименования героя:

Наблюдатель прогуливался с друзьями, которые помогли вести подсчеты и придерживаться объективности (Д. Гранин. Зубр);

Отметку «четыре» ставили тем, на кого наблюдатель обращал внимание приятелей; отметку «пять» – тем, на кого он не обращал внимание приятелей; отметку «три» – тем женщинам, которые обращали внимание на них (Д. Гранин. Зубр).

В предикатно-характеризующей функции слово обозначает какую-либо черту человека, например, познавательное внимание к миру, умение видеть мелочи, детали, эстетически обрабатывать свои впечатления, воплощая их в своем творчестве: *Ниспровергатель, наблюдатель и повелитель Серебренников-режиссёр* (Я. Зубцова. Кирилл Серебренников. Ниспровергатель, наблюдатель и повелитель).

Художественные функции этого слова обнаруживаются уже в иллюстративной части словарной статьи: *Пожил человек, значит, жизнь и людей знает, – скажет о нем [Аянове] наблюдатель.* С помощью слова *наблюдатель* здесь обозначено некое усредненное типичное впечатление или мнение, которое производит изображенный объект: человек или предмет. Это местоименная роль – данное употребление сходно по функции с определительными местоимениями: *всякий, каждый, любой (скажет о нем всякий, кто его видит)*. Слово указывает на собирательный образ носителя типичного представления или мнения о чем-либо.

Такое употребление очень характерно для художественного текста. Назовем его обобщенно-дейктической функцией этого слова:

Надохотавишись и поужинав, они легли спать все на той же выпирающей железными ребрами многострадальной кушетке и уснули в тесном объятии, совершенно не озабоченные некоторым нравственным неблагополучием, заметным взгляду стороннего наблюдателя, но никак не членам этой своеобразной семьи (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света);

Из избы долетали до нас звуки того унылого голошенья, услышав которое, даже самый опытный наблюдатель не в состоянии бывает определить, что скрывается за этими взвизгиваньями и завываньями: искреннее ли чувство или простой формализм (М. Салтыков-Щедрин. Святочный рассказ);

Нужно сказать, что странного и загадочного во всех действиях Арчибалда Арчибалдовича вовсе не было и странными такие действия мог бы считать лишь наблюдатель поверхностный (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);

Конечно, всякому волно смеяться над некоторыми их странностями, но шулки поверхностного наблюдателя не могут уничтожить их существенных достоинств, из коих главное: особенность характера, самобытность (individualite), без чего, по мнению Жан-Поля, не существует и человеческого величия (А. Пушкин. Барышня-крестьянка).

Что касается содержания семы визуального восприятия (*наблюдатель* от глагола *наблюдать* – «внимательно следить глазами за кем-, чем-л.»), то в этих употреблениях она почти не сохраняется: слово обозначает не того, кто рассматривает что-то, а обобщенное лицо – постороннего, не заинтересованного в ситуации, потенциального интерпретатора изображенной картины (см. регулярные эпитеты: *сторонний, посторонний, поверхностный, опытный, типичный*).

Близко к этой функции использование слова в организации изображения чего-либо или повествования о каком-либо событии:

И если бы нестойкое трепетание небесного огня превратилось бы в постоянный свет, наблюдатель мог бы видеть, что лицо прокуратора с

воспаленными последними бессонницами и вином глазами выражает нетерпение, что прокуратор не только глядит на две белые розы, утонувшие в красной луже, но постоянно поворачивает лицо к саду навстречу водяной пыли и песку, что он кого-то ждет, нетерпеливо ждет (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);

Если бы какой-нибудь наблюдатель мог проследить дальнейшие действия Арчибалда Арчибалдовича, они, несомненно, показались бы ему несколько загадочными (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);

С террасы стеклянная дверь вела в гостиную; а в гостиной **вот что представлялось любопытному взору наблюдателя**: по углам изразцовые печи, кисленькое фортепьяно направо, заваленное рукописными нотами, диван, обитый полинялым голубым штофом с беловатыми разводами, круглый стол, две горки с фарфоровыми и бисерными игрушками екатерининского времени, на стене известный портрет белокурой девицы с голубком на груди и закатившимися глазами... (И. Тургенев. Гамлет Щигровского уезда);

Между тем нагоревший сальный огарок освещал **чрезвычайно любопытную для наблюдателя сцену**... (Ф. Достоевский. Господин Прохарчин).

Это своеобразное обозначение точки видения происходящей сцены или ракурса ее изображения, например, в отсутствии в этой сцене других героев, глазами которых она могла бы быть показанной. Этот прием может использоваться и с целью противопоставления видимого и сущностного – того, что представляется простому восприятию, тому, что составляет причины, результаты, цель, психологический фон и т. п. наблюдаемого происходящего: **Посторонний наблюдатель едва ли бы заметил, что в классе что-то случилось. Но Шарыгин чувствовал это. Двое заподозренных, охотно говорившие со всеми своими обвинителями, не замечали Шарыгина и не отвечали на его попытки вступить в примирительную беседу** (Л. Андреев. Молодежь).

Участие слова в организации художественного дискурса заключается в данных случаях в том, что в нем неявно проступает социокультурный фон повествования – представления о явлениях типичных, характерных для данного социума, носителя данной культуры, расхожем мнении, распространенном общем впечатлении и т. п.

Верность этого вывода подтверждается случаями использования слова в предикативной семантической роли: кто-то есть наблюдатель:

Живши в самую любопытную эпоху сражения старых порядков и обветшалых мнений с новыми идеями, с новыми образами, он был бесстрастным наблюдателем крайностей, беспристрастным судьей тех и других (А. Бестужев-Марлинский. Следствие вечера на Кавказских водах);

Использовали ли их для вхождения в Святую Церковь, к созиданию полноты и совершенства

Тела Христова или мы зарыли в землю талант, были сторонними наблюдателями, а может быть, и хуже того – вольно или невольно способствовали умалению и опорочиванию Церкви Христовой (Патриарх Алексий II (Ридигер). Ежегодное епархиальное собрание города Москвы 2004 г.);

Мы не должны ни злорадствовать, ни делаться какими-то сторонними наблюдателями (И. Мейендорф. Православное свидетельство в современном мире).

В этих употреблениях, отчасти благодаря эпитетам *сторонний, пассивный*, выражается значение социальной и духовной пассивности, эмоциональной инертности.

Значение социальной пассивности актуализируется также с помощью антитезы, которая строится с использованием слова *наблюдатель*. Это тоже весьма распространенный способ художественной репрезентации понятия «наблюдатель»:

Но в этих произведениях он уже не борец, не человек, живущий активной жизнью, а как бы сторонний наблюдатель, смотрящий на жизнь со слабой скептической улыбкой (Б. Полевой. Несколько слов о Джеке Лондоне);

Странное чувство вдруг пронизало меня – будто бы я не наблюдатель, а часть этого нью-йоркского мгновения, просто расплывчатый лик за мутным окном «Рэдджи» (В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп);

И тот, кто из простого наблюдателя превращался в участника действия, на глазах преображался, прыгая и веселясь, словно дитя (О. Акулова, Г. Арутюнов. «Широкая Масленица» в Москве) и т. п.

Антитеза строится на противопоставлениях понятий «борец/пассивный скептик», «активный/сторонний», «вне социальной жизни/часть жизни», «зритель/участник». И эти противопоставления открывают новые грани семантики этого слова, свидетельствующие о его движении из области обозначения перцептивно-психологических процессов в область оценки социальной активности человека.

Таким образом, слово *наблюдатель* имеет свою специфику когнитивно-семантического переосмысления заложенных в его содержании перцептивных компонентов. Определяет эту специфику, на наш взгляд, прежде всего дискурсивная функция этого слова – его использование в структуре особых обобщенно-дейктических или образительных фрагментов текста, имплицитующих противопоставление видимого, внешнего, наблюдаемого сущностному, внутреннему, скрытому, ненаблюдаемому. Развитием логики этого противопоставления является формирование представлений о том, что наблюдаемое – это основа типичного, расхожего мнения, того, что называется «поверхностным» впечатлением. Именно с этим аспектом изображения мира связано понятие по слову *наблюдатель*.

Как видим, беглый анализ всего двух слов из обширной группы единиц, относящихся к наименованиям лица по перцептивным действиям, позволяет реконструировать весьма характерную тенденцию, отличающую слова этой категории от других номинативных явлений. В плоскости лингвистической интерпретации к этим тенденциям относится тяготение данных слов к предикативности, которая может быть определена не только в структурно-синтаксическом аспекте (как функция сказуемого), но и в семантическом плане – как функция характеристики, изображения, обозначения тех или иных признаков названного в контексте субъекта.

С точки зрения отражения в слове когнитивных процессов эта лексика характеризуется своеобразной «социальностью», коммуникативностью и дискурсивностью происхождения и употребления. Эти ее особенности позволяют по-новому взглянуть на саму семантическую категорию наименования лица и на проблемы, связанные с изучением этого слоя общеязыковой семантики.

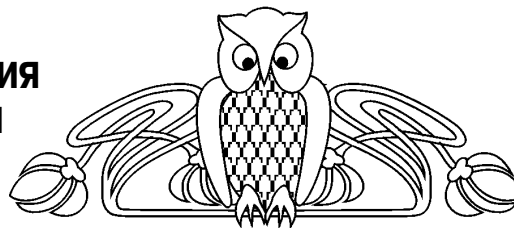
Примечания

- 1 См.: Демьянков В. Личность, индивидуальность и субъективность в языке и речи // «Я», «СУБЪЕКТ», «ИНДИВИД» в парадигмах современного языкознания : сб. науч.-аналит. обзоров. М., 1992. С. 10.
- 2 Там же. С. 25.
- 3 Речь идет о нарицательных наименованиях, а не об именах собственных – антропонимах, возникновение и употребление которых относится к процессу *именования*, являющемуся процессом не столько лингвистическим, сколько социальным.
- 4 Это сходство проявляется также в том, что лицо часто обозначается субстантивированным прилагательным: *слепой, хромой, русский, одноногий, дежурный, военный* и т. п.
- 5 Личность – «устойчивая система социально значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества» (Демьянков В. Указ. соч. С. 10).
- 6 Степанов Ю. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). М., 1981. С. 89.
- 7 Майтинская К. Местоимения в языках разных систем. М., 1969. С. 157.
- 8 Подробный структурно-семантический анализ таких употреблений см.: Бабайцева В. Система одноставных предложений в современном русском языке. М., 2004.
- 9 См.: Семенова С. О коннотациях наименований наблюдаемых объектов // Логический анализ языка. Языки эстетики : Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М., 2004. С. 574.
- 10 Там же. С. 580.
- 11 Понятие «действие» используется в данном случае в широком процессуальном значении «компонент, аспект перцептивного *процесса*, в том числе действия и состояния». О противопоставлении действия состоянию см.: Авдеевнина О. Семантика состояния vs. действие в содержании перцептивных глаголов // Изв. Саратовского университета. Нов. сер. 2012. Т. 12. Сер. Филология. Журналистика, вып. 2. С. 10–18.
- 12 Здесь и далее литературный и публицистический материал цитируется по : Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 20.08.2012).
- 13 См.: Степанов Ю. Указ. соч.
- 14 Там же. С. 90.
- 15 Там же.
- 16 Потому так много в языке наименований по профессии, роду, сфере, направленности социальной деятельности (*врач, строитель, политик, экономист, священник, мещанат* и т. п.), не считая наименований по должности, званию, специализации (*стоматолог*), социальному статусу (*пенсионер*) и т. п., которые опосредованно тоже связаны с социальной деятельностью.
- 17 Словарь русского языка : в 4 т. М., 1985–1988 (далее – МАС).
- 18 Там же.
- 19 Михельсон М. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний : в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 55.
- 20 Там же. С. 177.
- 21 МАС.
- 22 См.: Алефиренко Н. Дискурсивный анализ : традиции и инновации // Язык. – Сознание. – Культура. – Социум : сб. докл. и сообщ. междунауч. конф. памяти профессора И. Н. Горелова. Саратов, 2008. С. 12–15.
- 23 Там же. С. 13.
- 24 МАС.

УДК 81*367.622*366.533*37

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ЛЕКСИКАЛИЗОВАННЫХ ФОРМ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Е. В. Шемяева

Белгородский государственный университет
E-mail: eshemaeva@yandex.ru

Статья посвящена исследованию когнитивной сущности лексикализации форм множественного числа имени существительного. Автор анализирует роль метонимии в формировании самостоятельных лексических значений и предлагает классификацию метонимических моделей лексикализации.

Ключевые слова: концептуальная деривация, лексикализация, когнитивная метонимическая модель, множественное число имени существительного.

Conceptual Derivation as a Cognitive Basis of Forming the Semantics of Lexicalized Forms of Plural Forms of Nouns

E. V. Shemaeva

The article deals with the study of cognitive nature of lexicalization of plural forms of nouns. The author analyzes the role of metonymy in formation of new meanings and suggests the classification of metonymical models of lexicalization.

Key words: conceptual derivation, lexicalization, cognitive metonymical model, plural forms of nouns.

Современные исследования в области когнитивной лингвистики позволили установить, что семантика языковых единиц определяется процессами на концептуальном уровне и формируется за счёт различных когнитивных операций. Например, в основе полисемии лежат концептуальные операции, проводимые над знаниями и заключающиеся в передаче информации из одной концептуальной области в другую¹. Синонимия обусловлена тем, что в результате определённых когнитивных операций происходит акцентирование тех или иных концептуальных характеристик, выраженных разными, но близкими по значению словами². Интересным в этом смысле представляется исследование процесса формирования семантики лексикализованных форм множественного числа имени существительного, который ранее рассматривался только в ракурсе языковых механизмов.

Как известно, формы множественного числа имени существительного могут получать самостоятельное лексическое значение, отличное от значения простого множества подобных предметов. Такой процесс семантического обособления форм множественного числа получил название «лексика-

лизация». В рамках структурно-функционального подхода лексикализация форм множественного числа имени существительного объяснялась с точки зрения внутриязыковых механизмов (работы А. А. Потебни, А. А. Шахматова, Д. И. Арбатского и др.). В качестве исходного при этом принималось положение о том, что слово представляет собой единство лексических и грамматических значений. Поэтому при изучении условий обособления форм слова учитывались как лексические, так и грамматические особенности. Так, в работе Д. И. Арбатского «Формы множественного числа имён существительных в современном русском литературном языке», которая считается пионерской в ряду исследований проблем лексикализации, автор выделяет следующие значения форм множественного числа: совокупности предметов и явлений (*красоты; бронзы «изделия»; радости; деды «предки»; Ларины «семья»; итыки* (обозначение людей по оружию: *Мобилизовать двести итыков); круги; итаны; деньги* и т. д.); вещества и материалы (*масла «сорта масла»; ароматы «вещество, обозначенное по запаху»; осадки, капли* и т. д.); сложные предметы (в том числе части тела и органы: *ноги, внутренности); одежда (рукавицы, одежды); орудия, инструменты (вожжи); средства передвижения (нарты); сооружения (леса, двери); помещения (комнаты, казармы); тексты (лекции); знания, мысли (основы, замыслы); сложные действия (приготовления; порядки; толки; снежки; разговоры* и т. д.); место, пространство (*овсы; воды; широты; горы; зады; пространства* и т. д.); состояния (*боли; взаимоотношения; лады; (идти в) солдаты; холода); отрезки времени (годы; до петухов* и т. д.)³.

В труде Д. И. Арбатского, в отличие от более ранних работ, в которых исследователи пытались подвести все частные значения числа под «общий знаменатель», показано, что значение формы множественного числа не всегда сводимо к сумме лексического значения и семантического компонента «несколько», что свидетельствует о возможности высокой степени лексикализации числовых противопоставлений⁴.

В качестве языковых механизмов, обеспечивающих лексикализацию форм множественного числа имени существительного, рассматривалась их семантическая и грамматическая изоляция. В результате семантической изоляции между формами единственного и множественного числа

существительного утрачивается смысловая связь, и они становятся разными, отдельными словами: *средство/средства* (например, от простуды) и *-/средства* (деньги). Семантическое обособление в таких случаях всегда сопровождается грамматическим. Грамматическая изоляция форм множественного числа в самостоятельные лексемы выражается в наличии полной, устойчивой лексикализации. Например, форма множественного числа *-/леса* (временное сооружение для строительных или ремонтных работ) полностью утратила грамматическое значение числа, что, как считает Л. А. Новиков, свидетельствует о её устойчивой лексикализации⁵.

Однако исследования семантико-грамматического характера не позволяют полностью вскрыть сущностные процессы, обеспечивающие приобретение формами множественного числа существительных самостоятельного лексического значения. На наш взгляд, в настоящее время существуют необходимые предпосылки для того, чтобы рассмотреть данную проблему с позиций когнитивно-ориентированного подхода и выявить не только языковые, но и когнитивные механизмы лексикализации форм множественного числа имени существительного.

В когнитивной лингвистике принято считать, что концепт определяет семантику языковых единиц, поэтому любые изменения структуры значения подразумевают изменения прежде всего в концептуальной структуре, лежащей в его основе. Следовательно, для того, чтобы выявить глубинные процессы, обеспечивающие лексикализацию форм множественного числа имени существительного, необходимо обратиться к исследованию на концептуальном уровне. Анализ фактического материала позволяет предположить, что на концептуальном уровне лексикализация форм множественного числа имени существительного обеспечивается благодаря действию концептуальной деривации.

В широком понимании концептуальная деривация, по мнению Н. Н. Болдырева, предстаёт как «языковая модель изменения определённого концептуального содержания с целью формирования нового смысла»⁶. Данный процесс основан на использовании и интерпретации уже вербализованного знания за счёт его сужения, расширения, развития, переструктурирования, генерализации или, напротив, конкретизации. Формирование нового смысла происходит при помощи тех или иных языковых механизмов, при этом связи между новым и исходным концептами могут носить разный характер, подчиняться разным когнитивным схемам и моделям: «часть – целое», «нейтрализация, усиление или ослабление определённой характеристики», «градация степени проявления признака», «изменение перспективы репрезентации концепта»⁷.

Л. В. Бабина рассматривает концептуальную деривацию как «когнитивный процесс, обеспечивающий появление новой структуры знания в

концептуальной системе человека на основе уже существующих концептов и концептуальных структур»⁸. При этом предполагается, что после того, как концепты, образующие концептуальную систему человека, уже были поименованы, в языке возникли предпосылки для их дальнейшего объединения в новые концептуальные структуры, в результате чего происходит фиксация самостоятельных лексических значений. Эти концептуальные структуры также становятся частью концептуальной системы человека, создавая тем самым основу для её дальнейшего развития⁹.

Взяв за основу определение концептуальной деривации, данное Н. Н. Болдыревым, считаем возможным рассматривать лексикализацию форм множественного числа имени существительного как один из видов концептуальной деривации, осуществляемый благодаря действию определённых когнитивных механизмов.

Анализ словарных дефиниций лексикализованных форм множественного числа имён существительных и их сопоставление со словарными дефинициями форм единственного числа позволяет предположить, что в качестве основного когнитивного механизма, обеспечивающего лексикализацию, выступает метонимия. В результате взаимодействия концепта, лежащего в основе значения исходной формы единственного числа, и концепта «множественность» появляется новая концептуальная структура, лежащая в основе самостоятельного лексического значения языковой единицы, отличного от значения простого множества подобных предметов. Такой когнитивный процесс взаимодействия концептов основан на метонимическом сдвиге в содержании исходной концептуальной структуры.

Объективным основанием для действия метонимии, как отмечает Е. С. Кубрякова, становится известная неопределённость мира, в котором нет жёстких границ между целым и его частью, между объектом и его признаком¹⁰.

В теории фигуро-фоновых отношений метонимический сдвиг объясняется такими особенностями когниции, как избирательность восприятия и распределение внимания. Ведущей и исходной при этом считается операция профилирования – выделения активной зоны концептуальной области¹¹. В результате профилирования акцентируются доминантные признаки оцениваемого предмета мысли. Профилированность, или акцентный статус признаков, является одним из центральных понятий когнитивной семантики, а изменение акцентного статуса рассматривается как универсальное средство порождения многозначности¹².

По мнению Дж. Лакоффа, метонимия существует в концептуальной системе человека в виде идеализированной когнитивной модели или концептуальной структуры, между отдельными элементами которой есть отношение замещения¹³. «Нет ничего более обычного для людей, – пишет учёный, – чем взять какой-либо один ясно понимаемый или легко

воспринимаемый аспект чего-либо и использовать его для обозначения вещи в целом или какого-либо другого её аспекта или части»¹⁴.

Дж. Лакофф выделяет следующие характеристики метонимических моделей. Во-первых, есть некий концепт А, который воспринимается в определённом контексте. Во-вторых, есть концепт В, который, как и концепт А, входит в одну и ту же концептуальную структуру. В-третьих, А выступает как часть В, либо тесно с ним связан в пределах этой концептуальной структуры. В-четвёртых, использование В вместо А предполагает, что В либо интуитивно понятнее, конкретнее, известнее, детальнее, либо легче передаётся¹⁵.

В более широком смысле метонимия представляет собой «модель концептуализации мира и репрезентации знаний о мире в сознании человека»¹⁶. При этом отмечается, что во многих случаях данная модель носит не зеркальный, а интерпретирующий характер. Метонимическая когнитивная модель основана на опыте, то есть на знании существующего порядка вещей, следовательно, представляет собой модель перестройки концептуальной структуры, отражающей конвенциональное осмысление определённого фрагмента мира.

Г. П. Кузикович считает возможным интерпретировать метонимию в данном контексте как «амбивалентное явление – как процесс и как результат этого процесса»¹⁷. В первом случае речь идёт о смещении фокуса внимания (динамический аспект), а во втором – о способности какой-либо части концептуального содержания служить средством репрезентации всего концепта (статический аспект). При этом динамический аспект не сводится к простой механической операции замещения целого его отдельной частью или буквальному отражению существующих отношений и зависимостей. Он предполагает ряд ментальных действий, сопровождающихся высвечиванием одних признаков и затухиванием других.

Метонимия обычно осуществляется по таким моделям, как «часть – целое», «причина – событие», «следствие – событие», «способ – событие», «сопутствующее событие – событие», «оценка качества – событие», «действие – результат» и т. д.

Предварительный анализ фактического материала показывает, что лексикализация форм множественного числа имени существительного осуществляется на базе когнитивных метонимических моделей различных типов. Наиболее продуктивными являются следующие модели: «часть – целое», «материал – изделие из этого материала», «способ – событие», «следствие – причина», «действие – результат», «атрибут действия – действие», «свойство – предмет», «результат – действие».

Когнитивная метонимическая модель «материал – изделие из этого материала» может быть проиллюстрирована многими примерами как в русском, так и в английском языках: *flannel – flannels, nylon – nylons, corduroy – corduroys, leather – leathers, silk – silks, бобёр – бобры, мех – меха,*

лосина – лосины и др. Рассмотрим подробнее процесс формирования значения лексикализованных форм множественного числа имён существительных на примере когнитивной метонимической модели «материал – изделие из этого материала».

*On Saturdays and Sundays she grew more sanguine, but the mood was dispersed on Monday morning with the prospect of enduring that place for another week right through till Friday when all the managers wore tweeds*¹⁸.

Существительное *tweed* имеет следующее значение: *woolen cloth with a rough surface, often woven with mixed colours*¹⁹. Данное словарное толкование позволяет говорить о наличии таких концептуальных характеристик, как: «ткань», «качества – шерстяная, грубая, сотканная из разноцветных ниток». Словарное толкование лексикализованной формы множественного числа *tweeds – clothes made of tweed*²⁰ – говорит о наличии характеристик «одежда», «качества». Сопоставление указанных характеристик свидетельствует о формировании нового смысла «*clothes made of tweed*». Новый концепт, определяющий семантику лексикализованной формы множественного числа *tweeds*, формируется за счёт действия когнитивного механизма концептуальной метонимии: активизируется концептуальная характеристика «одежда» (концептуальная характеристика «ткань» исходного концепта замещается концептуальной характеристикой «одежда»), а концептуальная характеристика «качества» наследуется.

Учёт контекстуальной информации подтверждает, что формирование лексикализованного значения формы множественного числа *tweeds* осуществляется за счёт действия когнитивного механизма концептуальной метонимии. Информация, передаваемая словосочетанием *the managers wore* (*wore pt of wear – to have something on one's body, especially as clothing, as an ornament, etc.*), указывает не на название материала, а на одежду, изготовленную из него.

Лексикализованные формы множественного числа существительных, образованные по метонимической модели «материал – изделие из этого материала», встречаются и в русском языке, например:

*Тётя Броня говорила: «Когда у тебя в шкафу одни вечерние шелка, всё отдашь за фланелевый халатик»*²¹.

Исходная форма единственного числа *шёлк* имеет следующее значение: нити, изготавливаемые из выделенной гусеницы-шелкопряда; ткань из таких нитей, а также из искусственного, синтетического волокна²². Это толкование свидетельствует о наличии таких концептуальных характеристик, как: «ткань», «качества – натуральная или искусственная». Данные характеристики определяют содержание концепта, лежащего в основе значения формы единственного числа *шёлк*. Словарная дефиниция формы множественного числа *шелка* – одежда из

шёлка²³. Данное толкование подтверждает наличие концептуальных характеристик «одежда», «качества». Таким образом, происходит формирование нового смысла «одежда из шёлка». При этом новый концепт, лежащий в основе значения лексикализованной формы множественного числа *шелка*, образуется при помощи когнитивного механизма концептуальной метонимии: активизируется концептуальная характеристика «одежда» (концептуальная характеристика «ткань» исходного концепта замещается концептуальной характеристикой «одежда»), а концептуальная характеристика «качества» наследуется.

Анализ контекста позволяет заключить, что в данном примере форма множественного числа *шелка* обозначает не просто большое количество шёлка – информация, передаваемая определением *вечерние* (вечерняя – выходная, нарядная), указывает не на название материала, а на одежду, изготовленную из него. Следовательно, связь между исходным концептом, определяющим значение формы единственного числа *шёлк*, и новым концептом, формирующим семантику лексикализованной формы множественного числа *шелка*, подчиняется когнитивной метонимической модели «материал – изделие из этого материала».

Следует отметить, что формы множественного числа *tweeds* и *шелка* не всегда используются в лексикализованном значении, они могут также употребляться для обозначения простого множества подобных предметов, например:

*Tweeds so bright they look as if spun from neon sugar are cut into carefree little suits, and matched with bold, extravagantly coloured prints*²⁴.

*Французские красильни попробовали применить «анилиновый пурпурный», изменив его название на «мовейн» (по названию цветка мальвы – mauve). Шелка «цвета мальвы» имели громкий успех. Из Франции мода быстро перекинулась в соседние страны, в том числе и в Англию*²⁵.

Таким образом, формирование семантики лексикализованных форм множественного числа *tweeds* и *шелка* происходит не только за счёт действия когнитивного механизма концептуальной метонимии, но и под влиянием контекстуального фактора в рамках предложения-высказывания.

Итак, изучение лексикализации форм множественного числа имени существительного с позиций когнитивного подхода позволяет заключить, что основным когнитивным процессом, обеспечивающим лексикализацию на концептуальном уровне, является концептуальная деривация, которая осуществляется по когнитивным метонимическим моделям различных типов.

Примечания

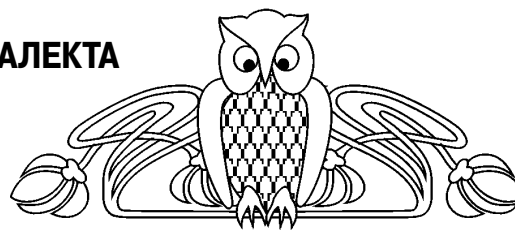
¹ См.: Медведева А. Когнитивные механизмы развития полисемии прилагательных // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний и проблема их классификации : сб. науч. тр. М. ; Тамбов, 2008. С. 245–254.

- ² См.: Горбунова Л. Синонимия производных значений локативных прилагательных и концептуализирующая роль языка // Вопр. когнитивной лингвистики. 2010. № 2. С. 34–38.
- ³ Подробнее см.: Арбатский Д. Значения форм множественного числа имён существительных в современном русском литературном языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.
- ⁴ Подробнее анализ см.: Ляшевская О. Семантика русского числа. М., 2004.
- ⁵ См.: Новиков Л. Лексикализация форм числа существительных в русском языке (к вопросу о формах слова) // Филологические науки. 1963. № 1. С. 77–89.
- ⁶ Болдырев Н. Оценочная метареферентация : проблемы изучения и описания // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке : сб. науч. тр. М. ; Тамбов, 2009. С. 48.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Бабина Л. Проблема концептуальной деривации // Вопр. когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 86.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: Кубрякова Е. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992. С. 89.
- ¹¹ См.: Talmy L. Lexicalization Patterns : Semantic Structure in Lexical Forms // Language Typology and Syntactic Description. Cambridge, 1985. P. 17.
- ¹² См.: Langacker R. Concept, Image and Symbol : The Cognitive Basis of Grammar. N.Y., 1991. P. 189–200.
- ¹³ См.: Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things : What Categories Reveal about the Mind. Chicago, 1987. P. 78.
- ¹⁴ Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи : Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М., 2004. С. 111.
- ¹⁵ См.: Lakoff G. Op. cit. P. 85.
- ¹⁶ Козлова Е. Метонимия как модель взаимодействия фреймов // Типы знаний и их репрезентация в языке : сб. науч. тр. Тамбов, 2007. С. 66.
- ¹⁷ Кузикович Г. Когнитивная природа метонимии и её роль в семантическом варьировании абстрактных имён // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний и проблема их классификации. С. 257.
- ¹⁸ The British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 10.02.2012).
- ¹⁹ Hornby A. Oxford Advanced Learners' Dictionary of Current English. Oxford, 1995. P. 1287.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 15.01.2012).
- ²² См.: Ожегов С., Шведова Н. Словарь русского языка. М., 1986. С. 775.
- ²³ Там же.
- ²⁴ The British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 11.02.2012).
- ²⁵ Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 10.01.2012).

УДК 811.161.1'282(470.44)

АНАЛИЗ ВЫСОКОЧАСТОТНОЙ ЛЕКСИКИ ДИАЛЕКТА (на материале корпуса диалектных текстов Саратовской области)

А. И. Буранова

Саратовский государственный университет
E-mail: aburanova@list.ru

Статья посвящена изучению состава высокочастотной диалектной лексики и выделению особенностей языковой картины мира диалектоносителей.

Ключевые слова: диалект, количественный анализ, частота.

Analysis of High-frequency Dialect Lexis (Based on Dialect Corpus of Saratov Region)

A. I. Buranova

The article is dedicated to the study of the composition of high-frequency dialect lexis and to the definition of linguistic world-image characteristics of dialect speakers.

Key words: dialect, quantitative analysis, frequency.

В современной лингвистике активно выполняются исследования с привлечением материалов частотных словарей. Применение данных об употребительности слова позволяет исследователям выяснить, насколько актуальным оно является для носителя языка. Анализ высокочастотных лексем помогает выявить наиболее существенные характеристики лексики отдельной языковой идиомы. Частотность употребления слова в речи является отражением его функционального веса в системе языка, а кроме того, тесно связана с «его парадигматической значимостью, важностью, существенностью для языка»¹.

Высокочастотная лексика формирует ядро лексической системы. В ее состав входят лексемы, репрезентирующие базовые для представителей отдельной речевой культуры понятия и концепты.

Анализ высокочастотной лексики диалекта позволяет выявить некоторые характерные черты языковой картины мира носителей традиционной народной культуры.

В ходе исследования нами был проанализирован корпус диалектных текстов, записанных в Саратовской области, общим объемом 510 000 словоупотреблений. Данный массив текстов был обработан с помощью морфологического анализатора MyStem и программы лексикографического анализа текста KagGateka, созданной в ИФИ СПбГУ. В результате обработки был получен словарь и вычислена частота употребления каждой леммы, а также составлен список лемм в порядке убывания их частот.

В ходе анализа мы рассмотрим состав 500 наиболее частотных лемм словаря, состав-

ленного на основе диалектного корпуса, предварительно разбив их на зоны по 100 слов в каждой.

В состав **первой зоны** входят преимущественно служебные слова (союзы, предлоги, частицы), наиболее частотное из которых – союз *и* (3,5%). В данную зону также входит несколько глаголов: *быть, говорить, знать, давать, ходить, приезжать, работать, делать, рассказывать*. Группа существительных представлена леммами *год, человек, девчонка, время, бог*. В состав зоны входят прилагательные *другой* и *хороший*; наречные формы *сейчас, потом, здесь, туда, много*; практически все местоимения (наиболее частотными являются личные местоимения, особенно *я* (1,82%)); также зафиксированы числительные *один* и *два*. Следует отметить значительный перепад частот в данной зоне: если первая лексема имеет частоту 3,5%, то последняя – всего 0,14%.

Таким образом, первая зона образована служебными словами и небольшим количеством знаменательных слов, которые используются для обозначения наиболее общих и актуальных понятий и действий. Так, сюда входят глаголы движения, речевой деятельности; наречия времени и количества; существительные, служащие для обозначения человека и временных интервалов. Кроме того, в первой зоне присутствует существительное *бог*. Данный факт можно объяснить тем, что носители диалекта являются преимущественно верующими людьми. Высокая частотность личных местоимений в составе первой зоны свидетельствует о важности межличностных отношений для представителей народной речевой культуры и подтверждает положение об антропоцентричности диалектной картины мира.

Во **второй зоне** значительно увеличивается количество знаменательных слов и сокращается число служебных. При этом перепад частот является значительным: первая лексема данной зоны имеет частоту 0,14%, а последняя – 0,07%. Основную часть зоны составляют глаголы и существительные. Прилагательные не зафиксированы. В составе второй зоны можно выделить следующие группы существительных: термины родства (*мать, мама, бабушка, отец, сын, бабушка, муж*), обозначения животных (*лошадь, корова*), наименования построек (*дом, школа*), лексемы с религиозной тематикой (*церковь, господь*), лексемы, связанные с сельским хозяйством (*колхоз, земля*). Также в данную зону входят лексемы *война* и *жизнь*.

Среди глаголов здесь можно выделить следующие группы: глаголы движения (*пойти, прийти, уходить, поехать, приходить, ездить, выходить, уезжать*), глаголы чувственного восприятия и ментальной деятельности (*видеть, хотеть, глядеть, понимать*), глаголы состояния (*умирать, оставаться, сидеть, становиться, стоять*). Также во второй зоне зафиксированы глаголы *учиться* и *молиться*.

Таким образом, вторая зона образована более конкретными, однако нейтральными и общеупотребительными лексемами. Наиболее многочисленны термины родства и глаголы движения. Кроме того, как и в первой зоне, присутствуют лексемы, тематически связанные с религией. Высокая частотность лексемы *война* может объясняться тем, что все носители диалекта пережили данное событие, у многих на войне погибли близкие.

В **третью зону** входят преимущественно существительные и глаголы. Среди существительных можно выделить термины родства (*брат, дочь, сестра, дочка, родители, жена*), наименования частей тела (*нога, рука*), природных объектов (*речка, лес, вода*), поселений и их частей (*город, деревня, двор, улица*), пищевых продуктов (*хлеб, картошка*), религиозные термины (*вера, крест, святой*), наименования техники (*машина*). Достаточно частотными являются существительные *работа* и *правда*.

Среди глаголов, входящих в третью зону можно выделить следующие группы: глаголы ментальной деятельности и чувственного восприятия (*думать, помнить, забывать, бояться, любить, смотреть*), речевой деятельности (*звать, спрашивать*), интеллектуальной деятельности (*читать, писать*), глаголы, связанные с рыночными отношениями (*купить, продавать*); связанные с болезнью (*болеть, выхаживать*).

В составе данной зоны зафиксированы прилагательные *большой, маленький, больной, божий* и два числительных: *четыре, пять*.

Таким образом, третью зону образуют лексемы, связанные преимущественно с повседневной жизнью диалектоносителей. Следует отметить высокую частотность лексем, связанных тематически с болезнью. Данный факт объясняется тем, что носители диалекта – пожилые люди, которые зачастую имеют проблемы со здоровьем. Высокая частотность лексемы *правда* связана с актуальностью данного понятия для русской речевой культуры в целом и в особенности для народной речевой культуры.

Четвертая зона образована преимущественно существительными и глаголами, однако в ней резко возрастает количество прилагательных и наречий.

Так, выделяются следующие группы существительных: существительные с религиозной тематикой (*богородица, икона, батюшка, ангел, душа, молитва*), наименования частей тела (*голова*), существительные, связанные с сельским

хозяйством (*огород, скотина*); обозначающие временные интервалы (*день, зима*); обобщенные наименования людей (*народ, молодежь*).

Глаголы, входящие в четвертую зону, образуют следующие тематические группы: глаголы, связанные с эмоциональным состоянием (*верить, плакать*); глаголы движения (*подходить, сходить, дойти*), глаголы, связанные с рождением или смертью человека (*родить, родиться, помирать*); связанные с процессом принятия пищи (*есть, пить*).

Зафиксировано значительное количество наречий: состояния (*плохо*), времени (*скоро, всегда, давно, всегда*), места (*далеко, рядом*).

Также в эту зону входят прилагательные *живой, последний, скорый* и числительные *десять* и *семь*.

В целом можно отметить, что четвертая зона характеризуется наличием большого количества лексем с религиозной тематикой и временных идентификаторов и отсутствием союзов и предлогов.

В **пятой зоне** значительно увеличивается количество прилагательных. Так, зафиксированы прилагательные *старший, молодой, старый, интересный, прошлый, церковный, общий, земляной*.

Среди существительных выделяются те, которые обозначают учреждения (*больница, магазин*); наименования техники (*трактор, телевизор*); существительные с религиозной тематикой (*грех, бес*); термины родства (*дед, дядя, свекровь*); существительные, обозначающие период времени (*неделя, ночь*).

Среди глаголов, образующих пятую зону, могут быть выделены следующие подгруппы: глаголы движения (*увозить, пройти*); глаголы, связанные с ведением хозяйства (*посадить, сажать, доить*); обозначающие развлечение (*играть, гулять*); глаголы состояния (*спать, проживать*).

Сюда же входит ряд наречий: *вечером, утром, нынче, интересно*, и числительные *восемь, шесть*.

В целом пятая зона характеризуется увеличением количества прилагательных при полном отсутствии служебных частей речи.

Таким образом, служебные слова, преобладавшие в первой зоне, постепенно вытесняются знаменательными словами в следующих зонах и полностью отсутствуют в пятой зоне. Как отмечает Л. Н. Засорина, «наибольшей частотностью обладают “грамматические” слова, появление которых обусловлено строем языка, затем идут слова, отражающие тематику текстов»².

В целом, анализ частотной лексики показал, что наиболее употребительная лексика является нейтральной, без стилистической окраски.

Результаты проведенного анализа частотных слов корпуса диалектных текстов, полагаем, можно сопоставить с данными, представленными в «Частотном словаре современного русского языка» (раздел «Частотный словарь живой устной речи»)»³. Подобное сопоставление дает возмож-

ность выявить, насколько специфично проанализированное частотное распределение лексем для диалектной речи.

Сопоставительный анализ словариков показал, что большое количество высокочастотных лексем с религиозной тематикой характерно для диалектной речи. Кроме того, лексем, связанных с сельским хозяйством, имеют большую частоту в речи диалектоносителей. Еще одной особенностью диалектной речи является высокая употребительность лексем *болеть*, *болезнь* и др. Кроме того, отличительной чертой словарика, составленного на основе корпуса диалектных текстов, является большое количество числительных. Данное распределение объясняется особенностью мышления диалектоносителей, проявляющейся в стремлении как можно более детально и точно описать какое-либо событие.

Анализ высокочастотной лексики позволяет выявить представления о мире, которые формируются в речи носителей диалекта. Человек представляется как физический организм (наименования частей тела, обозначения болезней и других состояний, пищи и процесса принятия пищи). Человек «социальный» представлен, прежде всего, в отношениях родства. Значимым является также его отношение к трудовой деятельности (высокая

частотность существительного *работа* и глаголов, связанных с ведением сельского хозяйства). Среди нравственных ориентиров выделяются религиозные и высшая ценность – *правда*. Преобладающими действиями для диалектоносителей являются движение и речь. Картина мира формируется через чувственное восприятие. Наиболее важными параметрами оценки становятся размерные (*большой* – *маленький*) и субъективные (*хороший* – *плохой*). Главная субстанция бытия для носителей диалекта – время.

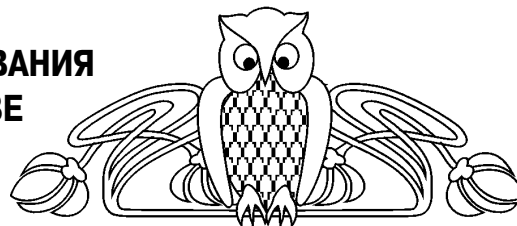
Таким образом, анализ частотной лексики позволяет пронаблюдать наиболее важные и актуальные для диалектоносителей понятия и концепты, выявить характерные особенности диалектной картины мира.

Примечания

- ¹ Гиндин С. Частота слова и его значимость в системе языка // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1982. Вып. 658. С. 22.
- ² Засорина Л. Частотный словарь русского языка. М., 1977. С. 930.
- ³ Ляшевская О., Шаров С. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М., 2009.

УДК [81'272:39] (571.12)

О ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

И. С. Карабулатова, К. К. Койше*

Тюменский государственный университет

*Заводоуковский филиал Тюменского государственного университета

E-mail: radogost2000@mail.ru, koishe.k.k@mail.ru

Авторы рассматривают проблему функционирования языков в контексте эволюционного развития языковой личности. Такой подход позволяет понять эволюцию формирования современной языковой личности в условиях полиэтнического характера глобализации.

Ключевые слова: языковая личность, функционирование языков, эволюция, полиэтническое пространство.

The Issue of the Evolution of Languages in a Multiethnic Area of the Tyumen Region: to the Statement of the Problem

I. S. Karabulatova, K. K. Koyshe

The authors consider the problem of languages' functioning in the context of the evolution of linguistic personality. This approach allows us to understand the evolution of the development of modern linguistic personality in a multi-ethnic nature of globalization.

Key words: linguistic personality, languages' functioning, evolution, multi-ethnic area.

Тюменская область уже длительное время представляет интерес для исследователей как поликультурное, полиэтническое и полиязыковое образование со сложным устройством, в котором важную роль играют диаспоры, поэтому вопрос глубокого анализа эволюции языков и государственного регулирования их функционирования является чрезвычайно актуальным. Разнообразие этноязыкового ландшафта Тюменского региона обусловлено, с одной стороны, высоким уровнем представленности языков как России, так и постсоветского пространства, а с другой – тем, что в региональном тюркском пространстве доминируют татарский, азербайджанский и казахский языки, что обусловлено как исторически, так и современными экстралингвистическими факторами. Вопрос о смешении языков в процессе влияния одного языка на другой ставился еще в XI в. Так, М. Кашгари в своем словаре «Дивану

лугат аг-турк» дал классификацию тюркских языков, подразделяя их на «чистые» и «смешанные» в зависимости от степени влияния того или иного языка в процессе языковых контактов тюркских языков между собой. Понимая под «чистой» язык отсутствием или незначительностью иноязычного влияния в речи представителей тюркских народов и степень близости того или иного языка к литературному тюрки хакани, М. Кашгари к чистым (несмешанным) языкам относил тюркские языки (диалекты) племен ягма, тухси, чигил, огуз, угур, кыпчак, емек, башкир, болгар, печенег, играк, джарук и др. В то же время в смешанных тюркских языках он выделял три группы: 1) язык согдийцев, канжаков, аргу, населения городов Баласагун, Мадинатлбайз; 2) язык хотанцев, тибетцев и тангутов; 3) языки племен кай ябаку, татар, басмыл¹.

Радикальные изменения, происходящие как в мире, так и в российском обществе в последнее время, актуализировали тему этнического бытия. В современном мире практически нет ни одного государства, «все граждане которого говорят только на одном языке»². Учёные, занимающиеся исследованием заимствований с помощью интегрированных наук (лингвокультурология, лингвофилософия и т. д.), отмечают, что заимствованная единица не должна исследоваться как чисто лингвистическое явление. Заимствования являются результатом взаимодействия культур, таким образом, появление новых понятий в языке – результат обмена культур³. М. Хайдеггер подчёркивал, что, выявляя заимствования в языке-реципиенте, учёные проникают в глубь истории: «мы заплываем в чужое» и таким образом «постигаем своё». Изучение заимствованных единиц состоит, по его мнению, из проведения этимологического анализа слов неродного происхождения, который может помочь углубиться в прошлое, и на основании этого строить своё будущее⁴. Адекватными «ответами» на процессы глобализации стали «этническая революция», «этническая экспансия» во всех сферах жизни социума, еще большее стремление народов сохранить свой язык, культуру, идентичность, традиции и обычаи. В связи с этим достаточно остро воспринимаются представителями различных народов те или иные комментарии, появляющиеся в Интернете и других СМИ относительно вербального и паравербального поведения носителей иной культуры.

Проблемы взаимодействия нации и государства являются настолько острыми и идеологизированными, а теоретические подходы к этим сферам социальной реальности настолько зависимы от мировоззренческих позиций авторов, что понимание между представителями разных направлений научной мысли весьма затруднено. Вместе с тем усиление интереса языковедов к проблемам индивидуально-деятельностного начала исследуемых явлений является следствием общей тенденции к гуманизации научного знания как такового.

Эта тенденция способствует, прежде всего, преодолению редуционизма системно-структурного языкознания, изучающего язык «в самом себе и для себя»⁵; а кроме того, создает почву для творческого сотрудничества лингвистики со смежными науками, решая задачу формирования новых подходов и новых отраслей знания.

Современный закон об экстремизме и терроризме актуализирует проблемы определения границы «свой/чужой» внутри конкретной языковой личности. Например, около 30% жителей Сургута «не видят ничего дурного в интолерантном поведении», от 32% до 42% довольно часто совершают интолерантные поступки, четко понимая при этом их несовместимость с правилами человеческого общежития⁶. Вербализация отношения к этничности (или ее признакам) может играть существенную роль в психической адаптации человека к его внутренней и внешней среде. Недостаток адекватных инструментов идентификации ситуаций, социальных процессов, влияющих на разработку, коррекцию и реализацию этнополитики на региональном уровне, привел к росту интолерантности, появлению дискриминационных практик. Это, в свою очередь, порождает рост этнополитической напряженности, конфликтные ситуации, а иногда и прямое сопротивление отдельных этнических групп, выливающееся в открытые конфликты, террористическое противостояние.

Адаптация определяется активностью личности и выступает как единство процессов аккомодации и ассимиляции в приспособлении структуры и функций индивида или группы к условиям той или иной этносреды. Сам процесс адаптации можно рассматривать в когнитивном, эмоциональном и моторно-поведенческом аспектах. Так, сама культура неотделима от сравнения, а сравнение от культуры, ибо сравнение в широком смысле – это проблема тождества и различия. В этой связи не случайно О. Манделштам писал в «Разговоре с Данте»: «Я сравниваю – значит живу».

Человек в русской языковой картине мира постоянно сравнивается с другим человеком, и если сравниваемые похожи по характеру, поведению, социальному статусу или другим характеристикам личности, то о них говорят: *одного поля ягода, гусь (кулик) да гагара – пара, два сапога – пара, из одного теста сделаны, из одной плахи вытесаны, черти одной шерсти, одна шайка-лейка, одной масти, на один покрой, одним мирром мазаны, того же сорта, оба хороши, один другого стоит, муж и жена – одна сатана, из одного кремня искра* и т. д. Белорусы и украинцы к этому добавляют: *обае рабое* (в значении оба одинаково плохие).

Специфическое национальное видение мира отражается в семантике сравнения. Проведенный нами эксперимент с носителями казахского и киргизского языков позволил выделить ряд типичных для них сравнений. Эти сравнения связаны:

а) с географическими особенностями местности: *величественный, как Ала-Тау; глаза бле-*

стящие, как Зайсан (как Иссык-Куль); лицо ясное, как родник; рот большой, как пещера;

б) с особенностями растительного и животного мира: нос горбатый, как у беркута; стройный, как чинара, арча; стройный, как марал;

в) со сказочными героями национального эпоса: голова умная, как у Абая; храбрый, как Кенесары; сильный, как Манас; голос грудной, как у Конурбая; лицо белое, как у Акмоор; рука большая, как у Бакая;

г) со спецификой хозяйственной и культурной жизни народа: волосы длинные, как аркан; голова большая, как казан; голос приятный, как звуки комуза; лицо красивое, как луна; нос прямой, как комуз.

На современном этапе мы наблюдаем повышенный интерес к языкам и культурам Востока, мусульманской философии, усиление и распространение позиций ислама как внутри Российской Федерации, так и за ее пределами, рост миграции исламоязычных народов и, как следствие, возникновение проблем, связанных с функционированием их языков с языками народов-контактеров в ситуации полиэтничного диалога⁷. Таким образом, актуальность заявленной темы обосновывается как экстралингвистическими, так и интралингвистическими факторами, необходимостью использования синергетического подхода к данному мультиязыковому процессу.

Само функционирование языков в условиях полиэтничного полилога предполагает проникновение языковых культур друг в друга в контексте несформированной полилингвальной и поликультурной языковой личности. Возникает вопрос: каким образом использование концептов иной языковой культуры трансформирует внутреннее языковое пространство языковой личности? Какие новые черты приобретает полилингвальная языковая личность в ходе постоянного использования второго-третьего языков на разных языковых уровнях? Исследователи по-разному отвечают на эти и другие вопросы, возникающие в процессе функционирования языков⁸. Как справедливо отмечает З. В. Поливара, «неизбежные явления интерференции, интервенции (захвата сферы языка), аттрикции (порчи языка), сопровождающие этот процесс, влияют и на усвоение русского языка, и на сохранность родного ... языка»⁹.

Проникновение языков друг в друга является длительным эволюционирующим процессом человеческого сообщества, что обусловлено полиаспектными и многогранными контактами носителей различных языковых культур: экономическими, социальными, научными, культурно-языковыми, которые имеют длительную протяженность во времени и пространстве. Не вызывает сомнений, что иноязычные элементы способствуют обогащению лексики того или иного языка, являясь своеобразным маркером престижа в речи говорящего. Такова была роль

латинского и греческого языков в Средние века, французского в XIX в., позже аналогично развивалась ситуация с немецким языком, а ныне – с английским языком. Однако если вопрос о проникновении европейских языков в русский язык изучался давно и имеет свою значительную историографию, то вопрос о проникновении малых языков, равно как и само их исследование, является малоизученным, а потому и перспективным в контексте яркой дихотомии активно развивающегося полилингвизма и углубленного языкового национализма, более широко представленного на постсоветском пространстве¹⁰. Так, например, Э. Д. Сулейменова в качестве позитивного примера приводит ослабление роли русского языка в современном Казахстане¹¹. Вместе с тем усиление миграционных процессов на территории Тюменской области из Казахстана, Таджикистана, Узбекистана в контексте функционирования русского языка приводит к аттракции как русского, так и родного языка. Аналогичная ситуация складывается и в других российских регионах, которые контактируют с независимыми государствами постсоветского пространства.

Сегодня замалчивается тот факт, что Россия, испытывая мощную миграционную нагрузку, становится полем для многовековой коммуникативной войны, где вопрос статусности языка не является праздным, но отражает витальность той или иной лингвокультуры. В условиях полиязычия, усиления миграционных процессов и прозрачности границ остро встают проблемы государственного, а не стихийного лингвомоделирования языковой личности нового полилингвоментального типа. Так, например, для Тюменского региона в настоящее время главными донорами остаются Украина и Казахстан, которые совокупно в межпереписной период с 1989 по 2002 г. составляют около 60% всех внешних мигрантов, соответственно это находит свое отражение и в речевом поведении местных жителей. Украинское влияние на функционирование русского языка в Тюменской области и русское влияние на функционирование украинского языка в регионе подробно рассмотрены Л. Ф. Карелиной¹², которая отмечает устойчивость возникающих языковых явлений в обоих языках, приводящих в итоге к появлению региональных разновидностей языка. На наш взгляд, здесь было бы уместнее говорить об эволюционном характере функционирования языков в полиэтничном пространстве Тюменской области. Кроме того, второе место среди жителей региона по численности справедливо занимают татары, как коренные сибирские, так и поволжско-казанские.

Международная миграция в Тюменском регионе в межпереписной период сформировала 1/3 новых мигрантов, из которых 98% были жителями СНГ и Балтии. В этих условиях становление евразийской языковой личности

нового полилингвоментального типа в условиях национально-конфессионально-англо-русского и русско-национально-конфессионально-английского триязычия и изучения дополнительного языка – это объективный процесс действенности языковой политики в подготовке современного конкурентоспособного и мобильного специалиста в условиях глобализации. В контексте функционирования разнотипных языков формируется специфическая языковая личность нового типа, для которой характерно умелое сочетание разнотипных языков, например: мировых языков (русского, китайского, английского, арабского) и языков народов России (татарского, мордовского, бурятского, хантыйского, мансийского и др.) или другого постсоветского государства (украинского, казахского, литовского, таджикского и др.). В это же сочетание интегрируется язык конфессии (арабский как язык ислама). Так, Л. А. Жилинская, анализируя арабизмы в немецком языке, подчеркивает стремительное увеличение доли арабизмов в современном немецком языке за счет увеличения представителей исламской культуры в Германии и других немецкоязычных странах и регионах Евросоюза¹³. По всей видимости, мы приближаемся к тем требованиям, которые выдвигают отдельные полинациональные государства к своим согражданам, как, например, Канада, Швейцария и др. Но мы неизбежно столкнемся с теми же сложностями, что испытали эти страны. Именно многовекторность и полиаспектность коммуникативной войны между основными языками поликоммуникативно-этнокогнитивной деятельности жителей становятся определяющими условиями возникновения евразийской языковой личности нового типа¹⁴. В связи с этим проблемы функционирования языков требуют сознательного государственного регулирования, способствующего языковому сдвигу среди прибывающих мигрантов в сторону языка принимающего сообщества.

Примечания

¹ Цит. по: *Абишева К.* Социально-языковая контактология. Алматы, 2001. С. 5.

² *Мустайоки А.* Толерантность в государственной языковой политике и коммуникации // Культурные практики

толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург, 2004. С. 87.

³ См.: *Михайлова О.* Толерантность в речевой коммуникации : когнитивные, прагматические и этические основания // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. С. 15–26.

⁴ См.: *Хайдеггер М., Гадамер Г.* Введение к истоку художественного творения. М., 1993. С. 132.

⁵ *Маслова В.* Когнитивная лингвистика. Минск, 2005. С. 9.

⁶ См.: *Тен В.* Проблема этнотолерантности в российских СМИ // Проблемы толерантности в полиэтничном регионе : исторический опыт и задачи современности : материалы науч.-практ. конф. Ханты-Мансийск ; Сургут, 2005. С. 104.

⁷ См.: *Карабулатова И., Беженцев Е., Койшие К.* Тюменская область – Казахстан : специфика государственной этноязыковой политики в условиях приграничья. Тюмень, 2010.

⁸ См.: *Вáfеев Р.* Татарско-русское двуязычие и аспекты билингвологии. Тобольск, 2001 ; *Жилинская Л.* Национально-культурные и языковые особенности арабизмов в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009 ; *Поливарова З., Карабулатова И., Койшие К.* Языковая личность в трансформирующемся сообществе : этнолингвистические дифференциации татар-билингвов в иноэтничном окружении. Тюмень, 2011.

⁹ *Поливарова З.* Этнолингвистические дифференциации в формировании лексико-грамматических категорий у татар-билингвов и русских в системе преодоления речевых дисфункций (на материале Тюменской области) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тобольск, 2011. С. 3.

¹⁰ См.: *Жилинская Л.* Указ. соч. М., 2009 ; *Карелина Л.* Специфика языковой деятельности украинской диаспоры в иноэтничном окружении в аспекте социолингвистической контактологии (на примере Тюменской области) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2006.

¹¹ См.: *Сулейменова Э.* Русский язык в процессах языкового сдвига и поворота языкового сдвига в Казахстане // XII Конгресс МАПРЯЛ. Русский язык и литература во времени и пространстве : в 2 т. Шанхай, 2011. Т. 1. С. 22–26.

¹² См.: *Карелина Л.* Указ. соч.

¹³ См.: *Жилинская Л.* Указ. соч.

¹⁴ См.: *Поливарова З., Карабулатова И., Койшие К.* Указ. соч.

УДК 811.112.2*272(571.16)

СТАТУС НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В ТОМСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ В КОНТЕКСТЕ АМЕРИКАНИЗАЦИИ

В. В. Воробьёва, Ю. В. Кобенко

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
E-mail: serpentis@list.ru

Статья посвящена анализу статусной составляющей современного немецкого языка в образовательной среде города Томска. Отмечаемое падение данного языка обусловлено тенденциями американизации, признанием английского как единственного иностранного языка и демократизацией культурной и языковой политики послевоенной ФРГ.

Ключевые слова: статус языка, социальный престиж языков, языковая политика, образовательная среда, американизация.

The Status of Modern German in Tomsk Educational Sphere in the Context of Americanization

V. V. Vorobyova, Yu. V. Kobenko

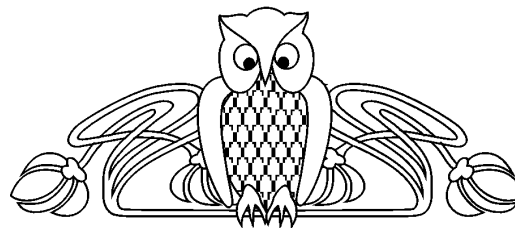
The article is dedicated to the analysis of the status component of modern German in the educational sphere of the city of Tomsk. Registered decline of this language is determined by the tendencies to Americanization, by the recognition of English as the only foreign language, and by the democratization of cultural and language policy in the post-war Federal Republic of Germany.

Key words: language status, social prestige of languages, language policy, educational sphere, americanization.

Наблюдаемое в настоящее время снижение статуса немецкого языка за пределами его исторического континуума обусловлено, главным образом, распространением в мире американского варианта английского, или *американизацией*. Согласно Н. Е. Покровскому, американизация в широком понимании является конкретизацией современной глобализации и протекает при геополитической гегемонии США¹. На языковом уровне американизация «предполагает использование американского варианта английского языка как единого средства международного общения»², что, в свою очередь, приводит не только к заимствованию англо-американской лексики в местные языки, но и к снижению статуса последних в образовательной среде.

В Томской области, где немецкий язык имеет многовековую традицию, английский язык становится не просто престижным, а единственным иностранным языком. В особенности он популярен в областном центре, в то время как в сельской местности ещё сохраняется традиция изучения немецкого языка.

Необходимо отметить, что из речевого обихода современных томичей постепенно исчезает

форма множественно числа «иностранные языки», а всё чаще встречается форма единственного числа – «иностранный язык», под которым понимается английский. Складывающееся в таких условиях языковое единообразие симптоматично: рекламные баннеры, названия ресторанов, отелей и магазинов, а также большинства культурных мероприятий содержат если не явные ссылки на английский язык, то, во всяком случае, калькированные единицы либо графику, подразумевающую прочтение в соответствии с нормами английского языка (ср. названия заведений для отдыха, развлечения и спорта г. Томска: «*Лайнер*», «*Шизгара*», «*Камеди-ПАБ*», «*Coffee House*», «*Food Master*», «*BJ*», «*Спорт city*», «*Prado Exclusive*», «*Hotter*», «*Пельмени project*» и т. п.).

Статус престижных иностранных языков в России связан преимущественно с карьерой и образованием. Иностранные языки издревле изучались в стране для интеллектуального, духовного роста и в меньшей степени для путешествий, что характерно большей частью для Европы.

Статус немецкого языка в томском образовании нового тысячелетия неустойчив. Два университета, Томский государственный педагогический (ТГПУ) и Томский политехнический (ТПУ), ввели обязательное изучение английского языка, упразднив или, по крайней мере, существенно ограничив преподавание других иностранных языков. Немецкий язык активно вытесняется из учебных планов как областных, так и городских школ, все меньше немецкого языка остаётся в других вузах города. Наиболее ярким примером, иллюстрирующим сложившуюся ситуацию, является решение руководства ТГПУ и факультета иностранных языков вуза сначала о ликвидации кафедры немецкого языка, а затем о прекращении набора на специальность учителя немецкого языка средней школы.

Заведующим кафедры немецкого языка (позднее: кафедры немецкой филологии), а также идейным вдохновителем на протяжении долгих лет был широко известный исследователь А. П. Дульзон, внесший значительный вклад в германистику и языкознание в целом. С самого момента основания кафедра успешно конкурировала с родственными кафедрами ведущих вузов Ленинграда и Москвы, а выпускники укрепляли имидж университета далеко за пределами России. Ввиду снижения статуса немецкого языка в Западносибирском регионе молодым выпускникам всё сложнее становится найти работу или просто

реализовать полученные знания. Однако вместо того, чтобы совместными усилиями повышать интерес к изучению немецкого языка, углублять и продолжать традицию, находить новые перспективные грани её реализации (например, готовить высококвалифицированных устных и письменных переводчиков, острою нехватку которых доказал саммит 2006 г.), создавать условия для молодых кадров, работать со средними образовательными учреждениями города и области, нынешнее руководство ТГПУ принимает решение устранить «нерентабельное» направление.

Жертвами финансово-экономических стратегий глобализации рынков, к которым уже давно относится и образование, становятся направления, требующие глубокой многолетней подготовки и незаурядного интеллектуального труда, среди которых и преподавание такого европейского языка, как немецкий.

Однако основная причина снижения статуса немецкого языка – демократизация культурной и языковой политики в самой ФРГ, статус языка в которой является исходным для его популярности за границей. *Демократизацией обозначается либерализация требований к использованию и распространению языка и непосредственно к самим языковым нормам.* Так, сегодняшний статус немецкого языка в Западной Сибири напрямую зависит от заинтересованности и деятельности субьектов культурной политики (образовательных учреждений, языковых сообществ, лингвистических институтов) Германии.

Следует заметить, что МИД ФРГ, в чьём ведении находится внешняя культурная политика, внёс значительный вклад в укреплении данной традиции. В г. Томске и Томской области данный вклад представлен деятельностью таких образовательных организаций, как DAAD (Немецкая служба академических обменов), ZfA (Главное управление зарубежных школ), Институт им. Гёте, лекторской программой Фонда им. Р. Боша и др. Только за последний год школы города и области включены в проекты МИДа, реализуемые Институтом им. Гёте в Томске, «Учить немецкий – думать о будущем», «Поддержка немецкого языка в сельских школах». По итогам работы экспертов в 2009–2010 учебном году запущен очередной международный проект «Школы – партнеры будущего».

Многолетнее предыдущее сотрудничество послужило фундаментом для организации и проведения российско-германских правительственных консультаций (саммита) в г. Томске в апреле 2006 г., которые интенсифицировали культурное сотрудничество. Данное событие положительно сказалось на взаимодействии членов томской академической среды с представителями немецкой творческой элиты. Так, в 2009 г. ТПУ принимал у себя литератора Г. Кляйна, а Томский государственный университет (ТГУ) при поддержке Фонда им. Ф. Тиссена организовал открытую лекцию

йенского историка Н. Фрая и семинар профессора Института политологии Мюнстерского университета К. Шуберта.

Значительно способствуют поднятию статуса немецкого языка ставшее ежегодным мероприятие «Немецкие дни в регионах» (*Deutsche Tage in Regionen*) или «Дни Германии 2008 в Томске», в рамках которого в сентябре 2008 г. была проведена пока единственная в своём роде подиумная дискуссия «Изучать немецкий язык – это стоит того!», посвящённая проблеме снижения статуса немецкого языка в России и приуроченная к открытию Регионального центра немецкого языка и культуры. Среди приглашённых на данный форум следует назвать посла ФРГ в г. Москве В. Ю. Шмида, лекторов крупнейших немецких образовательных фондов и представителей творческой и образовательной элиты г. Томска. Основной задачей форума было выявление аргументов в пользу изучения немецкого языка, то есть статусных преимуществ последнего.

Однако американизация Германии накладывает свой отпечаток на статус немецкого языка и за её пределами. Так, на упомянутой дискуссии все представители ФРГ в один голос заявили, что учить лучше сначала английский, а затем по желанию немецкий. Такая расстановка приоритетов лишней раз доказывает факт отречения немцев от собственного языка и культуры и противоречит как минимум одной старой методической истине: сначала следует изучать то, что сложнее, а потом то, что проще, ведь английский усваивается после немецкого языка гораздо легче.

В ответ на просьбу автора статьи уделять больше внимание немецкому языку и культуре в России представители президиума Кассельского университета, посетившие ТПУ в мае 2009 г. с целью расширения академического партнёрства, высказали точку зрения, что поднятие статуса немецкого языка в России зависит от того, будет ли Россия создавать благоприятный инвестиционный климат для немецких компаний: «Только если последние начнут инвестировать в российскую экономику, можно будет начинать говорить о поддержании статуса немецкого языка». Такое отождествление языковой и экономической политик, в сущности, имеющих мало общего, позволяет сделать заключение не только о качестве регуляторных мер, направленных на сохранение и поддержание статуса немецкого языка за рубежом, но и о понимании возникшей проблемы. Утверждение, что овладение языком и культурой определённого этноса основывается целиком на экономическом интересе, сомнительно.

Однако, несмотря на тенденции американизации, интерес в России к немецкому языку всё же присутствует. И вряд ли это вызвано благоприятным инвестиционным климатом в России эпохи мирового финансового кризиса. Скорее это историческая и духовная связь, которая существует между Россией и Германией. Германия является

ближайшим высокоразвитым стратегическим партнёром для России на Западе точно так же, как и Россия для Германии на Востоке.

До начала нового тысячелетия значительной статусной составляющей немецкого языка в Западносибирском регионе России была так называемая немецкоязычная «островная зона» (термин В. А. Виноградова³), представленная дисперсными диалектами российских немцев, по разным причинам обосновавшихся на территории Томской области. Общины российских немцев некогда существовали в Каргасокском, Нарымском, Парабельском, Колпашевском, Кожевниковском, Мельниковском, Александровском, Молчановском, Кривошеинском и других районах и, безусловно, в самом Томске.

У истоков исследования языковой динамики немецкой островной зоны Томской области стоял А. П. Дульзон, выдающийся исследователь языков и культур Сибири, внесший значительный вклад в мировое языкознание. Бывший губернатор Томской области В. М. Кресс, по происхождению российский немец, пишет о судьбе своих соотечественников следующее: «Основной поток российских немцев в Томскую область в XX в. был связан с насильственной высылкой из Поволжья и других регионов в 1941–1949 годах. По данным архива УВД Томской области, немцев-спецпереселенцев в области числилось 26 432 человека»⁴. Приказом от 7 сентября 1941 г. поволжские немцы были переселены в Сибирь. Уже 18 сентября в Томск прибыл первый эшелон с немецкими переселенцами из Поволжья общей численностью 2 280 человек для последующего расселения в Томском районе. Среди них числились профессор А. П. Дульзон и его учитель, известный диалектолог Г. Г. Дингес, сосланный в Колпашевский район.

А. П. Дульзон был сам выходцем из поволжских немцев (с. Прайс, ныне Краснополье Саратовской области). В своих кандидатской «Альт-Урбахский диалект» (один из диалектов бывшей Республики немцев Поволжья) и позднее докторской «Проблема смещения диалектов по материалам говоров с. Прайс» диссертациях Андрей Петрович исследовал унифицированный говор выходцев из 129 разных населённых пунктов Германии, проживавших до высылки в Сибирь в Поволжской республике. Анализируя процесс образования немецкоязычного говора, учёный выделил факторы, имеющие решающее значение для направления этого процесса, и основные случаи образования немецкоязычного говора, за что получил высокую оценку языковеда В. М. Жирмунского⁵.

Режимное ограничение А. П. Дульзона, как спецпереселенца, в праве передвижения с места поселения привело к закреплению интересов учёного к строго контролируемой территории – Томской области. Будучи заведующим кафедрой немецкого языка Томского педагогического института, профессор А. П. Дульзон выпустил ряд

работ в области германистики и немецкой диалектологии, в частности, на материале немецких диалектов бывшей Республики немцев Поволжья: «Соотношение анализа и синтеза в выразительных средствах германских языков» (1943), «Развитие основных типов слова в германских языках» (1943), «Введение в синтаксис немецкого языка» (1944), «Синтаксис современного немецкого языка» (1944–1946)⁶. Положение спецпереселенца мешало ему продолжать исследование говоров немцев, населяющих Томскую область. Неудивительно, что во время войны он вынужден был оставить это занятие⁷. Лишь в конце 1950-х гг. удалось возобновить изучение немецких диалектов на территории Советского Союза, центрами исследования стали прежде всего Томск и Омск⁸. В Омске трудился широко известный Г. Г. Едиг, написавший в соавторстве с А. П. Дульзоном учебник по грамматике немецкого языка (раздел «Морфология» – А. П. Дульзон, раздел «Синтаксис» – Г. Г. Едиг), по которому обучались многие поколения студентов. В 1998 г. учёные Билефельдского университета (ФРГ) признали грамматику Дульзона – Едига лучшим учебником по грамматике немецкого языка, а лучшим специалистом по практической грамматике – старшего преподавателя кафедры немецкой филологии ТГПУ Ирму Леонтьевну Одинцову (Кесслер), долгие годы преподававшую этот курс студентам немецкого отделения на факультете иностранных языков.

Профессор А. П. Дульзон являлся долгое время единственным доктором наук в области германистики во всей Сибири, под его руководством было защищено 19 кандидатских диссертаций по германистике и немецкой диалектологии⁹. Труд Андрея Петровича Дульзона и его учителя Георга Генриховича Дингеса по праву признаётся многими учёными как основополагающий в исследовании немецких диалектов России (Ерина, Баур, Салькова, Клоста, 2000; Krieger, 2004; Байкова, 2005; Шишкина, 2009 и мн. др.).

Сегодня на территории Томской области проживают около 13 000 немцев (около 1,2% населения). В регионе действуют общественные организации российских немцев, в том числе «Wiedergeburt» (Возрождение), Российско-немецкий дом, Русско-немецкий центр при Томском политехническом университете. Учрежден и активно действует Немецкий культурный центр в Кожевниковском районе Томской области. Заметный импульс развитию немецкого сообщества дало образование в 1998 г. Немецкой национально-культурной автономии Томской области¹⁰.

Современное состояние немецкоязычной островной зоны Томской области сегодня можно охарактеризовать как критическое: носителей (в основном это люди преклонного возраста) осталось крайне мало; форму их немецкого языка уже вряд ли можно считать родной, да и формой как таковой (скорее это метастилевой субстрат с элементами креолизации); потомки носителей, если

таковые и имеются, не унаследовали ничего кроме фамилии. Изоляция немецкой островной зоны Томской области от общего германско-голландского диалектного континуума инициирована рядом особенностей немецкой языковой и культурной материи, среди которых в первую очередь следует назвать исторически обусловленный плюрицентризм языковой регуляции. В результате этого практически во всех немецкоязычных островных зонах наблюдаются процессы языковой смерти¹¹, типичным признаком которых является диссоциация (распад) фонетической базы, редукция грамматического и лексического строя – свёртывание языка до рудиментарного состояния, до *функционально-недифференцированного состава* (термин Э. Г. Ризель¹²), то есть простейших слов, звуков, конструкций, без которых в речи нельзя обойтись¹³.

Угасание островных вариантов вне основного континуума неизменно влечёт за собой потерю статуса, и поэтому с вымиранием диалектов островной зоны в Западносибирском регионе автоматически снижается статус немецкого языка.

In puncto языковой регуляции за пределами основного континуума немецкого языка необходимо заметить, что его демократизация не обошла стороной и эту его статусную составляющую. Деятельность Института им. Гёте хотя и направлена на укрепление позиций немецкого языка за рубежом, однако ввиду своей политической пассивности весьма отдалённо напоминает деятельность субъекта языковой политики. Демократическая позиция руководства ФРГ в вопросах языка и культуры вообще вызывает настороженность у многих германистов в самой стране и за её пределами, подавляющее большинство которых не понаслышке знает агрессивную позицию субъектов языковой политики США и Великобритании во всём мире¹⁴.

Зачастую деятельность Института им. Гёте противопоставляют работу лейпцигского Института им. Гердера, который, отнюдь не являясь субъектом языковой политики, способствовал укреплению статуса немецкого языка за пределами ГДР своей плодотворной лингводидактической, лексикографической, лингвоконсидеративной и прочей деятельностью второй половины XX в. В этом сходятся также такие крупные немецкие германисты, как Х.-Г. Шмитц¹⁵, К. Альтмайер¹⁶, Г. Й. Майер¹⁷.

Так как Институт им. Гердера возник в ГДР, то его работа была ориентирована в первую очередь на социалистический блок. Советская германистика и вообще немецкоязычная традиция в СССР считалась ведущей в мировом масштабе. Сегодня в результате деятельности Института им. Гёте «германистический моноцентризм Восточной Европы» уступил полицентричной модели «зарубежной германистики», в которой, к сожалению, Россия более не упоминается, а зарубежными центрами изучения немецкого языка

выступают Польша, Турция, Финляндия, Бразилия, Объединённые Арабские Эмираты, Египет, Камерун, Южно-Африканская Республика, Китай и, что удивительно, сами США. Сегодня Польша и Турция являются лидерами по изучению немецкого языка, что объясняется преимущественно политическим и экономическим интересом данных стран к ФРГ.

Россия, на наш взгляд, потеряла лидерство в области германистики по двум веским причинам. Во-первых, история российских немцев в русле политизации истории и последующей фальсификации многих исторических фактов послужила с обеих сторон (ФРГ в составе объединённой Европы и Российской Федерации) толчком к охлаждению исторического интереса стран друг к другу. Во-вторых, особую роль в этом сыграла американизация России в постперестроечный период, симптомом которой стало массовое изучение английского языка в русле американизации. С начала восьмидесятых годов всё больше школьников в России выбирают английский язык в качестве иностранного: *«В середине девяностых количество изучающих английский превосходило сделавших выбор в пользу немецкого языка вдвое»*¹⁸.

В настоящее время превосходство английского языка в российском образовательном пространстве сложно переоценить. В одном Томском политехническом университете расстановка лингвистических предпочтений среди будущих инженеров весьма далека от баланса: *по данным приёмной комиссии, в 2010 г. на первый курс, специалитет и магистратуру зачислено с английским языком 2325, с немецким всего 231 студент (более чем в 10 раз меньше), на французский язык – 15 студентов (в 155 раз меньше)*. Многие, изучавшие немецкий язык ранее (в школе), перешли в англоязычные группы, тем самым подвергнув себя переучиванию.

Усугубляет ситуацию до сих пор бытующее представление о том, что немецкий – «лающий» язык. Данное воззрение на природу немецкой речи, по мнению Ю. Трабанта, берёт начало в негативном прошлом Германии, когда «весь мир слышал отрывистые приказы гитлеровских военных», и виновато в «американизации образования, а также в исчезновении немецкого языка из престижных дискурсов современности»¹⁹.

Данные анализа соотношения количества обучающихся с английским и немецким языками в Томске позволяют констатировать: в высших образовательных заведениях города число поступающих с немецким языком приблизительно в 10 раз меньше числа поступающих с английским, эта тенденция характерна для всех вузов областного центра (ТПУ, ТГУ, СибМГУ, ТУСУР, ТГАСУ, ТГПУ); данную статистику подтверждает соотношение бюджетных мест – *10 (английский язык) : 1 (немецкий язык)* – на факультете иностранных языков Томского государственного университета;

в довузовской образовательной среде города Томска данное соотношение в среднем сохраняется.

Падение статуса немецкого языка, прежде всего в образовательной и научной сферах, делает необходимым пересмотр содержания и действующей модели немецкой языковой политики ФРГ.

Сегодня адекватной может стать такая модель языковой политики немецкого языка, которая направлена на поднятие статуса последнего не только в ФРГ, но и за её пределами. Однако престиж иностранных языков ошибочно ассоциируется с их доступностью и распространением, именно поэтому агрессивная внешняя политика США, связанная с распространением английского как фундамента культурной ассимиляции, рекрутирует больше приверженцев, чем политики других государств. Доступность английского и поливариантность способов его изучения – симптомы языковой демократизации США как выражения расширения функции посредничества английского языка. В силу этого поднимать статус немецкого языка за рубежом средствами демократизации как минимум неэффективно, ведь выбор будет сделан, так или иначе, в пользу наиболее престижного языка, под которым понимается лишь наиболее агрессивный и демократичный – английский. В этой связи субъектам внешней языковой политики немецкого языка следует придерживаться позиции языкового централизма. *Внешняя политика немецкого языка не обязательно должна становиться агрессивной, но предложения, связанные с его изучением за рубежом (не в ФРГ), нужно сделать максимально доступными, хотя бы для того, чтобы относительно уравнивать свои шансы в конкуренции с английским языком.*

Показательными в этом плане являются инновации в деятельности немецкой телерадиокомпании «Deutsche Welle» (Немецкая волна), на электронной странице которой в сети Интернет содержатся бесплатные видео- и аудиоматериалы с текстами и глоссариями для изучения и преподавания немецкого языка. Следует также значительно увеличить процент информационного участия немецкого языка в мировой коммуникации, но прежде всего в основном континууме. Ведь практически все радиостанции ФРГ вещают песни на английском языке, а многие исключительно на нём (ср. репертуар WDR2). Старшее поколение немцев давно жалуется на то, что по радио крайне редко можно услышать немецкоязычный шлягер, а вместо этого транслируется британо-американская поп-музыка. Да и многие немецкие исполнители предпочитают в своём творчестве англофонию (ср. музыкальные альбомы Д. Болена, Б. Вайдунга (Т. Андерса), С. Теренци (С. Коннор), С. Крету (Сандры) и т. п.). Среди более молодых немецких музыкантов английский уже является нормой для песенного творчества (ср. хроники телевизионного проекта «Германия ищет суперзвезду» («*Deutschland sucht den Superstar*», сокращённо «*DSDS*»)).

Подытоживая рассуждения о снижении статусной составляющей современного немецкого языка, следует подчеркнуть, что американизация Германии серьёзно повлияла на нынешний статус указанного языка за пределами Германии. Снижение его вызвано главным образом культурно-политическими преобразованиями в Германии и России второй половины XX в. Однако необходимо подчеркнуть, что в условиях языковой гегемонии английского языка меры регуляции функционирования немецкого языка должны отличаться от мер, направленных на распространение английского языка, что предполагает пересмотр содержательной стороны действующей модели языковой политики ФРГ.

Примечания

- 1 См.: *Покровский Н.* Российское общество в контексте американизации (принципиальная схема) // Социс. 2000. № 6. С. 5.
- 2 *Tsuda Y.* Language Inequality and Distortion. Amsterdam, 1986. P. 8.
- 3 См.: *Виноградов В., Коваль А., Пархомовский В.* Социолингвистическая типология. 2-е изд, испр. и доп. М., 2008. С. 65–68.
- 4 *Кресс В.* Томская область и Германия // Tomsker Gebiet : [сайт администрации Томской области]. 2006. URL: <http://www.tomskergebiet.ru/ru/stat1.html> (дата обращения: 21.12.2011).
- 5 См.: *Галкина Т.* Томская лингвистическая школа А. П. Дульзона. Томск, 2003. С. 40–47.
- 6 Там же. С. 50.
- 7 См.: *Krieger V.* Personen minderen Rechts : Russlanddeutsche in den Jahren 1941–46 : Sonderdruck aus «Heimatsbuch der Deutschen aus Russland 2004». Stuttgart, 2004. С. 98.
- 8 См.: *Найдич Л.* Немцы в Казахстане. Проблема истории и языка // Швеция : Издательский дом «CA&CC Press® AB». 2008. URL: http://www.ca-c.org/journal/12-1997/st_16_najdich.shtml (дата обращения: 21.12.2011).
- 9 См.: *Быкопя В. А. П.* Дульзон (к 100-летию со дня рождения) // *Linguistica Uralica*. 2000. Vol. XXXVI/2. С. 151.
- 10 См.: *Кресс В.* Указ. соч.
- 11 См.: *Kittel W.* Viel Zeit bleibt nicht mehr – deutsche Sprachinseln in Gefahr // *Deutsche Welle*, 2006. URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,2096225,00.html> (дата обращения: 22.12.2010).
- 12 *Riesel E.* Stilistik der deutschen Sprache. М., 1959. S. 114.
- 13 См.: *Page R., Brown J.* The Big Valley Oral History Project : Language Attitudes toward Pennsylvania German in Big Valley // *Yearbook for German-American Studies*. 2007. № 42. P. 125–140.
- 14 См.: *Götze L.* Entwicklungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache – Normen – Deutsch als Fremdsprache // *Zeitschrift DaF*. 2003. № 3. S. 131–134 ; *Романов А. А., Морозова О., Носкова С.* Quo vadis, Deutsch? Разговор с изучающим современный немецкий язык : учеб. пособие. Тверь, 2007.

- ¹⁵ См.: Schmitz H.-G. Amideutsch oder deutsch? – Zur Geschichte und Aktualität der Fremdwortfrage // Germanistisches Jahrbuch der GUS «Das Wort». 2002. S. 135–165.
- ¹⁶ См.: Altmayer C. 50 Jahre Herder-Institut, 50 Jahre Deutsch als Fremdsprache. Traditionen und Grenzüberschreitungen // DaF. 2007. № 2. S. 67–74.

- ¹⁷ См.: Meyer H. «Deutschland» oder «Germany». Zum fünfzigjährigen Jubiläum des Herder-Instituts in Leipzig // DaF. 2007. № 2. S. 74–80.
- ¹⁸ Zimmer D. Deutsch und anders : die Sprache im Modernisierungsfieber. Reinbek bei Hamburg, 1998. S. 156.
- ¹⁹ Trabandt J. Die Sprache. München, 2009. S. 309, 328.

УДК – [811.111+811.134.2+811.161.1]:004

МЕТАЯЗЫК ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ПРОБЛЕМА ЗАИМСТВОВАНИЙ (на материале испанского и русского публицистического текста)

Л. П. Сон

Российский государственный социальный университет, Москва
E-mail: luciason@mail.ru

В статье исследуются проблемы английских заимствований в русском и испанском языках в условиях информационного общества. Анализируются тенденции процесса заимствований, рассматриваются вопросы рационального и иррационального использования заимствований в русском и испанском публицистическом тексте.

Ключевые слова: информационное общество, глобализация, интернет-коммуникация, публицистика, заимствование.

Meta-language of the Internet Communication: the Issue of Borrowing (on the Material of Spanish and Russian Journalistic Texts)

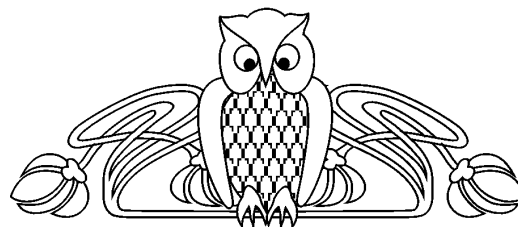
L. P. Son

The article studies the issue of English loan words in the Russian and Spanish languages in information society. The article analyzes the tendencies of the borrowing process and deals with rational and irrational use of loan words in Russian and Spanish journalistic texts.

Key words: information society, globalization, Internet communication, opinion journalism, borrowing.

Одной из важнейших характерных особенностей лексического уровня метаязыка интернет-коммуникации является использование заимствований как явление, сопутствующее межъязыковым контактам. Данная проблема представляет собой одну из центральных тем современного языкознания.

Изучению вопросов межъязыковых контактов посвящены работы выдающихся как отечественных (В. А. Абаев, В. А. Аврорин, Т. Балиашвили, И. К. Белодед, В. А. Богородицкий, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Р. А. Будагов, Е. М. Верещагин, Ю. Д. Дешериев, В. М. Жирмунский, Ю. А. Жлуктенко, В. А. Звегинцев, Т. П. Ильяшенко, А. Е. Карлинский, Г. В. Колшанский, М. М. Михайлов, Е. Д. Поливанов, И. Ф. Протченко, С. В. Семчинский, Л. В. Щерба и др.), так и зарубежных ученых (Р. Белл, У. Вайнрайх, Ж. Вандриес, Б. Гавранек,

А. Мартине, А. Мейе, Г. Пауль, А. Росетти, Э. Сепир, Э. Хауген, Г. Шухардт и др.).

По мнению американского лингвиста Эдварда Сепира, «языки редко бывают самодостаточными. Потребности общения заставляют говорящих на одном языке вступать в непосредственный или опосредованный контакт с говорящими на соседних или культурно доминирующих языках»¹.

Австрийский языковед Г. Шухардт ввел в науку термин «смешение языков»², который получил развитие в работах других известных лингвистов. Так, И. А. Бодуэн де Куртенэ под «смешением языков» понимал не только заимствования тех или иных элементов языка, но также процессы, происходящие в языке отдельно взятого индивида. При этом ученый говорил о наличии языкового контакта во всех языках, считая, что если поднять вопрос о смешении или не смешении языков, то придется согласиться с тем, что нет ни одного чистого, несмешанного языка³.

Л. В. Щерба предложил заменить термин «смешение языков» термином «взаимное влияние», так как понятие «смешение языков» может дать неверное представление о том, что оба языка в равной степени участвуют в образовании другого языка. По мнению ученого, «всякое взаимное воздействие языков требует наличия людей, которые хотя бы в незначительной степени были двуязычными»⁴.

До начала 50-х гг. XX столетия в языкознании использовались термины «скрещивание» (Н. Я. Мар полагал, что скрещивание языков является одной из главных причин их развития), заимствованный из биологии, а также «метисация» и «гибридизация».

Термин «языковые контакты» впервые был предложен французским лингвистом А. Мартине, а в 1953 г. так была озаглавлена книга У. Вайнрайха, вышедшая в Нью-Йорке («Languages in Contact»). Так, по У. Вайнрайху, языковой контакт – это поочередное использование двух или более языков одним и тем же лицом, которого называют двуязычным носителем⁵.

Вскоре этот термин стали применять многие лингвисты. Например, по мнению А. Е. Карлинского, языковым контактом можно назвать взаимодействие двух языков на всех уровнях (фонологическом, морфемном, лексемном, грамматическом) не только в области речи, но и в области системы⁶.

Важно подчеркнуть, что современные ученые предпринимают попытки обозначить раздел лингвистики, занимающийся изучением межъязыковых отношений. Явление взаимодействия языков получило в современной лингвистике различные наименования. Например, Е. М. Верещагин предложил два синонимичных названия – теория языковых контактов и контактология. Однако, по справедливому замечанию Ю. А. Жлуктенко, термин «контактология» неудобен, так как в нем не содержится никаких указаний на то, что он относится к лингвистике или вообще к языку⁷. Болгарский языковед И. Леков ввел в научный оборот термин «лингвистическая контактология».

Следует отметить, что в последнее время употребляются термины «взаимодействие языков», «взаимовлияние языков» (Ю. Д. Дешериев), «межъязыковые контакты» (В. В. Мартынов), «взаимоотношение языков» (Л. Х. Цыпленкова), «контактные межъязыковые связи» (Ю. А. Жлуктенко), «конвергенция» (сближение языков) и др. Считается, что термины «языковые контакты» и «взаимодействие языков» являются наиболее приемлемыми и дополняют друг друга.

В нашем исследовании мы будем придерживаться дефиниции языковых контактов, предложенной В. С. Ивановым, подразумевающей под языковыми контактами взаимодействие двух или более языков, оказывающих влияние на структуру или словарь одного из них⁸.

Кроме того, в условиях современного информационного общества и процессов глобализации, характеризующихся доминированием английского языка, в нашем исследовании мы будем применять термин «интеракция языков» (от англ. *interaction* – взаимодействие).

В теории межъязыковых контактов важное место отводится проблеме изучения такого явления, как заимствования, поскольку при языковом контакте обязательно происходит взаимодействие и взаимовлияние типологически отличных друг от друга языков, в результате которого наблюдаются либо незначительные изменения в области лексики (лексические заимствования), либо значительные структурные изменения на всех языковых уровнях.

Изучение проблемы языкового заимствования имеет довольно давнюю традицию (Е. М. Верещагин, В. С. Виноградов, Э. Ф. Володарская, Л. П. Крысин, Л. В. Щерба, У. Вайнрайх, Ж. Вандриес, А. Мартине, А. Мейе, Э. Сепир, Э. Хауген, Г. Шухардт и др.). Еще в 1886 г. С. К. Булич в своих исследованиях указывал на то обстоятельство, что заимствования представляют собой могучий

фактор развития языка, способствующий его совершенствованию⁹.

Термин «заимствование» в лингвистике является многозначным. Так, многие ученые разграничивают понятия «заимствование» и «заимствованное слово», предлагая определять «заимствование» как «взаимное влияние языков»¹⁰. Другие авторы отождествляют эти понятия, утверждая, что чаще всего заимствуются слова.

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахманова определяет заимствование и как обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся, и для обозначения неизвестных прежде предметов (нередко сами эти понятия и предметы становятся известными носителям данного языка лишь вследствие контактов с теми народами, из чьих языков заимствуются соответствующие слова), а также как слова, словообразовательные аффиксы и конструкции, вошедшие в данный язык в результате заимствования¹¹. Заимствованное слово определяется как «слово, появившееся в данном языке в результате заимствования»¹².

В конце XX – начале XXI в. становится очевидным активное взаимодействие языков во всем мире. Прежде всего, это связано с тем, что последние десятилетия XX столетия ознаменовались началом нового процесса общественно-исторического развития человечества, именуемого глобализацией. Понятие «глобализация» как бы фиксирует современную стадию интеграции мира, который становится все более разнообразным, взаимосвязанным и взаимозависимым.

В основе глобализации – англо-американская модель развития общества, его экономики, политики и культуры, что, безусловно, активно транслируется на английский язык, который на сегодняшний день претендует на роль первого в истории человечества мирового языка.

Приоритетное положение английского языка обусловлено, прежде всего, возникновением всемирной, преимущественно англоязычной информационной сети – Интернета, при этом число пользователей Интернета приближается к 2 млрд человек¹³.

Активное использование Интернета повлекло за собой не только революционные изменения в мировом информационном поле, но и серьезные изменения в системе английского и других языков. Иными словами, информационные и телекоммуникационные технологии становятся мощнейшим экстралингвистическим фактором, оказывающим влияние на развитие языков. И этот процесс – взаимовлияние реальной и языковой картины мира – продолжается непрерывно, рождая новые слова, дефиниции и обуславливая массовый приток англоязычных заимствований в другие языки.

По мнению Э. Ф. Володарской, одной из основных причин заимствования становится «введе-

ние новых слов для обозначения новых понятий, явлений, идей, течений, предметов обихода, науки, культуры в связи с необходимостью быстрого заполнения лексической ниши с целью обозначения иностранного новшества, не нашедшего адекватного лексического ответа в языке-реципиенте в момент переноса в него»¹⁴.

Исследуя пути попадания иностранного слова из языка-донора в язык-реципиент, Э. Ф. Володарская говорит о речевой коммуникации проживающих по соседству народов, дистантных контактах вследствие обмена культурными ценностями, книгах и переводах¹⁵.

Результатом информатизации и компьютеризации социума на современном этапе его развития стало появление новой категории – виртуальной реальности, которая, в свою очередь, породила новый – виртуальный канал передачи информации, и в том числе заимствований.

В то же время виртуальный канал передачи заимствований не является обособленным в классификации, предлагаемой Э. Ф. Володарской, поскольку в виртуальной среде заимствования из языка-донора в язык-реципиент транслируются дистантно. Данную траекторию мы предлагаем назвать виртуально-дистантной категорией установления контактов и передачи информации, но на совершенно ином качественном уровне, присущем информационному социуму.

Периодические издания, публикуемые в Интернете, выбраны в качестве материала нашего исследования не случайно. В современных условиях информационного общества важнейшим каналом трансляции английских заимствований в любой другой язык становится публицистический текст, и прежде всего электронные варианты статей, размещаемых в глобальной сети.

Современные средства массовой информации оперативно отражают основные социально-экономические процессы, протекающие в обществе (реальную картину мира), и, как следствие, процессы преобразований в языке (языковую картину). По сравнению с другими функциональными стилями, публицистический стиль наиболее восприимчив к изменениям, происходящим на всех уровнях языковой системы.

В связи с данным утверждением важно вспомнить о таком значимом явлении, как языковая норма, а именно о том ее диалектическом свойстве, как придание тексту эмоциональности и экспрессивности в случае ее нарушения. По мнению С. Г. Тер-Минасовой, «для тех языковых сфер, где преобладает функция воздействия – публицистика, проповеди, художественная литература, – нормы нужны, чтобы можно было их нарушать и таким образом обыграть..., что позволяет языку выполнять, наряду с информативной функцией, функцию воздействия»¹⁶.

Доля средств и способов, которыми располагает публицистический стиль для придания экспрессивности публицистической речи с целью

наиболее эффективного воздействия на читателя, в целом оказывается весьма высокой, и в их числе – иностранные заимствования, главным образом, английские, особенностью которых на сегодняшний день являются массовость и новизна.

Наше исследование позволило осуществить тематическую классификацию англицизмов в русском и испанском публицистическом тексте. С лингвистической точки зрения, по мнению О. С. Ахмановой, понятие «тематическая группа» определяется как «ряд слов, более или менее близко совпадающих по своему основному (стержневому) семантическому содержанию, то есть по принадлежности к одному и тому же семантическому полю»¹⁷.

Поэтому целью предлагаемой нами тематической классификации заимствований является установление наиболее актуальных сфер употребления англицизмов в современном русском и иберийском варианте испанского языка, определение частотности их использования в каждой из сфер и прогнозирование целесообразности этого использования.

Проведенное нами исследование русского публицистического текста на материале российских газет и журналов, таких как «Российские вести», «Московский комсомолец», «Известия», «Экономика и жизнь», «Аргументы и факты», «Банковские новости», «Вечерний Интернет», «Внешняя торговля», «Мир Интернет», «Наука и жизнь», «Новый стиль», «Русская реклама», «Сегодня», «Даша», «Лиза», «Экспресс-газета» и другие, позволило выяснить, каким образом распределились английские заимствования по семантическим группам за период с 2010 по 2011 г.

На основании проведенного анализа мы смогли сделать вывод о том, что наибольшее число англицизмов за данный период принадлежит тематической группе «**Интернет и технологии**» и составляет 45,30% от общего числа англицизмов в исследуемых тематических группах. Это слова: *компьютер, дисплей, файл, драйвер, модем, мониторинг, плейер, пейджер, факс, блог, Интернет, веб, хакер, спам, интерфейс, фэйсбук, контакт, твиттер, смс, сайт, фидбэк, софт, имейл, блоггер, ибук, мультимедиа, гаджет, торрент, онлайн (офлайн), спамер, браузер, плейлист, смартфон, юзер, блютуз, трекер* и др.

Второе место по числу англицизмов принадлежит тематической группе «**Музыка, искусство, кинематограф**» и составляет 13,80%: *кастинг, муви, сингл, демо, релиз, саундтрек, шоу, триллер, хоррор, копирайт, андерграунд, кантри, хип-хоп, рэп, рок энд ролл, хэви метал, бестселлер, брэйк данс, панк и т. д.*

Третья группа по количеству английских заимствований в русском языке – это «**Мода и красота**»: *легинсы, пилинг, спа, блейзер, пуловер, ботокс, кежуал, гель, шопинг, денди, спрей, деним,*

бандаж, мини и пр. На долю заимствований данной семантической группы приходится 12,0%.

В четвертую семантическую группу вошли англицизмы, используемые в сфере **экономики и политики**: президент, парламент, инаугурация, спикер, импичмент, электорат, департамент, муниципалитет, легитимный, консенсус, аудитор, бартер, брокер, бизнес, дилер, инвестиция, конверсия, траст, холдинг, сток, консалтинг, спонсор, маркетинг, менеджер, мерчандайзинг, лизинг, дилер и пр. Доля заимствований данной группы составляет 11,80%.

В пятую группу вошли заимствования из области **спорта**: байк, фитнес, джампинг, драйф, плей-оф, пенальти, ти-брейк, кофе-брейк, картинг, скейтборд, виндсерфинг, байкер, матч поинт, рестлинг, серфер, спарринг, скейтер, спринтер, бодибилдинг и т. д. На долю заимствований данной группы приходится 10,90%.

Шестую тематическую группу формируют заимствования, относящиеся к сфере **гастрономии**: чизбургер, гамбургер, чикенбургер, чизкейк, нагетсы, кетчуп, ланч, фаст фуд, снэк, паб, сэндвич и пр. (доля англицизмов этой группы – 6,20%).

Таким образом, на основании приведенных данных мы можем проследить тенденцию заимствования английских слов в различных семантических полях. Самый большой процент иноязычной лексики принадлежит группе «Интернет и технологии», что говорит о применении достижений научно-технического прогресса в России. И это закономерно, поскольку с появлением высоких технологий и их дальнейшим бурным развитием в русский язык хлынул огромный поток слов, обозначающих новые явления. Кроме того, высокие технологии стали средством проникновения иноязычных слов в нашу речь.

Важно отметить, что подобная тенденция наблюдается не только в России, но и в других странах, поскольку процесс глобализации затрагивает все мировое сообщество. Примером может служить Испания, высокоразвитая страна Европы, в которой широкое распространение и активное использование Интернета привело к появлению большого количества англицизмов в лексике испанского языка.

Проведенное нами исследование испанского (иберийский вариант) публицистического текста на материале испанских газет и журналов «ABC», «Semana», «Tiempo», «Hola», «El País», «La Vanguardia», «20 Minutos», «El Comercio», «Diario Siglo XXI», «El Mundo», «Económica», «Última Hora» «AC» и др. позволило выяснить, каким образом распределились английские заимствования по семантическим группам за период с 2010 по 2011 г.

Было выявлено, что, как и в русском языке, наибольшее число англицизмов принадлежит тематической группе «Интернет и технологии»,

а именно 44,70% от общего числа англицизмов исследуемых групп: Internet (Интернет), SMS (смс), blog (блог), web (веб), site (сайт), netbook (нетбук), DVD (DVD-диск), Facebook (фейсбук), e-mail (электронная почта), on-line (онлайн), feedback (отзыв), microblogging (ведение микроблога), Twitter (твиттер), multimedia (мультимедия), blogger (блогер), hacker (взломщик), post (отправлять), spam (спам), interface (интерфейс), password (пароль), torrent (торрент), e-book (электронная книга), gadget (устройство), spammer (спамер), off-line (офлайн), ringtone (звонки), browser (браузер), download (скачивание), driver (драйвер), username (имя пользователя), playlist (плейлист), display (дисплей), slideshow (слайдшоу), smartphone (смартфон), Bluetooth (блютуз) и т. д.

Второе место, так же как и в русском языке, по числу англицизмов занимает тематическая группа «Музыка, искусство, кинематограф» (15,10%):

– номинации музыкальных направлений, танцев и групп: hip hop, pop art, britpop, punk, jam session, underground, rockstar, western, fan, country-rock, blues, grunge, hardcore, rock and roll, rockabilly, master, swing, country, pop dance, break dance, house dance;

– наименование музыкальной, теле- и кинопродукции: thriller (триллер), show (шоу), casting (кастинг), tv movie (фильм), performance (представление), single (песня), demo (демо), release (релиз), remake (ремейк), soundtrack (саундтрек);

– наименование книжной продукции: bestseller (хорошо продающаяся книга), copyright (авторское право).

Третья группа, как и в русском языке, по количеству английских заимствований в испанском языке – «Мода и красота» (13,40%), к которой можно отнести следующие номинации:

– названия стилей и предметов одежды: denim (деним), minishorts (мини-шорты), jeans (джинсы), cool (классный), shopping bag (сумка для покупок), fashion performance (показ мод), pajama (пижама), leggings (легинсы), blazer (блейзер), summertime (летнее время), hippie (хиппи), bandage (повязка), maxibag (большая сумка), shorts (шорты), pullover (пуловер), bodysuit (костюм);

– наименование косметических средств и услуг: after sun (после загара), spa (спа), botox (ботокс), lipstick (помада), anti-aging complex (антивозрастной комплекс), spray (спрей), antibotox (антиботокс), gel (гель), peeling (пилинг), body milk (молочко для тела), after-shave (после бритья).

Четвертую тематическую группу формируют англицизмы из сферы **спорта** (12,10%): fitness (фитнес), training (тренировка), rally (ралли), sprint (спринт), biker (байкер), gym (спортзал), surfer (серфер), champion (чемпион), break (перерыв), box (бокс), personal trainer (персональный

тренер), *warm up* (зарядка), *skater* (скейтер), *skateboard* (скейтборд), *jumping* (прыжки), *windsurfing* (виндсерфинг), *wrestling* (рестлинг), *sprinter* (спринтер), *aerobics* (аэробика), *badminton* (бадминтон), *body-building* (бодибилдинг), *jogging* (бег трусцой) и т. д.

В пятую группу вошли заимствования из области **экономики** (9,70%): *marketing* (маркетинг), *merchandising* (мерчандайзинг), *general manager* (генеральный менеджер), *leasing* (лизинг), *broker* (брокер), *business* (бизнес), *manager* (менеджер), *sponsor* (спонсор), *stock* (сток), *consulting* (консультирование), *headhunter* (поиск сотрудников), *trading* (торговля), *dealer* (дилер), *budget* (бюджет) и т. д.

Шестая тематическая группа представлена англицизмами, относящимися к сфере **гастрономии**, что составляет 5,00%: *ketchup* (кетчуп), *cocktailman* (бармен), *curry* (карри), *diet* (диета), *grill* (гриль), *fast food* (фаст фуд), *pub* (паб), *lemonade* (лимонад), *cookie* (печенье) и т. д.

Таким образом, анализируя данные, приведенные выше, мы приходим к выводу, что и в русском, и в испанском языках наблюдается высокий процент английских заимствований, относящийся к группе **«Интернет и технологии»** – соответственно 45,30 и 44,70%. Столь очевидное преимущество количества англицизмов в данной тематической группе является закономерным явлением в условиях информационного общества, поскольку небывало высокая скорость процессов межъязыковых интеракций вызвана, прежде всего, интенсивным внедрением информационных технологий во все сферы жизнедеятельности социума и непрерывным возрастанием темпов обмена информацией. Данные процессы осуществляются по новым информационным каналам проникновения иноязычных слов из языка-донора в язык-реципиент. Изменилось средство создания и доставки сообщения от адресанта адресату, а значит, и скорость создания и доставки сообщения.

Следует также обратить внимание на то, что как в русском, так и в испанском языках велика доля английских заимствований, относящихся к группам «Музыка, искусство, кинематограф», «Спорт». Высокий процент английских заимствований в данных семантических группах можно объяснить небывалой популярностью американских видов спорта, а также всевозрастающим международным сотрудничеством в области культуры, киноиндустрии, особенно американской, и своего рода престижностью употребления англицизмов для обозначения слов, понятий и явлений, относящихся к тематической группе «Музыка, искусство, кинематограф».

Важно подчеркнуть, что лексическое заимствование, по мнению Л. П. Крысина, является первой ступенью иноязычного влияния. Фонологические, морфологические, синтаксические заимствования невозможны без заимствования лексического, без накопления в языке иноязычных

слов с одинаковыми характеристиками. Таким образом, количественные изменения, прежде всего на уровне лексики, приводят к качественным изменениям в системе взаимодействующих языков.

Суть заимствований – это привести в язык именно те слова и понятия, которые не имеют аналогов в данном языке. Поэтому на протяжении всей истории развития языка процесс заимствования иноязычных слов реализовался наравне с другими явлениями, происходящими в языке.

Однако сегодня следует обратить внимание на неконтролируемое заимствование иностранных слов, преимущественно американского происхождения, которые имеют синонимы и в русском, и в испанском языках. Важно заметить, что эти заимствования в большинстве случаев прививаются нерационально, тем самым засоряют язык, что вызывает справедливое беспокойство многих ученых. Несмотря на то обстоятельство, что издаются новые словари заимствованных слов, процесс заимствования в информационном социуме развивается с такой скоростью, что не всегда представляется возможным его проконтролировать.

С одной стороны, неконтролируемый поток заимствований связан с целым рядом экстралингвистических причин. Например, в русском языке это объясняется тем, что внедрение постсоветской России в мировую экономику, смена политической системы, стремительное развитие технологий по всему миру, а также глобальной сети Интернет привели к появлению большого количества явлений и понятий, для которых ранее в русском языке аналогов не существовало. В этой связи уместно привести слова российского лингвиста В. В. Наумова: «Язык начинает жить самостоятельной жизнью, как только он приобретает черты и свойства завершенности по отношению к конкретному периоду времени (курсив наш. – Л. С.), на которое приходится тот или иной этап языкового развития»¹⁸.

Но, с другой стороны, по мнению В. С. Виноградова, вторжение англицизмов в испанскую речь остается актуальной лингвистической проблемой, которая в последнее время приобретает политический характер¹⁹.

Безусловно, мнения ученых, приведенные выше, релевантны по отношению к русскому и испанскому языкам. И в этой связи, следует отметить, государству отводится немаловажная функция контроля по отношению к языковой политике публицистического текста, поскольку «публицистика во всех ее разновидностях – это особый способ воздействия на сознание социума. Формой воздействия является язык. <...> Особую роль средства массовой информации играют в процессе нормализации заимствованной лексики»²⁰.

Таким образом, мы можем говорить о рациональном процессе заимствований только тогда, когда в самом языке нет эквивалентов понятиям и явлениям, приходящим в данный язык. Только в

этом случае иноязычное заимствование расширяет лексическое богатство языка-реципиента и служит одним из важнейших факторов его развития.

Кроме того, языковые контакты – это прежде всего диалог, который генетически интерактивен и предполагает взаимодействие языков как процесс их существования и развития и в которых продолжается и совершенствуется языковая и культурная традиция человека.

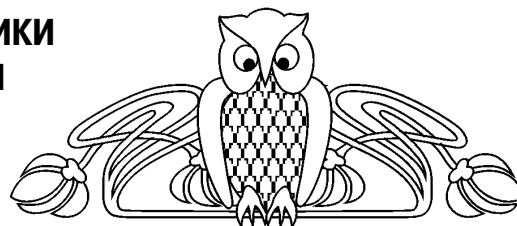
Примечания

- 1 Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 173.
- 2 См.: Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М., 2003.
- 3 См.: Бодуэн де Куртене И. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. С. 363.
- 4 Щерба Л. О понятии смешения языков // Щерба Л. Избранные труды по языкознанию и фонетике. Л., 1958. С. 42.
- 5 См.: Вайнрайх У. Языковые контакты : Состояние и проблемы исследования. Киев, 1987. С. 22.
- 6 См.: Карлинский А. Основы теории взаимодействия языков. Алма-Ата, 1990.

- 7 См.: Ждуктенко Ю. Языковые ситуации и взаимодействие языков. Киев, 1989.
- 8 См.: Иванов В. Языковые контакты // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- 9 См.: Вайнрайх У. Указ. соч.
- 10 См.: Щерба Л. Избранные труды по языкознанию и фонетике.
- 11 См.: Ахманова О. Словарь лингвистических терминов. М., 2005. С. 150–151.
- 12 Там же. С. 151.
- 13 См.: Internet World Stats : [сайт]. URL : <http://www.internetworldstats.com/stats.htm> (дата обращения: 18.06.2012).
- 14 Володарская Э. Ф. Избранные лекции по филологии. М., 2006. С. 23.
- 15 Там же. С. 20.
- 16 Тер-Минасова С. Война и мир языков и культур. М., 2007. С. 31.
- 17 Ахманова. О. Указ. соч. С. 118.
- 18 Наумов В. Государство и язык. Формулы власти и безвластия. М., 2010. С. 8.
- 19 См.: Виноградов В. Лексикология испанского языка. М., 1994.
- 20 Наумов В. Указ. соч. С. 138–139.

УДК 811.112.2:070

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ТАКТИКИ ПРИЗНАНИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ И ТАКТИКИ РАЗЪЯСНЕНИЯ (на материалах интервью А. Меркель)

Е. А. Роменская

Астраханский государственный университет
E-mail: romenskaja@inbox.ru

В статье рассматриваются коммуникативные тактики, используемые бундесканцлером Германии Ангелой Меркель при реализации информационно-интерпретационной стратегии в печатных СМИ, которые являются основным источником, удовлетворяющим информационные интересы общества.

Ключевые слова: СМИ, информационно-интерпретационная стратегия, тактика признания существования проблемы, тактика разъяснения, информация, политическая коммуникация, интервью, политический лидер, языковые средства.

Language Means of Realization of the Tactics of Recognizing the Existence of the Problem and the Tactics of Clarification (on the Materials of the Interviews with A. Merkel)

Е. А. Romenskaya

The article considers communicative tactics used by the Chancellor of Germany Angela Merkel in the process of realizing information-interpretative strategy in print mass-media which are the main source of fulfilling society information interests.

Key words: mass-media, information-interpretative strategy, tactics of recognizing the existence of the problem, clarification tactics, information, political communications, interview, political leader, language means.

Цель нашего исследования – проанализировать языковые средства, используемые немецким политическим деятелем Ангелой Меркель в своих интервью при реализации тактики признания существования проблемы и тактики разъяснения. Эта цель предполагает решение следующей исследовательской задачи: выявить языковые средства реализующие данные тактики. Материалом исследования служат тексты интервью.

Язык политиков в последнее время все чаще привлекает внимание отечественных исследователей. Политики в силу их статуса влияют на общую ситуацию в социуме и, соответственно, в определенной степени и на использование в нем языка. Известно, что многие политики отличаются значительными риторическими способностями, благодаря которым они нередко и приходят к

власти. В данной статье мы рассмотрим речевое поведение немецкого бундесканцлера Ангелы Меркель, в особенности ее умение применять различные языковые средства при реализации тактики признания существования проблемы и тактики разъяснения.

Политического лидера мы рассматриваем как носителя языка, способного реализовать в речевой деятельности некую совокупность языковых средств, характеризующих определенную часть языкового коллектива (социальную группу) в данный промежуток времени. Этот потенциал языковой личности в большей степени вербализуется за счет устойчивых речевых образцов. Однако, как известно, во всякой деятельности человек может изменять принятые правила поведения под действием различного рода внешних и внутренних факторов. Тем не менее, мы вслед за Э. Сепиром полагаем, что так называемые речевые привычки являются бессознательными маркерами (индикаторами) личности¹.

Основной целью политической коммуникации является борьба за власть, однако помимо этого присутствуют и дополнительные цели: стимулирование, побуждение, а также информирование, выступающие фоном для формирования у аудитории такого понимания действительности, которое есть у адресата, поскольку главная функция политического текста – убедить аудиторию в правильности нарисованной автором картины мира².

Общественное мнение в демократическом правовом государстве формируется в процессе получения определенного потока информации. Информационные интересы общества удовлетворяют СМИ. В нашем случае мы имеем дело с печатными СМИ. Поступающая от политиков информация несет определенную идею, которая, проникая в сознание масс, взаимодействует с чувствами, эмоциями, настроениями, традициями, волей людей. Информирование занимает значительное место в политической коммуникации, поскольку через правильную подачу информации и ее интерпретацию происходит скрытое воздействие на общество посредством приведения фактов, не сопровождаемое выражением отношения говорящего.

Понятие «информация» произошло от латинского слова «informatio», что означает изложение, разъяснение какого-либо факта, события, явления. В широком смысле информация определяется как сведения о той или иной стороне материального мира и происходящих в нем процессах. При изучении информации учитываются закономерности ее создания, преобразования и использования в разных сферах человеческой деятельности.

Рассматриваемые нами тактики непосредственно связаны с правильной подачей обществу определенной информации, так как, по мнению О. Н. Паршиной, они входят в перечень тактик, реализующих информационно-интерпретационную стратегию.

Термин «стратегия» трактуется в лингвистике неоднозначно, что связано, в первую очередь, с разнородностью лингвистических школ. Существует множество подходов к понятию «стратегия», все они объединены тем, что в основе каждого определения лежит идея планирования действий и направленность на достижение некой цели.

В самом общем виде стратегию можно охарактеризовать как «определение направленности речевого поведения в соответствии с целью и возможностей сверхзадачи речи»³.

Вслед за О. С. Иссерс мы будем использовать следующее определение стратегии: стратегия речевого поведения охватывает всю сферу построения процесса коммуникации, когда ставится целью достижение определенных долгосрочных результатов. В самом общем смысле речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. Иными словами, речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели⁴.

Информационно-интерпретационная стратегия представлена в основном жанрами диалогической речи-интервью. В политических диалогах подобного рода на первый план выступает содержательно-концептуальная информация, раскрывающая авторское понимание отношений между явлениями, фактами, событиями⁵. Таким образом, политики при информировании граждан о важнейших событиях социальной, экономической и политической жизни пользуются соответствующими тактиками.

Под коммуникативной тактикой мы будем понимать совокупность практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия, то есть коммуникативная тактика, в отличие от коммуникативной стратегии, прежде всего, соотнесена не с коммуникативной целью, а с набором коммуникативных намерений⁶.

Рассмотрим далее реализацию указанных выше коммуникативных тактик.

Первая тактика – это тактика признания существования проблемы. Проблемы, как известно, есть всегда в любом социуме, но не каждый политик владеет искусством успешной для отправителя текста подачи определенной проблемы. Чаще всего политики стремятся говорить не о том, что существует какая-то проблема, а приводят факты, которые указывают уже на пути ее решения или же на предпринятые шаги для ее устранения. Указывая на проблемы, политики иногда открыто говорят о них посредством применения характеризующей тактики, вербально реализуемой такими выражениями, как «существует ряд проблем» или «имеются следующие проблемы». Далее перечисляются и подробно описываются данные проблемы, либо сначала указывается конкретная

область, в которой существуют проблемы, а потом уже их описание. Приведем примеры из интервью А. Меркель:

<...> dass wir ein großes demografisches Problem haben (Interview mit «Bild» von 02.12.2007) – У нас огромная демографическая проблема;

Auf der anderen Seite haben wir gerade in den neuen Bundesländern weiterhin eine Reihe von Problemen (Interview mit der «Super-Illu» von 20.12.2007) – С другой стороны, именно в новых федеральных землях существует ряд проблем;

Jede Zeit hat ihre eigenen Probleme (Interview mit «Bild» von 17.09.2009) – У каждого времени свои собственные проблемы;

Ich arbeite sehr ernsthaft daran, dass wir wieder mehr Arbeitsplätze und weniger Arbeitslose haben. Das ist das Kernproblem, darauf müssen wir uns konzentrieren (Interview mit der «Bild am Sonntag» von 30.07.06) – Я очень серьезно работаю над вопросом создания новых рабочих мест и сокращения числа безработных. Это основная проблема, на которой мы должны сконцентрироваться. Проблема роста безработных является очень актуальной для немецкого общества;

Wir müssen unterscheiden zwischen einem globalen Problem, wie es der Klimawandel ist, und regionalzubefriedigenden Bedürfnissen... (Interview mit «DieZeit» von 04.10.2007) – Мы должны делать различие между глобальной проблемой, как изменение климата, и нуждающимися в решении трудностями регионального характера...

С тем чтобы избежать акцентирования внимания на наличии трудностей, А. Меркель охотнее использует следующие выражения и синонимы к слову «проблема»:

Grund zur Sorge gaben aber zuletzt die gemeldeten Preissteigerungen von über zwei Prozent, und nicht zuletzt auch die hohen Preise für Strom und Benzin, unter denen viele Menschen leiden (Interview mit der «Zeitschrift Capital» von 20.12.2007) – Но основой для беспокойства послужили, в первую очередь, заявленное провышение цен на два процента, а также высокие цены на электричество и бензин, из-за которых страдают многие люди.

Рассмотрим далее примеры со словом «Herausforderung» – проблема, трудность:

Ich glaube, der Terrorismus ist die große Herausforderung dieses neuen Jahrhunderts (Interview mit «Welt am Sonntag» (WamS) von 20.08.2006) – Я считаю, что терроризм является огромной проблемой этого нового века;

Wir stehen durch diese Finanzkrise vor außergewöhnlichen Herausforderungen (Interview mit «Passauer Neue Presse» (PNP) von 19.12.2008) – У нас чрезвычайные трудности (проблемы) из-за этого финансового кризиса;

Der Klimawandel ist eine der großen Herausforderungen der Menschheit (Interview mit der «Bild-Zeitung» von 01.06.2007) – Изменение климата является одной из величайших проблем человечества. В продолжение темы: Hier kann ich

mit eigenen Augensehen, wie dramatisch der Klimawandel tatsächlich ist (Interview mit dem «Bild am Sonntag» von 19.08.2007) – Здесь я могу своими собственными глазами увидеть, насколько драматично на самом деле положение с изменением климата.

О существовании проблемы мы можем судить в связи с употреблением А. Меркель прилагательного *dramatisch* применительно к вопросу, связанному с изменением климата.

Es gibt schreckliche Bilder, die uns alle bewegen (Interview mit der «Bild am Sonntag» von 30.07.06) – Есть ужасающие документальные материалы, которые волнуют нас всех.

Эта реплика «есть ужасающие документальные материалы» прозвучала в отношении войны на Ближнем Востоке. Описание данной ситуации в мрачных тонах показывает со всей очевидностью существование проблемы. Не называя напрямую проблему, А. Меркель говорит о страшных последствиях, которые затрагивают всех, и из чего видно, что это серьезная проблема, для решения которой необходимо приложить усилия. Бундесканцлер использует при этом описательный метод для акцентирования внимания аудитории на проблеме. Приведем еще пример описательного указания на существование проблемы:

Natürlich sehe ich auch schreckliche Armut und große Not (Interview mit der «Bild-Zeitung» von 01.06.2007) – Конечно же, я вижу ужасную нищету и бедственное положение.

Данная тактика часто актуализируется в немецких СМИ, поскольку в любом обществе существует ряд проблем и трудностей, с которыми пытаются справиться люди, находящиеся у власти. Другое дело, как преподнести эту проблему в СМИ. Приведенные примеры показывают, что А. Меркель называет проблемы прямо, даже если и не говорит при этом: «Ужасающая нищета – это проблема!». Она использует эмоциональный способ изложения материала, такой образный, взволнованный рассказ, содержащий факты, указывающие на проблему, и направленный на достижение ответной эмоциональной реакции аудитории.

Вторая из вышеперечисленных тактик – это тактика разъяснения.

Разъяснение необходимо потому, что адресант должен учитывать отсутствие нужных фоновых знаний у собеседника и поэтому не ограничиваться простой констатацией факта, простой оценкой информации, но сопровождать свой ответ или выступление дополнительной информацией⁷.

Материал показывает, что журналисты часто задают политикам наводящие, требующие разъяснения вопросы: Was heißt das konkret? Was heißt das für die Bundeswehr/Besonderen? (Interview mit «Welt am Sonntag» (WamS) von 20.08.2006); Was bedeutet Kultur für Sie? (Interview mit der Zeitung «Die Welt» von 05.08.2006); Das heißt? (Interview mit der «Frankfurter Allgemeinen Sonntagszeitung» von 09.07.2006).

Использование интервьюером иницирующих или, иначе говоря, наводящих вопросов служит для направления разговора в нужное русло и способствует более детальному рассмотрению вопроса с конкретными уточнениями. Далее идет само разъяснение. Разъяснение подлинного смысла и содержания вопроса необходимо заинтересованным лицам в целях его правильного понимания. Существуют различные языковые средства введения разъяснения.

В немецком языке для разъяснения употребительно выражение «das heißt» – это означает (это значит):

Das heißt für mich, zu allererst Israel/Palestina in den Blick zu nehmen (Interview mit «Welt am Sonntag» (WamS) von 20.08.2006) – Это означает для меня, прежде всего, взять под контроль израильско-палестинский конфликт;

Unser Modell in Europa zielt auf Ausgleich und Gemeinsamkeit. Das heißt zum Beispiel, dass gut Verdiente höhere Steuersätze zahlen und dass wir ein solides Sozialsystem haben (Interview mit «Bild» von 23.03.2007) – Наша модель в Европе направлена на равноправие и единство. Это означает, например, что хорошо зарабатывающие платят высокие налоговые отчисления и что у нас солидная социальная система;

Aber bei insgesamt steigender Lohnsumme können im nächsten Schritt auch die Renten starker steigen. Das heißt: Dass die Menschen etwas vom Aufschwung haben, das baut sich stufenweise auf... (Interview mit der «Super-Illu» von 20.12.2007) – При общем повышении заработной платы следующим шагом может стать повышение пенсии. Это значит, что люди что-то получают от общего (экономического) подъема. Но все это организуется постепенно...;

Es sollte eine Selbstverständlichkeit sein. Das heißt aber nicht, dass es immer einfach ist, Brücken zwischen jüdischen und nicht jüdischen Deutschen zu bauen und für Verständnis zu werben (Interview mit der «Jüdischen Allgemeinen» von 01.11.2007) – Это должно быть само собой разумеющимся. Но это не значит, что всегда так просто навести мосты между евреями, живущими в Германии, и немцами, и добиться понимания между ними.

Применяется глагол «bedeuten» – значить, означать:

Ja, es bedeutet allerdings auch einheitliche Normen, damit alle gleiche Wettbewerbschancen haben (Interview mit «Bild» von 23.03.2007) – Это означает также единые требования, чтобы у всех были одинаковые шансы в конкурентной борьбе;

Das bedeutet Jahr für Jahr weniger Zinsbelastung und mehr Spielraum für die Zukunft (Interview mit «WamS» von 13.05.2007) – Это значит год за годом меньше налоговые вычеты и больше свободы действий (возможностей) для будущего.

Используются также и выражения es geht um (речь идет о); besteht in – состоит в...:

Es geht darum, Frieden im Nahen Osten zu schaffen, das heißt das Existenzrecht Israels zu garantieren, einen souveränen Libanon zu sichern und den Konflikt Israel/Palästina im Sinne Zweistaaten-Lösung zu überwinden (Interview mit «Welt am Sonntag» (WamS) von 20.08.2006) – Речь идет о том, чтобы создать мир на Ближнем Востоке, это значит гарантировать Израилю право на существование, обеспечить Ливану независимость и решить израильско-палестинский конфликт внутри этих двух государств, не привлекая других;

...es geht auch um die ethische Legitimierung der verschiedenen UN-Organisationen und eine bessere Koordinierung (Interview mit «Zeit» von 04.10.2007) – ...речь идет об этическом узаконении различных организаций ООН и о лучшем координировании;

In der Bundesregierung gibt es eine eindeutige Haltung. Und die besteht darin, die Entwicklung jüdischen Lebens zu unterstützen und ganz klar gegen Antisemitismus und Rechtsextremismus vorzugehen (Interview mit der «Jüdischen Allgemeinen» von 01.11.2007) – У правительства Германии имеется определенная позиция, которая состоит в том, чтобы поддерживать развитие жизни евреев и четко выступать против антисемитизма и правого радикализма.

Вынося на обсуждение то, что у правительства имеется определенная позиция относительно обсуждаемой ситуации, связанной с проживанием евреев на территории Германии, А. Меркель разъясняет, в чем же именно она состоит.

Таким образом, в ходе исследования были проанализированы интервью А. Меркель и выявлены языковые средства, реализующие рассматриваемые нами тактики. Так, для реализации тактики разъяснения она применяет следующие языковые средства: выражения «das heißt» – это означает (это значит), es geht um (речь идет о), besteht in – состоит в..., глагол «bedeuten» – значить, означать. Употребление данных средств обусловлено использованием интервьюером иницирующих или, иначе говоря, наводящих вопросов.

При реализации тактики признания существования проблемы А. Меркель использует такие языковые и лексические средства, как, например, выражения: eine Reihe von Problemen – существует ряд проблем или Es gibt Probleme – имеются следующие проблемы, Das ist das Kernproblem – это основная проблема, применяя при этом лексему Problem в различных сочетаниях с другими лексемами, определяющими характер проблем, а также прилагательные: dramatisch, schrecklich, уточняющие степень тяжести проблемы. В ходе анализа были также выявлены синонимы к лексеме Problem, употребляемые А. Меркель в этом же значении только в разных контекстах: Grund zur Sorge, Herausforderungen.

Также можем отметить, что А. Меркель, эффективно применяет тактики, реализующие информационно-интерпретационную стратегию, и тем самым выполняет – помимо основной (борьбы за власть) – свою задачу в качестве политика информировать общество.

Примечания

¹ См.: *Наумов В.* Лингвистическая идентификация личности. М., 2007. С. 12.

² См.: *Михалёва О.* Политический дискурс : Специфика манипулятивного воздействия. М., 2009. С. 34.

³ *Паршина О.* Российская политическая речь : Теория и практика. М., 2007. С. 54.

⁴ См.: *Иссерс О.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008.

⁵ См.: *Паршина О.* Указ. соч. С. 74.

⁶ См.: *Клюев Е.* Речевая коммуникация : учеб. пособие для ун-тов и вузов. М., 1998. С. 11.

⁷ См.: *Паршина О.* Указ. соч. С. 83.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.109

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГОРИЗОНТЫ ПОНЯТИЯ «РИСК» В РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

В. В. Прозоров

Саратовский государственный университет
E-mail: prozorov@sgu.ru

Анализ семантических пределов популярного понятия «риск» показывает, что риск в русской национально-культурной традиции – знак бессмысленной и безнадежной лихости и – одновременно – неукротимой энергии и силы. Ощущать риск – внешне беспечно предчувствовать приближающуюся опасность и предельно концентрировать волевые напряжения, связанные с одолением обрушивающейся беды.

Ключевые слова: риск как термин, риск в русской национально-культурной традиции, мотивы риска в литературе, риск как знак опасности и знак преодоления опасности.

Semantic Horizons of «Risk» Notion in the Russian National and Cultural Tradition

V. V. Prozorov

The analysis of the semantic limits of the popular notion of 'risk' demonstrates that in the Russian national and cultural tradition risk is the sign of meaningless and hopeless recklessness, and at the same time, the sign of unbridled energy and power. To feel risk means to outwardly carelessly anticipate imminent danger and to ultimately concentrate the efforts of will related to overcoming the sweeping disaster.

Key words: risk as a term, risk in the Russian national and cultural tradition, risk motifs in literature, risk as a sign of danger and a sign of overcoming danger.

«Риск» в последнее время стал понятием необычайно продуктивным и модным. От чрезмерного и беспощадного употребления возник даже реальный риск размывания смысловых пределов самого понятия.

Эмпирические наблюдения над повседневной русской речью показывают, что слово «риск» в последние полтора-два десятилетия не сходит с уст отечественных специалистов самого разного профиля. Получили распространение производные: «рисковать», «рискнуть», «рискованный», «рисковый», «рискогенный». Объявились сложные словообразования: «риск-знания», «риск-менеджер», «риск-стандарты», «риск-терминология» и др. Широкое хождение имеет ранее отсутствовавшая форма множественного числа – «риски».

«Риск» как ключевой термин усердно эксплуатируется, прежде всего, *экономической наукой и практикой* («управление рисками в финансах и бизнесе», «анализ рисков», «концепция риска», «моделирование рисков», «риск проекты», «риск биржи», «кредитный риск», «инвестиционный риск», «риск-ориентированный подход в обеспечении экономической безопасности»);

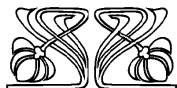
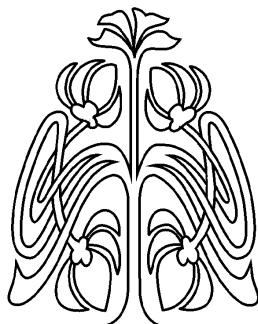
– *социологией, политологией, философией, коммуникативистикой* («общество риска», «риски социальных систем», «минимизация рисков на рискогенных территориях», «оценки риска», «ситуации временного и постоянного рисков», «рискогенная информационная тематика»);

– *медициной* («риск сердечно-сосудистых заболеваний», «риски медицинского вмешательства», «риск от лекарственных препаратов», «снижение риска смертности»);

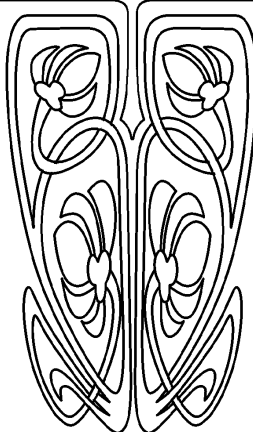
– *экологией* («техногенные риски», «экологические риски»);

– *техническим производством* («риск аварии», «пожарный риск»)

и т. д.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Говорят о рисках геополитических, политических, демографических, образовательных, оборонных, педагогических, психологических, хозяйственных, социально-культурных, покупательских, гастрономических, бытовых и т. д. Теория рисков – составная часть науки о кризисах (кризисологии). Выходят специализированные журналы: «Риск-менеджмент», «Риск-Онлайн», «РИСК: Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция», «Риск-Онсайт» (об альпинизме и горных видах спорта, об экстриме как явлении жизни) и др.

Цель настоящей статьи – предложить объёмную филологическую экспертизу данного, необычайно востребованного понятия. Мы будем стремиться, исходя из русских национально-культурных традиций, разобраться в семантических пределах этого активно тиражируемого, заметно обретающего повышенную частотность и даже известную универсальность феномена.

Почти все многочисленные термины со словом «риск» приходят сегодня к нам прежде всего из западного (главным образом англоязычного) финансово-экономического словаря. Наблюдения над современной экономической литературой показывают, что риск понимается здесь:

- как возможность опасных потерь;
- как трудно предсказуемое по своим последствиям событие;
- как вероятность отклонения от намеченной, прогнозируемой цели;
- как мера конфликтности в предпринимательской деятельности;
- как деловое решение, принимаемое по поводу возникающего противоречия;
- как балансирование на грани между множеством противоречий, ни одно из которых нельзя корректно игнорировать.

Иными словами, риск – это, прежде всего, любая, мало-мальски значимая по своим вероятным последствиям реакция на подстерегающие нас в разной связи и по разным поводам опасности и неустойчивости.

Риски возникают на границах. Граница – область повышенного риска. Граница – знак властного самоограничения и одновременно знак его свободного преодоления. Граница даёт ощущение уверенности и тревоги, твёрдости и неустойчивости, прочности и зыбкости, завершённости и открытости.

Мы говорим о рисках, вступая в сферу нечёткой логики, имея дело с понятиями о нечётких событиях (нечёткое – размытое, туманное, расплывчатое множество)¹. Риски возникают при распаде системы и при очень быстром росте системы, когда она начинает терять былую устойчивость и стабильность.

Понятие «риск» давно уже включалось в пространство размышлений о важнейших сторонах человеческого бытия. Риск неперенной составной частью входит в универсальное представ-

ление о **судьбе**. Судьба же в распространённом смысле – плод заманчивой фантазии, которую мы охотно поддерживаем, чтобы оправдать свои собственные ошибки и слабости, непостижимая предопределённость событий и поступков, не доступное разумению стечение обстоятельств, на которые нам якобы не дано влиять. Пережить риск – это как раз получить ощущение от преодоления очередной полосы препятствий, ощущение, которое позволяют нам увереннее держаться на плаву жизни.

В современной письменной массмедийной речи с понятием «риск» все чаще случаются вольные метафорические превращения: «держим риск под прицелом», «риск-менеджеры – рисковые ребята», «укрошение риска» и т. п. В давней уже «Песне о риске» Роберта Рождественского есть характерные для советского поколения «шестидесятников» слова, исполненные бодрого и одновременно тревожного романтического (псевдоромантического) пафоса, звучащие как страстное побуждение, как отчаянное заклинание: «Темнота и свет, миллионы брызг, // В каждом “да” и “нет” – постоянный риск. // Риск похож на бой, если путь горист. // Быть самим собой – это тоже риск. // Ну а ты решишь! Ну а ты рискни! // В непростую жизнь широко шагни». Спрос на это понятие всё активнее обнаруживает себя и в современной молодёжной культуре. Интернет пестрит стихотворениями о риске и рисках. Слагаются и исполняются рэп-тексты о риске: «Это песня про риск // Рискуй! // Взлетай или провались с треском!»

В массовом сознании широко распространено убеждение, что ни в одном из видов человеческой деятельности не может быть нулевого риска. Часто в этой связи вспоминается расхожая шутка: «Жить опасно – от этого умирают». В обыденном речевом обиходе то и дело появляются словосочетания: «не хотите рискнуть?», «напрасный риск», «доля риска», «лучше не рисковать», «рискуешь головой», «рисковать собой», «без риска для жизни», «кто не рискует?!», вплоть до претенциозного «Кто не рискует, тот не пьёт шампанское».

О риске (рисках) сегодня в нашем отечестве охотно рассуждают и пишут:

- как об обязательной характеристике любой более или менее значимой и трудно предсказуемой (личной, семейной, служебной, научной, социально-политической и т. д.) ситуации выбора;
- как о неперенном условии современного, исполненного больших тревожных ожиданий неустойчивого человеческого существования (быта и бытия) на всех континентах земли;
- как чуть ли не о самом главном и фатальном сопутствии человечеству на пути в неизведанное и драматически усложняющееся будущее, чреватое невиданными прежде природными аномалиями, катастрофами и всеобщим апокалипсическим напряжением.

Риск – широко распространённое понятие, щедро адресуемое неустойчивому *настоящему* и

(в ещё большей степени) исполненному опасных ожиданий, непредсказуемому *будущему* времени.

Пришла пора тщательного осознания роли и места, бытования и назначения этой важной ценностно-смысловой универсалии наших дней в *прошедшем* времени. К предшествовавшим эпохам, к прежним речевым практикам невольно восходит, от них словно бы нечаянно отталкивается или с ними вступает в незримый спор нынешняя эпоха.

Чтобы всесторонне осознать накопленные смысловые ресурсы понятия «риск», необходимо представить:

– как вело себя это понятие, какими основными и дополнительными смыслами наполнялось в плотных слоях многожанровой русской народной и литературной культуры;

– в каких художественно-образных контекстах, темах, сюжетах и мотивах жило и заявляло о себе в эпоху литературоцентризма;

– каким образом сложившийся в веках отечественный семантический объём этого понятия исподволь влияет и на наше нынешнее повсеместное и энергичное словоупотребление.

Авторитетные толковые словари русского языка привычно определяют понятие «риск» (франц. *risqué*; англ. *risk*; нем. *Risiko*) как:

– во-первых, *возможную опасность, действие наудачу в надежде на счастливую случайность* (с риском для себя; подвергаться риску; без риска);

– во-вторых, *возможный убыток в коммерческом деле, обусловленный изменчивостью рыночной конъюнктуры* (например, делить риск пополам);

– в-третьих, *опасность, от которой производится страхование имущества*. Последнее значение приводится в словарях с пометой «специальное».

Психологи в специальных же словарях трактуют риск как действие, направленное на заманчивую цель, достижение которой сопряжено с известными или неведомыми опасностями.

Антонимы понятия «риск» – «осторожность», «осмотрительность», «компромиссность» («рисковать» и «осторожничать», «идти напролом» и «обходить стороной», «не рискуй: семь раз отмерь»).

Часто представление о чрезмерной осторожности вызывает, однако, отчётливые ассоциации с робостью, трусостью, социальной ограниченностью и пассивностью. Такие «чудеснейшие» качества, как «умеренность и аккуратность» («Горе от ума» А. С. Грибоедова), то и дело становились в русской словесности неоспоримым объектом осмеяния и презрения. Вспомним, с каким грустным сарказмом характеризовал М. Е. Салтыков-Щедрин в сказке «Премудрый пискарь» (1883) своего главного героя: «Жил – дрожал, и умирал – дрожал... И что всего обиднее: не слышать даже, чтоб кто-нибудь премудрым его называл. Просто говорят: “Слыхали вы про остолопа, который не

ест, не пьёт, никого не видит, ни с кем хлеба-соли не водит, а всё только распостылюю свою жизнь бережёт?” А многие даже дураком и срамцом его называют и удивляются, как таких идолов вода терпит».

Знаменитый чеховский учитель греческого языка Беликов (с его крылатым речением «как бы чего не вышло») «замечателен тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате <...> Он носил темные очки, фуфайку, уши закладывал ватой, и когда садился на извозчика, то приказывал поднимать верх. Одним словом, у этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить себя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр, который уединил бы его, защитил бы от внешних влияний. Действительность раздражала его, пугала, держала в постоянной тревоге...» (А. П. Чехов. Человек в футляре. 1898).

Апофеоза тихого, незаметного существования без риска (в противовес отчаянному и смелому безрассудству) заключена в другом крылатом выражении конца XIX в.: «Рождённый ползать летать не может» (М. Горький. Песня о Соколе. 1895).

Риск выступает и как синоним последовательной порядочности и предельной честности, не знающей компромиссов во имя отчётливо явленного инстинкта самосохранения. Вот как, в частности, аттестуется известный советский писатель и общественный деятель К. М. Симонов в книге В. В. Познера «Прощание с иллюзиями»: «Симонов был... человеком смелым и принципиальным, однако вместе с тем он, говоря футбольным языком, никогда не рисковал попасть в офсайд. Он часто отстаивал правду, но никогда при этом не шёл на риск. Смелость его никогда не становилась безрассудной, никогда не представляла угрозы ему или его делу – что красноречиво подтверждается его карьерой. Когда же попахивало жареным – а это бывало не раз и не два, он отступал, тем самым невольно присоединяясь к тем самым силам, против которых боролся. Можно сказать, что в его характере... имелся изъян»².

В предложенном контексте «риск» как высшая нравственная поведенческая категория противостоит явному отказу, нежеланию (при чрезмерно жёстких обстоятельствах жизни) жертвовать собственным благополучием, карьерой, процветанием.

В связи с подобной интерпретацией понятия «риск» вспоминается и обросший множеством легенд и толкований эпизод, связанный с телефонным разговором И. В. Сталина с Б. Л. Пастернаком в 1934 г. Из всех существующих версий явствует, что это был разговор (своего рода развлечение-пытка) властелина и заранее обречённой (не на физическую смерть, так на диковинное нравственное унижение и терзание) жертвы. Да, очевидно, что Пастернак не решился в этом

«диалоге неравных» защитить от сталинского произвола поэта О. Э. Мандельштама. И не нам выставлять оценки и судить о мотивах такой линии поведения («не рискнул», «струсил», «потерялся», «уклонился», «не нашёлся, что сказать» и т. п.)³. Риск здесь сродни самоубийству. Человек в этой ситуации рисковал и своей жизнью, и жизнью всех своих родных и близких.

В книге о знаменитом режиссёре Саратовского театра юного зрителя, народном артисте СССР Юрии Петровиче Киселёве я писал, вспоминая его неуступчивость во многих принципиальных вопросах жизнетворчества, о его же склонности в советскую эпоху к разного рода уступкам во имя сохранения своего театра: «Искусство компромисса... Вся наша жизнь – всегда и повсюду – с ним неразлучна. Но когда ты не столько даже сам по себе, когда за тобою – тобою же возвращенный коллектив (театра, школы, факультета, кафедры...), приёмы искусства этого поневоле усложняются и достигают порой высот изящнейшего, просто-душно-лукавого, почти швейковского артистизма. Во имя долга перед теми, кто в тебя верит, кто на тебя надеется, кто не хочет с тобой разлучаться»⁴. Само искусство компромисса в его конкретных проявлениях может стать и становится рискованным. Взаимоисключаемые понятия «риск» и «компромисс» в исполненных драматизма обстоятельствах неожиданно сближаются и обретают силу синонимического притяжения.

Таким образом, есть устойчивое представление о благородном риске как о безоглядном донкихотском самопожертвовании, как о безрассудной самоубийственной дерзкой храбрости и есть не менее распространённые представления о риске трагически опасном, бессмысленном и даже социально вредном. О риске, ценой которого могут стать и становятся судьбы не только тех, кто уклоняется от «безумства храбрых», но и защищаемые им, стоящие за ним, уверенные в его оборонительных готовностях и возможностях.

Попутно заметим одно весьма красноречивое обстоятельство: понятие «риск» обычно не включается в русские словари иностранных слов, оно произвольно стало «своим» – близким и понятным.

В связи с нашей темой непременно вспоминаются известная, имеющая очень широкое хождение поговорка «риск – благородное дело» и фразеологизм «на свой страх и риск». Риск в этом смысле связан с понятием пассионарности, введенным в обиход Л. Н. Гумилёвым.

В. И. Даль зафиксировал широкое и ёмкое значение этого слова и производных от него.

Риск, рискованье – это, в первую очередь, отвага, смелость, решимость, предприимчивость, но это и действие на авось, наудачу. К «риску – благородное дело» даётся помета «поговорка картёжников».

Рискователь и рисковательница у Даля – отважные люди. *Рисковать* – с одной стороны,

пускаться наудачу, на неверное дело, наудалую, делать что-либо без верного расчёта и т. п., но, с другой стороны – действовать смело, предприимчиво, надеясь на счастье⁵.

В. И. Даль приводит большое число русских пословиц и поговорок, в которых прямо или косвенно речь идет о близких к риску жизненных отношениях и состояниях. Эти пословицы и поговорки преимущественно связаны с темой безудержной смелости, отчаянной отваги и рискованной удали:

Бой отвагу любит.

Без отваги нет и браги.

Смелый приступ не хуже победы.

Волка бояться, так и в лес не ходить.

Была не была; что будет, то будет; а будет то, что Бог даст.

Будет так будет; а не будет, так что-нибудь да будет⁶.

Проступает в этих пословицах и мотив горестного, но, вопреки очевидной беде, поруганию и гибели, внутренне победительного отчаяния и отваги:

Двух смертей не видать, а одной не миновать.

Семь бед – один ответ.

Либо пан, либо пропал.

Либо сена клоч, либо вилы в бок.

Либо полковник, либо покойник.

Тонуть, так в море, а не в поганой луже.

И лишь в одном пословицном тексте проявляется иной, прямо противоположный (коннотативно снижающий сам феномен риска) акцент:

Рискнул, да и закаялся (зарёкся)⁷.

Очевидно, что приведённые и близкие к ним пословицно-поговорочные структуры («не рискуя, не добудешь», «кто ничем не рискует, тот ничего не получает», «кто в бою не рискует, по тому и орден не тоскует», «нет дела без риска» и т. п.) концентрированно отражают важные свойства русского национального характера. Речь о внутренней психологической установке на авось, о самоотверженной готовности биться об заклад, не жалея живота своего, о склонности действовать, опираясь на интуицию, вопреки услужливым и досаждающим подсказкам рассудка, расчёта, здравого смысла.

Эти же и подобные им устойчивые речевые конструкции претворяются в сюжеты и мотивы известных словесно-художественных текстов русской словесности, определяют их нравственно-поэтический пафос, характер их героев. Вспомним Германна из «Пиковой дамы» и Пугачева из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина, Печорина и Вулича из «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова, запорожских казаков из «Тараса Бульбы» Н. В. Гоголя и др.

Ф. М. Достоевский в романе «Игрок» (1866) представляет в едва ли не исчерпывающем, концентрированном виде русскую философию рисков.

Сочувственно выписанный главный герой – рассказчик Алексей Иванович, «заграничный

русский», соединяет в себе азарт и риск, ищет бурных запредельных эмоций, играет в рулетку на грани фола, «привык всё ставить на карту»⁸. Сам автор объяснит его в письме от 18 (30) сентября 1863 г. Н. Н. Страхову: «...потребность риска и облагораживает его в глазах самого себя» (399).

Алексею Ивановичу свойственна привычка действовать «открыто и нараспашку» (216). Наблюдая игру многих иностранцев, он думает про себя: «...мне показалось, что собственно расчёт довольно мало значит и вовсе не имеет той важности, которую ему придают многие игроки. Они сидят с разграфлёнными бумажками, замечают удары, считают, выводят шансы, рассчитывают, наконец ставят и – проигрывают точно так же, как и мы, простые смертные, играющие без расчёту» (223). Характерно отчётливое уравнивание в правах предусмотрительности и азарта, хитроумной логики и простодушной интуиции, чёткого расчёта и вольного риска.

Когда герою Достоевского начинает везти в игре, умиротворяющее благоразумие явно оставляет его, упрямо берёт верх страсть к предельно острому переживанию: «Тут бы мне и отойти, но во мне родилось какое-то странное ощущение, какой-то вызов судьбе, какое-то желание дать ей щелчок, выставить ей язык. Я поставил самую большую полноценную ставку, в четыре тысячи гульденов, и проиграл» (224). Удел Алексея Ивановича – вступать в спор с тупой и зловредной фортуной.

В финале герою снова светит удача, и он признаётся: «Я убежден, что тут наполовину было самолюбия; мне хотелось удивить зрителей безумным риском, и – о странное ощущение – я помню отчётливо, что мною вдруг действительно без всякого вызова самолюбия овладела ужасная жажда риску. Может быть, перейдя через столько ощущений, душа не насыщается, а только раздражается ими и требует ощущений ещё, и всё сильней и сильней, до окончательного утомления» (294). Ненасытное, невероятное упорное и горделивое желание идти наперекор рассудку!

В споре с французом о том, умеют или не умеют русские по-настоящему успешно играть в рулетку, Алексей Иванович запальчиво замечает: «А по моему мнению, рулетка только и создана для русских» (317).

Позже герой Достоевского вновь вернётся к своей мысли и подтвердит: «Рулетка – это игра по преимуществу русская». И уточняя свою мысль, рассказчик добавляет: «А русский не только не способен приобрести капиталы, но даже и расточает их как-то зря и безобразно» (317).

И дальше, в желании дойти до самой сути, герой предлагает такое противоречивое объяснительное рассуждение: «...нам, русским, деньги тоже нужны, <...> а следовательно, мы очень рады и очень падки на такие способы, как например рулетки, где можно разбогатеть вдруг, в два часа, не трудясь. Это нас очень прельщает; а так как

мы и играем зря, без труда, то и проигрываемся!» (225). Неудача – почти что ожидаемое, но всё-таки роковое последствие рискованного и одновременно в высшей степени приятного (дармового) образа действий.

Капитал для нас, а не мы для капитала созданы, – убежден русский «игрок»: «...я уж лучше хочу дебоширить по-русски или разжигаться на рулетке»; «Мне деньги нужны для меня самого, а я не считаю всего себя чем-то необходимым и придаточным к капиталу». И знаменательный, как это часто бывает у Достоевского, сам себе противословящий финал этого горделивого мыслительного ряда: «Я знаю, что я ужасно наврал, но пусть оно так и будет. Таковы мои убеждения» (226).

Немного позже появляется пронзительно откровенное признание, которое является апофеозом русского риска: «Странное дело, я ещё не выиграл, но поступаю, чувствую и мыслю, как богач, и не могу представлять себя иначе» (239). Тут всё перевернуто с точки зрения достопочтенного здравого смысла и всё по-своему странно упорядочено.

Подобным же образом размышляет и действует семидесятипятилетняя бабушка, помещица и московская барыня Антонида Васильевна Тарасевичева, внезапно объявившаяся в сюжете романа и обуреваемая бешеным игровым азартом: «Волка бояться – в лес не ходить. Что? Проиграл? Ставь ещё!» (263). Шанс, куш, нетерпение, несдержанность, ярость, решимость, досада, отчаяние – слова-понятия, сопутствующие игровым рискам в романе Достоевского.

Сплошная цепь рисков в мире автора «Игрока»: риск в поведении, риск в намерениях, риск в самооценках, рискованные повороты в откровенных рассуждениях.

Важно, наверное, понять, что риск в русской национально-культурной рефлексии – прежде всего, сложная, не поддающаяся чёткой рациональной расчленённости совокупность «противочувствий» (Л. С. Выготский), знак бессмысленной и безнадежной лихости и неукротимой, целеустремлённой энергии и силы.

Риск для русских – и бесшабашное «авось», и победительное «ураааа!». Это и проклятая бездна, пожирающая самые неистовые человеческие устремления и порывы, и достойное самоуважения, горделивое, духоподъёмное состояние, и сама себе вожденная цель, достигаемая отважным, захватывающим самоотречением.

Ощущать риск – оторопело и внешне беспечно предчувствовать приближающуюся и настаивающую нас опасность-беду (а вдруг всё само собой развеется и сгинет?! а вдруг всё-таки не случится!? вдруг получится!) и предельно концентрировать, аккумулировать волевые напряжения («Есть ли ещё порох в пороховницах?», «Не Москва ль за нами!»), связанные с непременным одолением уже подступившей и в полную силу обрушившейся на нас опасности.

И есть несомненный резон в нынешнем обильном употреблении этого понятия исподволь иметь в виду и различать-угадывать его (издавна близкие нам) семантические корни.

Причём впрямую, явно и отчётливо эта связь прежних смыслов с современными разнонаправленными профессионально-терминологическими представлениями о рисках чаще всего не прослеживается, но может, главным образом, присутствовать скрыто и неосознанно. Вовсе не исключено, что связь эта в состоянии рефлекторно, подсознательно проступать в самом процессе жизненно важных отношений, забот, действий, экспериментов, требующих сосредоточения и проявления огромной физической и интеллектуальной энергии.

Отблески и отголоски традиционного понимания рисков могут обнаруживаться и чаще всего непредусмотренно проявляются:

– в психологически трудных ситуациях ответственного выбора («что чему предпочесть? И так плохо, и эдак нехорошо!», «кто знает, где правда зарыта?!»);

– в многочисленных действиях наудачу («сложно сказать! ну да ладно! что будет, то будет! была не была!», «не впервой! где наша не пропадала! как-нибудь прорвёмся!»);

– в отношениях специалистов разного профиля к неожиданным обнаружениям аномалий в постижении своего предмета, объекта, материала, к непредусмотренным ситуациям и положениям, к неустойчивым системам, чреватым рисками.

Тем более важно помнить об укорененном в повседневной отечественной филологической культуре и практике смысловом диапазоне понятия «риск» и производных от него. Речь идёт о возможности и даже необходимости поправок (порой весьма существенных) на вероятные субъективные факторы, возникающие (в работе,

в политике, в быту, в личной жизни и т. д.) по ходу осмысления внезапных, незапланированных отклонений от ожидаемого и прогнозируемого. Наша непосредственная реакция на риски может быть понята в сложном ореоле эмоционально-экспрессивных значений, предопределённых давними и по-прежнему актуальными национально-культурными традициями.

Примечания

- 1 Теория нечетких множеств, создавшая новые возможности для математического моделирования человеческого мышления, сложных гуманитарных систем, была разработана в середине 1960-х гг. выдающимся американским математиком азербайджанского происхождения Лютфи Рахим Али Аскер оглы Заде (Лютфи Заде).
- 2 Познер В. Прощание с иллюзиями. М., 2012. С. 163.
- 3 См.: Бобров С. Из магнитофонной записи его беседы с В. Д. Дувакиным // Осип и Надежда Мандельштамы. М., 2002. С. 201–202.
- 4 Прозоров В. «Обычай мудрости храня...» О ТЮЗе Киселёва. М., 2000. С. 23–24.
- 5 Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1980. Т. 1. С. 96.
- 6 Ср. рассуждения помещика Бориса Борисовича Симеонова-Пищика в действии первом комедии А. П. Чехова «Вишнёвый сад» (1903): «Не теряю никогда надежды. Вот, думаю, уж всё пропало, погиб, ан глядь, – железная дорога по моей земле прошла, и ... мне заплатили. А там, глядь, ещё чего-нибудь случится не сегодня-завтра...»
- 7 См.: Даль В. И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа : в 2 т. СПб., 1997. Т. 1. С. 221–224.
- 8 Достоевский Ф. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 5. С. 302. Далее все ссылки даются на это издание с указанием страниц тексте.

УДК [070:351.751.5](470+571)]18

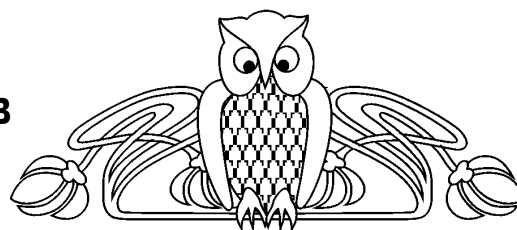
ФАКТОРЫ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И РИСКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХ ЖУРНАЛИСТОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

А. А. Демченко

Саратовский государственный университет
E-mail: adema4@yandex.ru

Рассматриваются обстоятельства работы журналистов, создающие ситуации неопределенности и риска в их профессиональной деятельности: вмешательство цензуры, взаимоотношения с цензорами и другими представителями власти. Уделено внимание попыткам журналистов воздействовать на ход подготовки цензурного устава 1862 г.

Ключевые слова: журналистика, статья, цензор, надзор, власть, риск, иносказания, реформа, общественное мнение, архив.

Factors of Ambiguity and Risk in the Professional Activity of Russian Journalists in the Second Part of XIX Century

A. A. Demchenko

The article considers the conditions of the journalists' work which form the situations of ambiguity and risk in their professional activity: the interference of censorship, relationships with censors and other authority representatives. The attention is given to the journalists' attempts to influence the process of preparation of Censorial Regulations of 1862.

Key words: periodicals, article, censor, supervision, power, risk, allegory, reform, public opinion, archives.

В каждую из эпох русской государственности укоренившаяся мысль о журналистике как выразителе общественного мнения получала свое преломление в зависимости от условий существования книжно-журнального дела. С середины XIX в., как и в предыдущие десятилетия, эти условия определялись состоянием цензуры, олицетворявшей самодержавную власть. Судьба публикации кристаллизовалась в сложных взаимоотношениях автора, издателя, цензуры и читателя. Всякого рода отклонения от официоза создавали для автора с его произведениями ситуации неопределенности и риска. Монаршая характеристика А. Н. Радищева «бунтовщик хуже Пугачева», поставившая печатное слово в параллель с опасениями ниспровержения существующих государственных порядков, с XVIII в. подспудно определяла положение русского литератора в его соприкосновениях с властями.

Приставленные к литературе государственные чины всегда тщательно следили за состоянием журналистики, вполне осознавая ее роль в сфере общественной деятельности. Показательна, например, оценка состояния и значения периодической печати министром народного просвещения А. В. Головниным, известным своею близостью к либеральным идеям¹, в записке, доложенной Совету министров 26 февраля 1862 г. (Александр II представлено 1 марта). По данным министерства, в России числилось 280 contemporaneous изданий, из которых 16, по заверению министра, «более или менее имеют влияние на общество» – это ««Московские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русский инвалид», «Северная пчела», «Petersburger Zeitung», «Библиотека для чтения», «Современник», «Отечественные записки», «Русский вестник», «Наше Время», «Время» «Сын Отечества», «Русское слово», «День» и даже иногда «Иллюстрация» и «Искра»». На русском языке издавалось 234 журнала и газеты, у газет было около 10 тыс. подписчиков, «если журнал имеет 6 или 7 т. подписчиков, то полагается, что он идет очень хорошо», и, подытоживая министр, «число читателей уже вообще незначительно и не превосходит несколько сот тысяч». Отсюда следовал вывод: «Наши журналы и газеты еще не могут иметь того огромного влияния, которое составляет их силу в других государствах, где они являются властью, которую правительства должны принимать в расчет при своих действиях», хотя и у нас «в так называемом образованном обществе они имеют влияние преимущественно на молодых людей, которые редко обсуждают справедливость или неосновательность воззрений, встречаемых ими в печати». По заверению автора доклада, «число главных писателей в наших влиятельных журналах и газетах доходит до 50», однако «страсть к чтению развивается во всех слоях общества и особенно в народе весьма быстро, и не пройдет 10 лет, когда число читателей увеличится весьма

значительно», и «тогда мы увидим настоящую силу и независимость журналов»².

Приведем свидетельство еще одного крупного административного деятеля, причастного к решению многих государственных, а также и общественных вопросов. Речь идет о князе А. А. Суворове, внуке полководца³, члене Государственного совета, генерал-губернаторе Санкт-Петербурга в 1861–1866 гг., пользовавшемся дружеским расположением Александра II и популярностью в передовых литературных кругах, поскольку «проводил политику доброты и умерения строгости закона и произвола администрации»⁴. В апреле 1862 г. из канцелярии А. А. Суворова поступила в адрес министерства народного просвещения просьба о безвозмездной передаче ряда журналов и газет. Просьбе предшествовала обращающая на себя внимание характеристика влияния журналистики на современную жизнь: «...Русская литература сделалась до такой степени уже деятельным и полезным органом общественной жизни, что ни одно из ее заявлений о нуждах и потребностях общества не должно быть оставляемо без внимания в том убеждении, что Правительство при основательной критике литературных мнений и отзывов всегда извлечет из них положительную пользу»⁵. Бумагу министр А. В. Головнин переадресовал председателю С.-Петербургского цензурного комитета Н. В. Медему, и тот заручился согласием 17 редакторов за их личной подписью от 10 апреля 1862 г.⁶

В приведенной выше записке А. В. Головнина⁷ указывалось на неудовлетворительность существующих цензурных правил, излишней строгостью вынуждавших журналистов говорить «условным языком, и читатель, – со знанием дела утверждал министр, – весьма хорошо понимал то, чего не видела одна цензура. Сильное стеснение свободы изощряло способность говорить иносказательно и в то же время озлобляло писателей»⁸.

Заявление высшего чиновника о реакции журналистов на «сильное стеснение свободы» подтверждается примерами из истории журналов.

Правительственные преобразования цензуры в сторону ее ужесточения начались в 1860 г., расшатывая и без того неустойчивую основу авторской независимости и затрагивая, таким образом, жизненные интересы русских журналистов. Во «Всеподданнейшей докладной записке» от 9 января этого года тогдашнего министра народного просвещения Е. П. Ковалевского говорилось: «Быстрое распространение в последнее время произведений литературы, особенно периодических изданий, и замечаемые в них уклонения обратили на себя особое внимание Вашего Императорского Величества, вследствие чего благоугодно было Вам Высочайше повелеть мне представить соображения об усилении наблюдения за книгопечатанием в России»⁹.

Хорошо осведомленный И. С. Тургенев писал А. А. Фету в феврале 1860 г.: «Цензурные здесь

дела нехороши: ветер опять задул с севера»¹⁰. Одного из начинающих сотрудников И. И. Панаев предупреждал в самом начале шестидесятых годов о предстоящей «страшной борьбе» с цензорами, они «не только вычеркивают из учебников имена великих людей, республиканцев Рима и Греции, но не позволяют даже писать в поваренных книгах о тех кушаньях, которые следует приготовить в вольном духе»¹¹.

От возросшей с 1860 г. придирчивости Главного управления цензуры не было застраховано ни одно периодическое издание, а не только передовые журналы «Современник» и «Русское слово», которым исследователи истории русской литературы обычно уделяют основное внимание¹². При этом предупреждения и выговоры получали не только литераторы, но и наблюдающие за ними цензоры, оказывавшиеся, таким образом, затянутыми в ту же паутину неопределенности и риска. Таково неизбежное следствие нелепо сложившихся отношений участников создания печатного слова в условиях его несвободы.

В марте 1860 г. «Московским ведомостям» было отказано в помещении статьи М. Е. Салтыкова-Щедрина «Скрежет зубовный» с общим заключением – «за описание злоупотреблений помещицкой власти». 24 марта член Главного управления цензуры А. А. Берте сформулировал содержание запрета: «Тем более в настоящее время нельзя предавать гласности действия помещиков, когда разрешение крестьянского вопроса требует строгой осторожности со стороны цензуры». Другой член Главного управления цензуры Н. А. Муханов дополнил: «Так как в ней излагается не разрешенное еще уголовное дело и обнародовываются важные злоупотребления, не доказанные доселе по суду»¹³. В том же марте 1860 г. И. В. Вернадский получил предупреждение за напечатание в своем «Экономическом указателе» (№ 166) в рубрике «Открытые вопросы» следующей фразы: «Почему то, что признается преступлением в Париже, имеет силу закона в Петербурге?». Н. А. Муханов заметил цензору журнала А. Ярославцеву, что «подобного вопроса, выражающего некоторое порицание законодательства нашего, не следовало цензуре пропускать»¹⁴. В августе за напечатание в «Северной пчеле» (№ 172) статьи, в которой по поводу итальянских событий «рассуждается о том, что старые династии не могут усвоить новых идей и потребностей, и в доказательство сего приводятся факты из истории Англии и Франции», тот же Н. А. Муханов объявил цензору Е. Е. Волкову «строжайший выговор за настоящее его упущение», а редактору последовало предостережение о запрещении издания, если здесь «впредь будут помещаемы подобные предосудительные статьи»¹⁵. Редактор «Русского инвалида» П. С. Лебедев в октябре обратился с письмом в высшее цензурное ведомство «о безвыходном положении, в которое поставлены в настоящее время ежедневные периодические

издания вследствие распоряжений цензуры»¹⁶. Даже Н. Ф. Павлову, ревностному пропагандисту официоза, в апреле того же 1860 г. пришлось пожаловаться на неоправданное запрещение Московским цензурным комитетом статьи К. Арсеньева «Обличительная литература и ее обязанность» на основании «недопущения к печати суждений, касающихся гласности судопроизводства и обличительной литературы». По духу и направлению своему, как справедливо уверял редактор «Нашего времени», эта статья «ни в каком случае не может быть признана неблагонамеренною». Однако член Главного управления А. Г. Тройницкий, хотя и был уверен в безусловной благонамеренности газеты Н. Ф. Павлова, подтвердил 7 мая 1860 г. правильность замечания комитета. Статью он все же разрешил к печати, но лишь с условием изменения некоторых мест. Теперь судопроизводство названо не «гласным», а «улучшенным», во фразе «газеты и журналы *добросовестно и верно* обсуждали действия лиц» выделенные слова заменены на «подробно»¹⁷. Вскоре Н. Ф. Павлов написал официальную жалобу на пристрастные замечания Московского цензурного комитета и в особенности цензора Я. Прибиля, который, к примеру, «вместо «присутствие разума» поставил «рациональность». Прилагательное «разумные», почему-то особенно ему неприятное, – продолжал Н. Ф. Павлов, – он вычеркнул во всех местах статьи». К тому же Я. Прибиль задерживал корректуры, возвращая их часто ночью, уже накануне выхода номера, и с помарками, «которые, – жаловался редактор, – человеческий ум не в состоянии предвидеть», «газета моя не представляет ничего анархического, ничего, за что можно бы было наслать на нее такое божеское наказание». Поначалу Главное управление нашло делаемые Я. Прибилем исправления «маловажными»: в них «нельзя не признать особенного стеснения». Однако предложение председателя Московского цензурного комитета М. П. Щербинина цензурировать статьи «Нашего времени» в Петербурге, а не в Москве Главным управлением было отклонено¹⁸. Один из летних выпусков «Нашего времени» содержал редакционное примечание, явно намекающее на цензурные затруднения: «Этот номер газеты не вышел в свое время по причинам, от редакции не зависящим»¹⁹. Протесты Н. Ф. Павлова, последовавшие в марте 1861 г., и вовсе оставлены без последствий, действия же Московского цензурного комитета признаны «правильными»²⁰. Я. Прибиль оставался цензором «Нашего времени» и в 1861, и в следующем году.

В октябре 1860 г. после неоднократных замечаний «за упущения» цензор А. Ярославцев, наблюдавший за «Русским словом», был уволен, редактору же объявлено, что журнал «неминуемо подвергнется запрещению»²¹.

В августе 1860 г. Н. Г. Чернышевский писал Н. А. Добролюбову о «цензурной невзгоде», «гонении» на «Современник». Имелось в виду также,

насколько определенность положения журнала зависит от личных качеств цензора. «Думаем переменить цензора, – сообщал он три месяца спустя, подразумевая Ф. И. Рахманинова, приставленного к журналу с весны 1860 г.²². – Рахманинов воображает себя порядочным человеком, но он глупая скотина. Напрасно Вы с Некрасовым защищали его прежде <...> Толкуют, что Медема²³ хотят сменить, потому что уж сами видят чрезмерность его глупостей. Посмотрим, сменят ли, а кем бы ни заменили, хуже не будет». С января 1861 г. цензором «Современника» вновь стал В. Н. Бекетов, «потому для нас гораздо легче прежнего, – писал Н. Г. Чернышевский Н. А. Добролюбову. – Но вообще цензурное положение – прежнее»²⁴.

Член Главного управления цензуры барон Н. В. Медем был назначен председателем С.-Петербургского цензурного комитета 25 января 1860 г.²⁵ Время его правления вошло в историю русской литературы как одно из самых мрачных, и особенно доставалось от него «Современнику». 20 января 1861 г. Н. В. Медем разработал подробную инструкцию для своих подопечных, касающуюся политических отделов журналов. Наставление открывалось следующим безапелляционным заявлением: «Что в нашей журналистике преобладает направление предосудительное, в особенности по предметам политическим, в том не может быть сомнения», и, убежден автор, «нужно было бы возвратиться к самым строгим цензурным постановлениям, какие когда-либо существовали», а именно «нужно было бы не только запретить всякие рассуждения о либеральных мыслях и всякие объяснения политического устройства европейских государств, но не допускать даже сообщения большей части заграничных происшествий»²⁶.

Последствия сказались незамедлительно. Например, в марте 1861 г. редактор «Экономического указателя» И. В. Вернадский в официальной записке высказал недовольство цензурными запрещениями или изменениями, «делающими почти невозможным дальнейшее издание специального журнала без искажения направления и без нарушения обещаний, данных публике редакцией с дозволения правительства». Его просьбу восстановить перечисленные им места статей оставили без внимания²⁷. Редактор «Военного сборника» вспоминал, как в 1861 г. цензор К. С. Оберт в статье «Очерк вооруженных сил Швейцарии» «всюду слово конституция заменил словом положение», а в другой статье «вычеркнул описание политического устройства Дании, без чего не имело смысла и описание вооруженных сил Дании, между тем политическое устройство Дании свободно рассказывалось во всех учебниках географии»²⁸.

Свод многостраничных записок А. А. Берте и Н. В. Медема пополнился еще одним документом, составленным членом Главного управления цензуры О. Пржецлавским 22 октября 1861 г. Смысл его предложений сводился к тому, чтобы в какой-то

мере снять с цензоров ответственность за пропуск статей, определявших направление журнала. Это направление «в разных видах и под неуловимыми формами будет беспрестанно прокрадываться в печати помимо всей тщательности самых даже опытных цензоров», – уверял он. По его мнению, суждение о направлении периодического издания, рассматриваемого «не в отдельных выпусках, а за целые периоды времени», должно выноситься только членами Главного управления²⁹. Ограничение полномочий цензоров не получило практического применения.

Надежды журналистики на послабление цензуры получили яркое выражение в особой коллективной записке московских и петербургских литераторов³⁰. Она не была поддержана в высших сферах. Однако нельзя сказать, чтобы воплощенные в записке предложения к переменам не имели никакого резонанса. Пусть косвенно, но она содействовала движению в цензурном ведомстве. Своеобразным дополнением к записке можно считать опубликование в «Современнике» двух статей – П. П. Пекарского «Журналистика во Франции до первой революции» (1861. № 3, 5) и А. Н. Пыпина «Новые исследования о французской литературе XVIII века» (1861. № 9, 12). Первая представляла собой краткое изложение пятитомного труда Е. Гатэна «История политической литературы и французской прессы». И хотя П. П. Пекарский сетовал, что автор скуп «на данные для знакомства с направлением и образом мыслей редакторов и издателей разных журналов», тем не менее, провел заключение, что «во Франции журналистика успела привиться к нравам целой нации до такой степени, что журнал уже считается общественной потребностью, как насущный хлеб, без которого обойтись нет возможности»³¹. Прослежена полная драматизма журналистская судьба адвоката Линге, настроенного радикально по отношению к монархии. В тон П. П. Пекарскому А. Н. Пыпин также отметил, что «некоторые из идей, выработанных французской литературой того времени, приобрели такое значение для целой европейской жизни, что даже для нас, – которые дальше всех стояли от этого движения, – они часто имеют характер нашего собственного опыта»³².

Осознавая назревшую неизбежность пересмотра цензурных установлений, новоназначенный министр народного просвещения А. В. Головнин в своем докладе от 26 февраля 1862 г. выдвинул предложения, определявшие, в сущности, судьбу журналистики и, соответственно, литераторов-журналистов на годы. В основу была положена идея замены существующей предупредительной цензуры цензурой карательной. Несмотря на пугающее название, дело шло к известному смягчению требований. В отношении к литературе, по мысли министра, назначались цензурные действия, чтобы «мерами, слишком строгими, не обратить ее в учреждение правительственное, а ее деятелей в правительственных агентов, но оставить вы-

ражением мыслей и желаний, существующих в обществе, лишив только лиц злонамеренных возможности употреблять печатное слово как орудие для нанесения вреда и государственному устройству, и частным лицам»³³.

«Карательный» характер цензуры выражался в создании системы наказаний, осуществляемых не исключительно цензурой, а через особый комитет, «от правительства и по выбору от литераторов», в обязанности которого входило бы судебное разбирательство всех конфликтных случаев, возбуждаемых цензурой или журналистами.

Непосредственным предшественником этой идеи выступил бывший министр народного просвещения граф Е. В. Путятин в записке «О средствах к более успешному достижению цели учреждения цензуры» (ноябрь 1861 г.). Карательные предложения сводились к взиманию денежного залога и штрафов с издателей и журналистов³⁴.

Заменив Главное управление цензуры «Комиссией по делам книгопечатания», император возложил верховное цензурное наблюдение на министерство внутренних дел, а за министерством народного просвещения оставил исполнение общей цензуры. Председателю комиссии Д. А. Оболенскому предоставили право «приглашать к участию в занятиях гг. литераторов и редакторов периодических изданий», и вопросы, «по коим признано будет полезным знать подробно разные мнения гг. писателей», разрешено предлагать на обсуждение в журналах, дабы «приготовить общественное мнение к правильному разумению силы и значения новой системы законодательства о книгопечатании»³⁵.

Журналы живо откликнулись на эти решения. Материалы появившихся публикаций пока мало исследованы. И хотя они не меняют уже известных общих выводов, однако сообщение подробностей и деталей обсуждения переломной страницы в истории русской журналистики существенно расширяет представление о том воодушевлении, которое охватило журнальных деятелей в их стремлении наконец преодолеть вьезшую в плоть и кровь абсолютную зависимость от всевластной цензуры. Рассмотрим отклики трех ведущих столичных журналов – «Современника», «Библиотеки для чтения» и «Отечественных записок»³⁶.

В «Современнике» выступили Н. Л. Тиблен, Н. Г. Чернышевский, П. П. Пекарский и А. Н. Пыпин. Статьи первых трех помещены в одном номере журнала (1862. № 3) и были немедленно «оценены» цензорами. Стражи печати нашли в них значительные «цензурные упущения», и 30 апреля 1862 г. министр внутренних дел направил секретное предписание за № 52 министру народного просвещения с подробным разбором связанных по содержанию статей Н. Л. Тиблена «По делу о преобразовании цензуры (Письмо в редакцию)», Н. Г. Чернышевского «Французские законы по делам книгопечатания» и

П. П. Пекарского «Журналистика во Франции во время консульства и империи». В первой статье внимание цензурных церберов задержалось на рассуждении «об освобождении от всякой ответственности авторов по довольно странному предположению, – пишет П. А. Валуев, – что они во время сочинения логическою последовательностью мысли могут быть увлечены за пределы, указанные распоряжением правительства». Цензором уловлено не самое главное из аргументации Н. Л. Тиблена, но суть дела изложена верно: автор вел к мысли о предоставлении печати полной свободы.

О статье Н. Г. Чернышевского читаем: «После чрезвычайно натянутой попытки доказать, что книгопечатание, как и всякое другое ремесло, может вообще обойтись без специальных законов и управляться одними общими, автор находит, что для государств, где эта специальность признавалась бы нужною, французское законодательство представляет самый полный пример». Затем, указывая цензор, в статье цитируются тексты важнейших постановлений во Франции о печати с 1814 г. и составляется «ряд комментариев, довольно искусно подобранных к основной мысли автора, заключающейся в том, что каждому из различных правлений Франции (кроме Республики, когда не было цензуры) общественное мнение было противно, что к каждому из них большинство народа питало враждебное чувство и что поэтому каждое имело необходимость стеснять все более и более выражение общественной мысли. Прийдя к этому общему выводу, – писал цензор, – автор оправдывается, что не будет разбирать теперь вопрос, до какой степени нужны были бы у нас специальные законы по делам печати, и оканчивает так: мы опасаемся, что добросовестное исследование привело бы к ответу: да, они нужны». Разбор статьи Н. Г. Чернышевского завершается достаточно проницательным замечанием: «По соображении этого с предыдущим заключением вытекает само собою, и ответ на вопрос, почему автор так думает, очень прост, именно, что цензура нужна у нас для того, чтобы не давать высказываться общественному мнению, неблагоприятному будто бы для правительства».

В статье П. П. Пекарского «подробно и в резких чертах описаны меры, которые принимал Наполеон I к подавлению всякого выражения общественной мысли, высказана безуспешность этих мер и пагубные их последствия для него же самого».

Все три статьи, заключал П. А. Валуев, «взаимно объясняются и дополняются», «сопоставление их в одном номере не есть дело случайности». Изложенные в них факты французской истории «весьма близко подходят к современным обстоятельствам России», и они возбуждают в читателе «чувства неудовольствия и дух порицания прямо противу наших правительственных действий, <...> если не выражения, то мысль и направление

означенных статей противны ныне действующим цензурным постановлениям».

Министр народного просвещения приказал напечатать текст валуевского документа (состоялось 9 мая 1862 г.) и сообщить его «гг. цензорам к руководству и прочесть оное гг. редакторам журналов и газет»³⁷.

В статье Н. Л. Тиблена основным посылом служит убеждение: «Цензура есть не естественное, а искусственное явление государственной жизни». Рассуждения о взаимоотношениях власти и литератора в условиях «карательной» цензуры подводят читателя к выводу, что существенных изменений в судьбе автора не произойдет, что карательные меры – наложенный штраф, запрещение печатать или арест – ведут к одному результату: «литература и наука лишаются одного деятеля; правительство, постоянно заботящееся о развитии просвещения в государстве, одного из своих помощников <...>. Если же деятельность таких лиц часто и неожиданно прекращается по распоряжению правительства, то преемники их, очень понятно, вперед уже обещают себя на риск, который несут»³⁸.

Из статьи П. П. Пекарского для нашей темы важно привести процитированное им письмо 1809 г. известного французского общественного деятеля Фелье: «Никогда государь не имел такой настоятельной потребности знать общественное мнение, как в настоящую минуту; никогда также и писатель не имел нужды в неустрашимости, чтобы высказать это мнение <...> Все газеты теперь на один лад, потому что всемогущая рука полиции одинаково дает себя чувствовать всем, потому что нападает страх равно на всех, кто сотрудничает в журналах <...> Огорчаясь, что управление общественным мнением вверено таким людям, которые более всего опасались его, почему только и старались о том, чтобы души его, я вперед видел, что им удастся убить это мнение в книгах и журналах, но что они не в состоянии будут понять, что тем самым оно скорее будет расположено к восстанию против правительства»³⁹.

Несмотря на строгое предупреждение от 9 мая 1862 г., последовавшее после ознакомления редакторов газет и журналов с валуевскими выговорами «Современнику», в этом журнале спустя всего полгода появляется статья А. Н. Пыпина «Процессы о печати в Австрии», в которой напрямую выражена преемственность с осужденной цензурой статьей Н. Г. Чернышевского «Французские законы по делам книгопечатания»: «Эти законы именно послужили образцами для многих других законодательств, имеющих теперь силу в разных государствах Западной Европы»⁴⁰.

Несмотря на цензурный окрик, Н. Л. Тиблен и А. Н. Пыпин продолжили публикацию своих мнений, однако выводя журнал из зоны риска. Статья Н. Л. Тиблена «Несколько слов по поводу «Заметки», помещенной в октябрьской книжке «Русского вестника» за 1862 г., встраивается в полемику, которую «Русский вестник» воинственно

вел против «нигилистов», якобы возглавляемых «Современником». Чтобы не навлечь на свой журнал цензурного гнева, Н. Л. Тиблен осторожен в оценке обсуждаемой реформы в книгопечатании, включая ее в ряд преобразований, начавшихся после отмены крепостного права в судостроительстве и судопроизводстве, в создании земских учреждений, в полиции, в податной системе и т. д. И лишь позволил себе заметить, что само общество вполне способно позаботиться о печатном слове, которое до сих пор находилось под покровительством цензуры «в снисходительном ограждении его от разного рода излишеств». Н. Л. Тиблен искусно обыгрывает соглашательскую позицию «Русского вестника». Говоря о литературе, до такой степени приучившей публику «читать между строками, что не было темного намека, который оставался бы для нее тайною, не было полуслова, которого она не прочла бы всеми буквами», автор, иронизируя, приводит примеры из «Русского вестника»: «Прохаживался ли, например, “Русский вестник” насчет Австрии – публика знала, что это хоть и не опечатка, однако нечто вроде опечатки; восхвалял ли “Русский вестник” австрийского министра Брука – публика понимала, что это значит: посмотрим, дескать, что-то у нас делается... Одна цензура ничего не понимала». Автор статьи готов порадоваться вместе с «Русским вестником» и его публицистом С. С. Громекой скорой победе над иносказанием, которое придавало интерес и силу одним нигилистам. «Будем ожидать», – язвительно заключает свою статью Н. Л. Тиблен⁴¹.

Завершая статью «Процессы печати в Австрии», А. Н. Пыпин рассматривает шумевший процесс издания «Народных листов», и на фоне критики австрийских порядков, при которых «журналы действительно исполняют только то, что им было положительно разрешено и дозволено»⁴², обсуждаемые в России новые правила книгопечатания выглядят некоей положительной стороной, по крайней мере, в их намерениях.

Одновременно с «Современником» в 1862 г. с большой статьей «О преобразовании цензурного управления» выступил в «Библиотеке для чтения» С. Н. Челищев. Он не разделяет высказанного в «Нашем времени» Н. А. Мельгуновым мнения, будто «свобода печати у нас еще долго будет оставаться невозможной или, лучше сказать, не осуществится на деле». Если дела печати будут рассматриваться судом, то, полагает С. Н. Челищев, «печать будет свободна». Предлагаемая правительством мера «поднимет уровень литературы и заставит литераторов смотреть на свое занятие более серьезным образом»⁴³.

Позицию «Библиотеки для чтения» подкрепила статья Д. Ф. Щеглова «Временные правила по делам книгопечатания». Автор рассматривает большинство объявленных положений и в каждом находит черты, позволяющие сделать вывод, сформулированный однажды применительно к одному из них: «Это правило дает литературе

возможность деятельным образом содействовать движению здорового прогресса». Критические замечания касались лишь мелких подробностей. Детального комментирования удостоено лишь второе правило – «не допускать к печати сочинений и статей, излагающих вредные учения социализма и коммунизма, клонящиеся к потрясению или ниспровержению существующего порядка и к водворению анархии» – «Мы вполне признаем рациональность этого правила по духу и содержанию», но разъяснению подверглось отличие социализма как политико-экономического понятия от собственно политического его содержания⁴⁴.

Нельзя отказать в дельности разбору вводимых правил постоянного в то время сотрудника «Библиотеки для чтения» Е. Ф. Зарина в статье «Печатные льготы по “Проекту устава о книгопечатании”». Постоянный оппонент Н. Г. Чернышевского и направления «Современника» в целом, он отставил в сторону полемические задания, предлагая всерьез задуматься над содержанием правительственной инициативы, к которой, как это видно по всему, он отнесся в целом негативно. Его недоумение вызвал, прежде всего, факт разделения цензурных полномочий между министерством народного просвещения, традиционно ответственным в цензурных делах, но которому оставлено лишь исполнение общей цензуры, и министерством внутренних дел, теперь ответственным за верховное цензурное наблюдение. Наверное, резонно замечает Е. Ф. Зарин, нужно ждать нового проекта от полицейского министерства, однако, убежден публицист, для этого министра «задача неразрешимая. Цензура может быть, а может не быть, но существовать немножко она не может». Развивая эту мысль, Е. Ф. Зарин справедливо утверждал: «Как скоро есть цензура, так цензоры непременно пользуются неограниченной властью. Как скоро эта власть ограничена какой-нибудь легальной, действительной гарантией в пользу писателя, цензуры больше нет; по крайней мере, она становится одною стеснительной формальностью, без всякой внутренней силы, пятым колесом в карете. Уменьшение цензорского и вообще цензурного произвола невозможно; он может быть – или полным или сполна уничтоженным <...>. Литературе может быть увольнение от цензуры или сейчас, или она может быть оставлена в том самом положении, в котором находится теперь, вплоть до осуществления общей судебной реформы». «Комиссия по делам книгопечатания» во главе со статс-секретарем князем Д. А. Оболенским (ее членом от цензуры был тайный советник В. А. Цез), по довольно резкой оценке Е. Ф. Зарина, «не нашла искомой середины. Она имела всю добрую волю доставить литературе некоторые льготы, не освобождая ее вполне от предварительной цензуры. Но так как при цензуре невозможны совершенно никакие льготы, то литература в случае утверждения проекта не только оставалась бы без

всяких льгот, но и очутилась бы в более неблагоприятном положении, чем есть». «Комиссия», «хотя бы намеками», но обязана была пояснить, от чего журналисты «должны воздерживаться, чтобы не подвести своих журналов под запрещение». Между тем «Комиссия» озабочена лишь пресечением пропаганды вредного направления: «Но что такое вредное направление? Для этого вопроса не существует решения; даже не существует исходной точки». «Наша “Комиссия” очень часто ссылается на Англию», однако в других странах, справедливо подмечает автор, «законодательства составлены при обстоятельствах, совершенно не похожих на наши»⁴⁵.

Пример Франции или Англии казался «Отечественным запискам» ошибочным, и сотрудник журнала В. Д. Скарятин отдавал предпочтение Италии в двух больших статьях 1862 г. – «Об изменении цензурного устава» и «Заметки о суде над печатью в Тоскане. Из воспоминаний об Италии». Утверждая, вопреки «Современнику», что «во Франции все основано на штыке», автор убежден: «Правительство наше предпринимает реформу добровольно, по собственной инициативе. Оно, по-видимому, желает дать правильную форму пробуждающейся инициативе самого общества, а потому мы не можем прибегнуть к той форме суда над печатью, которая существует во Франции. Там такой суд сделался горестною необходимостью вследствие неспособности общества отстояться от революционеров». Новые правила несут «истинно-охранительное начало». Важно лишь, чтобы правительство сначала провело судебную реформу⁴⁶, ввело бы суд присяжных над печатью, какой существует, например, в Италии, поскольку, полагал небезосновательно В. Д. Скарятин, «приговоры над печатью тогда только пользуются нравственным авторитетом, когда их произносит само общество в лице своих присяжных»⁴⁷. Нельзя не видеть, что автор явно идеализировал результаты реформы, и впоследствии оказалось, что поврежденная печать с введением карательной цензуры в итоге очутилась в положении едва ли менее неблагоприятном, чем существовала при цензуре предварительной.

Рассмотренные материалы в известной мере раскрывают состояние отечественной периодики и журналистов различной идейной направленности, но, тем не менее, объединенных общим стремлением так или иначе с опорой на общественную поддержку выразить свое представление о создании условий, смягчающих цензурные пути, которые долгие годы держали всех в заисимом положении и происходящих от этого неуверенности и напряженности. Власти в России фатально не умели наладить диалог с обществом и представляющей ее интересами журналистикой, опасаясь ее разрушительной силы. Между тем, по словам Н. Г. Чернышевского в письме к генерал-губернатору А. А. Суворову в конце 1861 г.⁴⁸, большинство журналистов настаивает на «отменении цензуры», которая «не имеет достаточных осно-

ваний при настоящих стремлениях правительства и при чувствах, которые порождаются в обществе этими стремлениями». «Цензура, принося вред обществу, – утверждал Н. Г. Чернышевский, – приносит еще более вреда правительству», и каково бы ни было ее назначение, «она не достигает и ни в каком случае не может достичь своего назначения. <...> Отменение цензуры требуется выгодою самого правительства», и, основываясь на этом, русские литераторы сами способны создать учреждения, которые «могли бы действительнее, нежели цензура, оградить те интересы, охранение которых вверено цензуре, но не достигается ею»⁴⁹. Правительство было неспособно прислушаться к такого рода рекомендациям, ввергнув журналистов и все дело книгопечатания в дальнейшую конфронтацию с государством, чреватую новыми ситуациями неопределенности и риска.

Примечания

- 1 См.: *Стафёрова Е. А. В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 годов)*. М., 2007. А. В. Головнин возглавлял министерство в 1861–1866 гг.
- 2 ЦГИА СПб. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. № 5977. Л. 1–4.
- 3 См.: *Галенко Б. Семья и потомки Суворова : Биографии ближайших родственников и потомков полководца*. СПб., 2002.
- 4 Воспоминания проф. И. Е. Андреевского. Князь Александр Аркадьевич Суворов // *Русская старина*. 1882. № 3. С. 836.
- 5 ЦГИА СПб. Ф. 777. Оп. 2. № 55. Л. 1.
- 6 Эти имена приводим в архивном перечне : А. Старчевский («Сын Отества»), П. Усов («Северная пчела»), А. Очкин («Очерки»), Ф. Мейер («St. Petersburg Zeitung»), А. Гиероглифов («Русский мир»), Г. Елисеев («Век»), Н. Степанов («Искра»), В. Тимм («Русский художественный листок»), А. Погосский («Солдатская беседа»), А. Краевский («Отечественные записки»), Н. Чернышевский («Современник»), М. Достоевский («Время»), И. Калиновский («Светоч»), А. Писемский («Библиотека для чтения»), Г. Благовестов («Русское слово»), В. Белозерский («Основы»), Н. Калачев («Архив историко-юридических сведений о России») (Там же. Л. 2, 6).
- 7 См. также: *Сорокин Вл. Воспоминания старого студента // Русская старина*. 1906. № 11. С. 449.
- 8 ЦГИА СПб. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. № 5977. Л. 5.
- 9 Там же. № 5084. Л. 1.
- 10 *Тургенев И.* Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. М. ; Л., 1960–1968. Т. IV. Письма. С. 37.
- 11 Из воспоминаний Григория Дмитриевича Щербачева // *Русский архив*. 1891. № 1. С. 61.
- 12 См.: *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбова. Л., 1936 ; *Герасимова Ю.* Из истории русской печати в период революционной ситуации 1850 – начала 1860-х гг. М., 1974 ; *История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. проф. А. В. Запалова*. 3-е изд. М., 1973 ; *Есин Б.* История русской журналистики (1703–1917) : учеб.-метод. комплект. М., 2000 ; *Громова Л.* История русской журналистики 18–19 века. СПб., 2003.
- 13 ЦГИА СПб. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. № 5210. Л. 1–4. Впервые «Скрежет зубовный» был напечатан за подписью «Н. Щедрин» в журнале «Современник» (1860. № 1. Отд. I. С. 377–408), ценз. разр. – 21 января. Вероятно, автор пытался напечатать не вошедшие в эту публикацию части, изображающие помещиков. В комментариях к Собранию сочинений этот факт освещения не получил (см.: *Салтыков-Щедрин М.* Собр. соч. : в 20 т. М., 1965. Т. 3. С. 614–615).
- 14 ЦГИА СПб. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. № 5201. Л. 14.
- 15 Там же. № 5391. Л. 1.
- 16 Там же. № 5471. Л. 1.
- 17 Там же. № 5272. Л. 1, 2, 5, 13.
- 18 Там же. № 5280. Л. 1–9.
- 19 *Наше время*. 1860. № 32.
- 20 См.: ЦГИА СПб. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. № 5561. Л. 14.
- 21 Там же. № 5425. Л. 5 об., 8.
- 22 Прежде Ф. И. Рахманинов служил редактором отделения Департамента министерства юстиции. Перемещение его на цензорскую должность состоялось 15 января 1860 г. (ЦГИАЛ. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. № 5073. Л. 5 об.).
- 23 По докладной записке от 1 марта 1860 г. членов Главного управления цензуры А. А. Берге, А. Г. Тройницкого и А. В. Никитенко о распределении между ними периодических изданий для наблюдения за их цензурованием журналы были расписаны следующим образом: А. А. Берге – «Современник», «Библиотека для чтения», «Военный сборник», «Сын Отечества», «Иллюстрация»; А. Г. Тройницкий – «Русский вестник», «Московские ведомости»; А. В. Никитенко – «Русское слово», «Светоч», «Отечественные записки», «С.-Петербургские ведомости», «Искра», «Наше время», «Солдатская беседа» (ЦГИАЛ. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. № 5117).
- 24 *Чернышевский Н.* Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1939–1953. Т. XIV. С. 405, 415, 421.
- 25 Первоначально на эту должность тогдашний министр народного просвещения прочил И. А. Гончарова, но Александр II 14 января 1860 г. утвердил не его, а Н. В. Медема (ЦГИАЛ. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. № 5084). Он имел чин генерал-лейтенанта (с 1845 года), служил председателем военного цензурного комитета (Там же. № 5792).
- 26 ЦГИАЛ. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. № 5571. Л. 1.
- 27 Там же. № 5607. Л. 1–4.
- 28 *Записки Петра Кононовича Менькова : в 3 т.* СПб., 1898. Т. 2. С. 300.
- 29 ЦГИАЛ. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. № 5835. Л. 8–9.
- 30 См.: *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ. СПб., 1904. С. 59–82.
- 31 *Современник*. 1861. № 3. Отд. I. С. 139.
- 32 Там же. № 9. Отд. I. С. 50.
- 33 ЦГИАЛ. Ф. 772. Оп. 1. Ч. II. № 5977. Л. 27 об.–28.
- 34 См.: *Герасимова Ю.* Из истории русской печати в период революционной ситуации 1850 – начала 1860-х гг. М., 1974. С. 121.
- 35 *С.-Петербургские ведомости*. 1862. № 55. С. 243.

- ³⁶ См. также: Мнения разных лиц о преобразовании цензуры. СПб., 1862.
³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 773. Оп. 1. № 96. Л. 1–13.
³⁸ Современник. 1862. № 3. Отд. I. С. 60–61, 64.
³⁹ Там же. С. 200–201.
⁴⁰ Там же. 1863. № 1. Отд. II. С. 413.
⁴¹ Там же. С. 1, 2.
⁴² Там же. 1863. № 4. Отд. II. С. 591.
⁴³ Библиотека для чтения. 1862. № 3. Современная летопись. С. 84, 98.

- ⁴⁴ Там же. 1862. № 6. Современная летопись. С. 215, 223–225.
⁴⁵ Там же. 1863. № 2. Современная летопись. С. 69–71, 79–80, 91.
⁴⁶ Отечественные записки. 1862. № 4. Современная хроника. С. 205–206, 212–213, 215
⁴⁷ Там же. 1862. № 6. Отд. 1. С. 439.
⁴⁸ См.: Чернышевский Н. Указ. соч. Т. I. С. 850.
⁴⁹ Там же. С. 720–721.

УДК 821.111.09-311.6+929 [Мантел+Кромвель]

ОЦЕНЩИК РИСКОВ: ОБРАЗ ТОМАСА КРОМВЕЛЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ХИЛАРИ МАНТЕЛ

И. В. Кабанова

Саратовский государственный университет
E-mail: ivk77@hotmail.com

Образ Томаса Кромвеля в исторической прозе Хилари Мантел рассматривается как воплощение идеи рационального контроля социальных рисков. Выявляется эволюция образа от ценностей становящейся буржуазии в сторону ценностей феодальных. Анализируется художественное мастерство Мантел-психолога.

Ключевые слова: Хилари Мантел, Томас Кромвель, исторический роман, абсолютизм, буржуазное сознание, риск.

«An Eye for Risk»: Thomas Cromwell in Hilary Mantel's historical novels

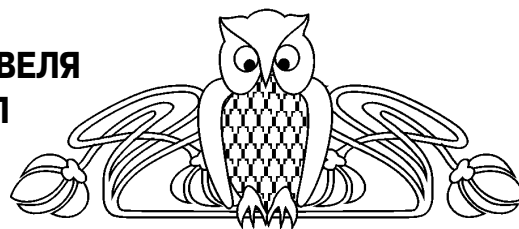
I. V. Kabanova

The figure of Thomas Cromwell in the first two parts of Hilary Mantel's trilogy is seen as the embodiment of the idea of efficient risk control. Cromwell's evolution from the value system of the rising bourgeoisie towards old feudal ways is traced; Mantel's mastery in psychological characterization analyzed.

Key words: Hilary Mantel, Thomas Cromwell, historical novel, absolutism, bourgeoisie, risk.

Две первых части трилогии Хилари Мантел (род. в 1952 г.) о Томасе Кромвеле удостоились Букеровской премии соответственно 2009 и 2012 гг. Третья часть, «Зеркало и свет» («The Mirror and the Light»), должна появиться в 2014 г. Это не первое обращение английской романистки к жанру исторического романа: «Более безопасное место» («A Place of Greater Safety», 1992), ее пятая по счету книга, была посвящена Великой французской революции. Романы писательницы на современном материале получали высокие оценки рецензентов, но мировое признание пришло к ней, когда она обратилась к истории Томаса Кромвеля, первого министра короля Генриха VIII Тюдора.

Критика не скупится на восторженные похвалы мастерству Мантел. Первая часть трилогии, «Волчий зал» («Wolf Hall», 2009), получила множество литературных премий, права на перевод проданы более чем в 30 странах мира. Современ-

ный читатель, залпом проглатывающий книгу в 600 страниц и требующий продолжения, – это само по себе из ряда вон выходящее явление.

Присуждение второго Букера подряд второму роману, пока не переведенному на русский язык, «Подать тела» («Bring Up the Bodies», 2012), вознесло Мантел на вершину современной английской литературы. Председатель жюри сэра Питер Стотхард на вручении премии сказал: «Мы очень горды тем, что читаем на английском языке в то время, когда она на нем пишет. За последние годы я не знаю ни одного другого писателя, который столь совершенно контролировал бы то, что он делает, подобно певцу или пианисту»¹. Мантел стала первой женщиной, получившей две Букеровские премии, что удавалось только двум живым классикам – южноафриканцу Дж. М. Кутзее и австралийцу Питеру Кэри.

История «Тюдоровской революции» – отпадения Англии из-под власти католической церкви в 1530-х гг., экспроприация монастырей в пользу короны, скандальная драма короля Генриха VIII, сменившего шесть жен в попытке обзавестись наследником престола, – хорошо знакома современной публике прежде всего по телесериалам. Секретарь короля Томас Кромвель (1485? – 1540) традиционно предстает в историографии и английской литературе как главный злодей английской Реформации, ответственный за казнь Томаса Мора и епископа Фишера, Анны Болейн, за разгон монахов, как беспринципный слуга безнравственного монарха. Таким он обрисован в трилогии Ф. М. Форда «Пятая королева» (1906–1908), а в драме Роберта Болта «Человек на все времена» (1960; экранизация 1966) Кромвель уже в перечне действующих лиц заявлен как «интеллектуальный головорез», чье «самоумнение способно породить ужасные преступления во имя эффективного действия», и по ходу пьесы он раскрывается как

«шакал с острыми зубами»², главный антагонист и губитель положительного героя, «человека на все времена», великого ренессансного гуманиста сэра Томаса Мора. Но та же участь, смерть на эшафоте, постигла через пять лет и самого Кромвеля. Казненный без суда в день бракосочетания Генриха VIII с его пятой женой Кэтрин Говард, Кромвель был принесен в жертву недовольству знати возвышением простолюдина, недовольству народа его реформами, обиде короля на своего доверенного советника, неудачно устроившего его предыдущий брак с Анной Клевской. Отрубленная голова первого министра еще долго была выставлена на Лондонском мосту. «Историки могут спорить относительно его моральных качеств и его исторической роли, но никто не может усомниться в том, что эта фигура завораживает. У нас в стране нет памятника Кромвелю, и я стараюсь соорудить его из бумаги»³, – говорит Мантел.

Писательница расширяет наши представления о возможностях исторического романа: ее фабула в той или иной мере заранее известна каждому читателю, искажения исторических фактов в романе минимальны. Поэтому принципиальную важность приобретает то, как повествование конструирует мотивы поведения персонажей, систему их взаимосвязей, насколько убедительно воссоздается внутренний мир героев, то, что их интеллектуальные и эмоциональные структуры, их системы ценностей говорят читателю о человеческой природе вообще. По словам самой писательницы, обычно в исторических романах задача показа эпохи решается за счет облегченной, двумерной характеристики героев; сама же она не видит причин для такого компромисса между задачами историка и психолога и применяет к историческому жанру весь арсенал средств, апробированных в ее романах на современной тематике. Выступая на Эдинбургском фестивале 2011 г., Мантел сказала, что ее задачей было перенести читателя «в то время, в то пространство, сделать его членом свиты Генриха VIII. Важно было не судить с точки зрения будущего, с высоты XXI века, когда нам известно, чем все это закончилось. Важно было быть с ними на той охоте в Вулф-Холле, двигаться вперед с той же неполной информацией, с ложными ожиданиями, но двигаться вперед, в будущее, которое никоим образом не предопределено, которое будет зависеть от случая, от риска»⁴.

До завершения публикации трилогии представляется затруднительным отдать должное мастерству Мантел в построении общего сюжета. Ритм трилогии задают три сцены исторических казней: «Волчий зал» завершается известием о казни Томаса Мора, в финале романа «Подать тела»⁵ специально приглашенный французский палач мечом отсекает голову королеве Анне Болейн, и Кромвель оплачивает выставленный палачом счет на солидную по тем временам сумму в 23 фунта; финал третьего романа известен – это

три удара топора, которые потребовались юному английскому ученику палача, чтобы обезглавить Томаса Кромвеля. Оба опубликованных романа предваряются списком действующих лиц (расхождения между ними минимальны); основные герои переходят из романа в роман, их судьбы пересекаются по воле автора путями, которые не описаны в работах историков.

«Волчий зал» открывается словами «А ну вставай!», которые пьяный отец, кузнец и содержатель трактира в лондонском пригороде Патни, рычит над едва ползущим в грязи и собственной крови пятнадцатилетним сыном; ярость отца удваивается, когда он разбивает башмаки о сыновнюю башку. «Вставай», или «поднимайся» – в контексте всей трилогии это своего рода отцовский наказ сыну: «поднимайся выше по общественной лестнице, так высоко, как только сможешь». Этот мотив стойкости, подъема на ноги после удара судьбы сопровождает образ Кромвеля. Так, после его единственной болезни весной 1535 г.: «Он возвращается в мир. Сбей его с ног – и он встанет. Смерть пришла с инспекцией, смерила его, дохнула в лицо и ушла»⁶. История Кромвеля – это история головокружительного подъема и страшного падения. А пока, чтобы отец не забил его до смерти, подросток убегает из дому, и в следующей главе повествование продолжается после 27-летнего перерыва, когда Томас Кромвель уже преуспевающий лондонский юрист и поверенный в делах лорда-канцлера кардинала Вулси, любящий супруг достойной купеческой дочки, отец троих детей. 27-летний временной промежуток в повествовании понемногу заполняется воспоминаниями Кромвеля, его комментированием тех слухов, что о нем ходят, его снами, в которых прошлое причудливо сочетается с настоящим.

Прошлое героя таит сюрпризы для него самого, сюрпризы, тщательно замаскированные до поры до времени, но заботливо подготовленные автором. Например, на основании его грубой внешности, непроницаемости, окружающих его слухов многие воспринимают Кромвеля как убийцу, и в разговоре с кардиналом Вулси Кромвель признает, что в юности, служа наемником во французском войске, он убивал не только в бою. Но убийство – это ремесло солдата, и совесть не мучит Кромвеля; да, у него внешность убийцы, и ему приходилось убивать, но сам он себя убийцей не признает. Во второй книге трилогии уже никто не осмеливается задавать Кромвелю вопросы о его прошлом, но чем больше он наживает себе врагов, тем более тщательно изучению они подвергают его прошлое. Один из этих врагов, епископ Уинчестерский Стивен Гардинер, бросает в лицо Кромвелю факты, которые он то ли вытеснил из памяти, то ли никогда не знал. В открывающей трилогию сцене, когда отец смертным боем бьет сына, герой ощущает только боль и удивление, что еще жив. Это избивание повествование представляет как обычное поведение Уолтера Кромвеля,

известного драчуна, часто конфликтующего с законом. Когда замужняя сестра выхаживает Томаса, он мельком вспоминает о «позавчерашней драке, и там, вроде, был нож. Пырнули не его, значит, это он кого-то пырнул?»⁷. Тридцать с лишним лет спустя Кромвель узнает, что отец заплатил отступного родителям паренька, которого он, Томас, тогда убил в драке, и усматривает в этом проявление отцовской любви. Это открытие заставляет его переосмыслить видение самого себя: «А во что еще ты верил, верил без всякого основания? Его отец Уолтер выложил за него деньги, или так утверждает Гардинер; компенсацию за нанесенный им удар ножичком, плату семье пострадавшего. А что, думает он, если Уолтер меня не ненавидел? Может, он просто не мог больше меня терпеть и потому пинал меня по всему двору пивоварни? Может, я это заслужил? Потому что я всегда твердил: я могу выпить больше, чем ты; я поумней тебя буду; я хозяин Патни и отколочу любого хоть в Уимблдоне, хоть в Мортлейке, порежу на куски; я уже на дюйм тебя выше, погляди на зарубку на двери, поди, отец, встань-ка к стенке»⁸.

Иллюзорная полнота и действительная неполнота нашего знания о мире, ненадежность информации, на основе которой принимаются решения, риски, связанные с действием на основе неполного знания, – это сквозная тема трилогии. Она наглядно выражена в том эпизоде в начале романа «Подать тела», когда во время пребывания двора в Вулф-Холле, поместье Сеймуров, Кромвель смотрит из окна на Генриха, гуляющего в саду с дочерью хозяина. Генрих в этот момент уже тяготится браком с Анной Болейн и только начинает влюбляться в Джейн Сеймур, которая станет его третьей женой. Вот что видит Кромвель: «Рамы маленькие и расшатанные, ему приходится изогнуть шею, чтобы что-то увидеть. <...> Генрих и Джейн прогуливаются внизу. Массивная фигура Генриха и Джейн, маленькая марионетка, ее голова не достает ему до плеча. <...> Вот Джейн скрыл куст. Генрих кивает головой, что-то говорит ей, втолковывает, а он, Кромвель, почесывает подбородок: похоже, у короля стала больше голова? Разве это возможно, в его-то возрасте? Ганс [Ганс Гольбейн] точно бы заметил, думает он, спрошу его, когда вернусь в Лондон. Скорее всего, я ошибаюсь; наверное, дело в стекле. Собираются облака. В стекло ударяет тяжелая капля, он моргает, капля растекается, расплзается, стекает вниз. В поле его зрения вновь возникает Джейн. Ее ладонь лежит на руке Генриха, плотно накрытая сверху его ладонью. Он видит, что рот короля по-прежнему двигается» (35). Кромвель видит момент зарождения страсти короля, но думает при этом о качестве рам в доме Сеймуров и о возможности увеличения головы у взрослых; он воспринимает намного больше того, что осознанно фиксирует. Его карьера и сама жизнь зависят от того, насколько точно он угадает желания короля, пока еще смутные для самого Генриха, насколько

сумеет их осуществить. Он достиг высот власти именно благодаря этому умению понимать с полуслова, угадывать невысказанное, то есть действовать в среде повышенной неопределенности, повышенных рисков.

Читатель «Волчьего зала» и его продолжения воспринимает романский мир через призму сознания протагониста романа, Томаса Кромвеля. Повествование ведется в третьем лице настоящего времени, преобладающая точка зрения совмещает авторский внешний взгляд на героя и его самовосприятие. Человек действия, политик, Кромвель постоянно контролирует, как его воспринимают со стороны; учет оттенков в реакции окружающих, умение подстроиться под эту реакцию определяют его успешность. Это отсутствие спонтанности, высокая степень самоконтроля находят выражение уже в повествовательной форме, когда в несобственно-прямой внутренней речи героя его предпочтительное обозначение для самого себя – «он». Так уже повествовательная форма косвенным образом сигнализирует читателю о важности в романе темы дисциплины, порядка, контроля: контроля человека над окружающими обстоятельствами и людьми, контроля автора над формой произведения. Внутренние миры остальных персонажей романа открыты читателю ровно настолько, насколько они открыты Кромвелю, а они открыты, как правило, насквозь этому большому знатоку человеческих душ. Герой точно оценивает степень искренности аристократов всякий раз, когда они обращаются к нему за помощью, знает, как расценить сплетни слуг и кликушество самозванных пророчиц. Кромвель раздумывает о том, чтобы написать книгу о Генрихе, своего рода пособие о том, как обращаться с королем, потому что ублажать, улещивать короля, незаметно его контролировать – это и есть его главная работа. В большинстве случаев он читает людей, как открытую книгу, но иногда – с Анной Болейн, браку которой он способствовал, с некоторыми другими персонажами, к которым он испытывает антипатию, – понимание приходит задним числом.

Врожденный интеллект, быстрота реакции, внимание к деталям и способность извлекать уроки из любого опыта обеспечивают не просто выживание Кромвеля при исключительно неблагоприятных стартовых условиях, но его превращение на страницах «Волчьего зала» в гуманиста. Мантел наполняет схему облагораживания человека с возрастом исторической конкретикой. Соприкосновение с культурой Флоренции и Венеции в молодости смягчает нрав Кромвеля, делает его предельно терпимым, лично неспособным к насилию; поездки по Европе по делам банкирского дома Фрескобальди, пребывание при папском дворе дают опыт общения с аристократами; уроки кардинала Вулси раскрывают ему глаза на то, в чем заключается истинное благо Англии, и он ставит всего себя на службу идее сильного государства. Автор никоим образом не модерни-

зирует сознание персонажа, а наоборот, укореняет его в изображаемой эпохе. А главной проблемой 1530-х гг. в Англии была судьба династии Тюдоров, с приходом которой в 1485 г. завершился век кровопролитных гражданских войн Ланкастеров и Йорков. Память об этом бедственном времени была еще слишком свежа. Тюдоры означали мир, надежду на процветание; отсутствие законного наследника престола мужского пола виделось современникам как реальная опасность нового витка борьбы между потомками прежних королей, опасность новой гражданской войны. Эти аксиомы для Томаса Кромвеля проговариваются только однажды в каждом романе, но именно ими он руководствуется в своей деятельности. Обеспечить Генриху наследника любой ценой; сделать его самым богатым государем Европы, перенаправив в казну доходы церкви; во внешней политике – всячески отвращать угрозу войн; вытянуть из нищеты бродяг и бедняков, предоставив им работу на строительстве общественных дорог и зданий – вот внешняя рамка политики Кромвеля, направленной на процветание содружества народов под английской короной.

И конечно, в романе на материале английской Реформации существенную роль играют вопросы религии и церкви. Кромвель в романах презирует продажность католической церкви, знаком с учением Лютера, он тайно поддерживает Уильяма Тиндейла, переводчика Библии на английский, скрытно посещает собрания сектантов. Но он полностью лишен любых религиозных предрасудков своей эпохи, да, пожалуй, и веры вообще. Как и его наставник кардинал Вулси, Кромвель использует церковь и религию в политических целях, что автор подчеркивает в истории его взаимоотношений с Томасом Мором.

Мор в «Волчьем зале» выведен, в противоречие с традицией его изображения, не как мученик за правое дело, а как мучитель. Мантел опирается на сохранившиеся в документах глухие слухи о том, что на посту лорда-канцлера, который он занял после падения Вулси в 1529 г., этот ведущий ученый-гуманист, корреспондент Эразма Роттердамского и ортодоксальный католик лично пытал в подвалах своего дома в Челси протестантов, на списки инакомыслящих, отправленных им на костер. Мантел придумывает целую сюжетную линию, связывающую воедино судьбы Мора и Кромвеля. В «Волчьем зале» Мор не помнит, что во время его подготовки к поступлению в Оксфорд, когда он жил в Ламбетском дворце, ему принесли еду и свечи, убирал за ним мальчишка Томас. Это юный Кромвель, время от времени сбегавший от побоев отца к дяде, служившему в Ламбете; зато Кромвель очень хорошо помнит высокомерного подростка, погруженного в книги. Противопоставление книжных принципов и повседневной практики определяет отношения Мора и Кромвеля: «По-прежнему, как я вижу, служите своему иудейскому богу, – замечает сэр Томас

Мор, – я имею в виду, своему идолу Мздоимства». Мор, прославленный на всю Европу ученый, проснувшись, взывает к Господу на латыни, – его же бог вещает стремительным говором рынков; пока Мор бичует себя плеткой, они с Рейфом бегут на Ломбард-стрит узнать сегодняшние обменные курсы» (101–102). Автор заставляет этих двух героев вести в романе самые значимые для обоих споры; они никогда не придут к согласию ни по вопросам религии, ни по вопросам этики, однако они уважают друг друга. Кромвель пытается спасти Мора, разумными аргументами или страхом смерти заставить его подписать присягу, признающую друга Мора Генриха главой английской церкви, но для Мора глава земной церкви только один – папа римский. Многие детали в образе Мора, помимо его кровожадности к протестантам, рисуют его как религиозного фанатика: власяница под одеждой, аскетизм в быту, жестокость по отношению к членам семьи, но Кромвель ценит в нем быстрый разум, образованность и цельность натуры. Кромвель делает все от него зависящее, чтобы о Море просто забыли в Тауэре, дали ему умереть своей смертью, а не подвергли мучительной публичной казни как изменника, однако политические обстоятельства оказываются сильнее. В конце концов, с точки зрения Кромвеля, едва ли найдется более очевидный пример того, как человек сам себя обезглавил. Но любопытно, что всегда столь блестящие у Мантел окончания глав, а именно предпоследняя глава «Волчьего зала», описывающая начало суда над Мором, заканчивается словами: «Он думает: я помнил вас, Томас Мор, а вы меня – нет. Вы даже не заметили, как я подкрался» (639). В образе Кромвеля уже в конце первого романа начинают нарастать черты жестокости. Отсечением головы Томаса Мора в июле 1535 г. заканчивается первая часть трилогии, но Мор выступает незримым собеседником Кромвеля в разговорах, которые он ведет сам с собой и в романе «Подать тела».

Сын кузнеца, наемник, в своих странствиях по Европе выучивший латынь и итальянский, овладевший бухгалтерией и тайнами коммерции, профессиональный юрист, автор важнейших законов, правая рука короля, Кромвель обладает разнообразием талантов и масштабом ренессансной личности. Психологический портрет Кромвеля у Мантел разительно отличен от литературной традиции. Ее герой сеет страх в людях не применением силы, не повышением голоса, а своей непонятностью, закрытостью, своим превосходством в знаниях. Он очень сдержан, рационален, умеет вписаться в любую ситуацию, проявить себя на любом месте. Покидая Англию в пятнадцать лет, он помогает голландским купцам на таможене – и те в ответ приглашают смышленного мальчишку к себе; в дом Фрескобальди во Флоренции он попадает простым слугой, а вскоре поднимается в контору; поначалу поверенный в делах Вулси в его Йоркской епархии, он становится духовным и

политическим наследником кардинала. К сорока годам Кромвель «говорит тихо, но быстро, держится уверенно в любом месте, будь то пристань или парадная зала, кардинальский дворец или придорожный трактир. Может составить контракт, обучить сокола, начертить карту, остановить уличную драку, обставить дом и уболтать присяжных. Умеет к месту процитировать древнего автора, от Платона до Плавта и обратно. Знает современную поэзию, может декламировать ее на итальянском. В трудах дни напролет, первым поднимается с постели и последним ложится. Много зарабатывает и много тратит. Готов биться об заклад по любому поводу» (43).

На самом деле в романах он ни разу не бьется об заклад, потому что его психологическая склонность к риску находит другое удовлетворение. «Как некоторые с первого взгляда оценивают достоинства лошади, так он с первого взгляда оценивает риск. Многие дворяне ему обязаны – не только за посредничество в займах, но и за увеличение доходов с поместий. Дело не в том, чтобы взыскать недоимки с арендаторов; главное – предоставить землевладельцу точную роспись земель, посевов, водных ресурсов, построек; оценить, сколько это все должно приносить, назначить толковых управляющих и одновременно ввести понятную, проверяемую систему учета. Торговцы обращаются к нему за советом, с кем из заграничных партнеров можно иметь дело. Он разбирает арбитражные споры, по большей части коммерческие; его способность вникнуть в факты и вынести быстрое непредвзятое суждение ценится и здесь, и в Антверпене, и в Кале. Если вы с противной стороной согласны хотя бы в том, что не стоит тратить время и деньги на судебную тяжбу, значит, вам к Кромвелю, что обойдется куда дешевле; он часто находит решение, удовлетворяющее обе стороны» (101). Вот его истинное призвание, соединяющее в себе врожденную склонность к авантюре, интеллект и разносторонний жизненный опыт: Кромвель в романе предстает как оценщик рисков, а все остальные его профессии – торговец мануфактурой, банкир, член парламента, законовед, государственный деятель – только производные от этой основной его потребности, разные проявления уникального дара.

Дела и дни Кромвеля в разъездах по стране, в суде и парламенте перечисляются, что придает роману панорамность, но психологическая убедительность создается прежде всего тем, как раскрывается его характер. Два главных пространства, в которых герой пребывает в романе, это его дом в Остин-Фрайарз и королевские резиденции, основное место его работы в качестве советника короля. Два эти пространства противопоставлены друг другу как надежная сфера теплоты, уюта, свободного семейно-дружеского общения и непредсказуемая, таящая опасности сфера лицемерия, игры эгоистических амбиций.

Кромвель у Мантел, в полном соответствии с историческими данными, тяжело переживает смерть от потовой лихорадки жены Лиз, дочерей Энн и Грейс; он ни в чем не давит на единственного сына Грегори, вполне понимая мягкость его натуры, стараясь оградить от наиболее тяжелых зрелищ и переживаний. Современники свидетельствуют о верности Кромвеля в дружбе, о надежности его слова, о сдержанной вежливости манер – все это есть в герое Мантел. По обычаю тех времен, Кромвель воспитывает как родных не только племянников и племянниц, но и многочисленных юношей, которых родители отдают ему в ученье. Он обходится с ними так же, как Вулси обходился с ним, и они начинают понимать его с полуслова, становятся его верными помощниками. В отношениях с женщинами до брака и после смерти Лиз Кромвель скромнен и щедр; он испытывает тоску по семейной жизни, и хотя многие дамы намекают ему, что с удовольствием приняли бы его предложение, он игнорирует их намеки, потому что, по сути дела, женат на государстве. Остин-Фрайарз предстает в романе как остров кипучей созидательной энергии посреди мрачного безликого Лондона: дом постоянно расширяется и перестраивается, в саду высаживаются новые для Англии растения, прибавляются новые слуги, шуты, кошки, собаки; Кромвелю нравится, когда в доме есть маленькие дети, нравится обедать в кругу родных и друзей. Вокруг Остин-Фрайарз вечно суетится толпа просителей и посетителей, заморских купцов и людей искусства, ищущих заказов, просто зевак. Его повар (и друг) Терстон утверждает, что ежедневно они кормят две сотни голодных лондонцев, среди которых повар иногда опознает и вполне состоятельных джентльменов – настолько хороша еда в доме Кромвеля. Милостивый и щедрый хозяин, он готов каждому дать шанс проявить себя, для каждого находит дело. По сути, он создает «дом» по образцу средневековых «домов» родовитых особ: огромное хозяйство зависящих от него людей, связанных между собой переплетенными родственными и дружескими связями, систему клиентелы, работающую на господина, обеспечивающего ее функционирование. И это вызывает негодование со стороны старой знати, чьи дома давно поделили между собой сферы влияния в стране; дом Кромвеля, основанный не на земельной собственности и не на традициях предков, видится им опасным конкурентом. Аристократия из старинных родов не понимает источников процветания Кромвеля и потому распускает слухи о его сделке с дьяволом, сеет вокруг него атмосферу враждебности. Как замечает он сам, люди настроены к нему недружелюбно только до тех пор, пока не повстречаются с ним. При личной встрече его внимательность к собеседнику, кем бы он ни был, скорость понимания, его юмор (который аристократы принимают за наглость), щедрость неизменно завоевывают уважение, если не любовь. Надежная семейная

сфера – источник внутренней силы для Кромвеля, и то, какие раны оставляют в нем утраты, как он поддерживает родных и близких, вызывает в читателе сочувствие и восхищение.

Напротив, пространство двора для героя – чужое пространство, которое надо покорить. Что бы он реально ни делал для двора, от оплаты счетов королевских поставщиков до планирования королевских поездок по стране; как бы ни вникал во все мелочи, проявляя ту же надежность и щедрость, – он остается при дворе чужим. Ни придворные, ни его друг-король не упускают случая напомнить ему о низком происхождении, о том, что его здесь терпят только потому, что он решает все их проблемы. Кромвеля не волнуют эти уколы, поскольку он видит, что по большей части это люди неумные, не справляющиеся с собственными делами и по давнему не способные справиться с делами государственными; он знает, что они на самом деле у него в руках, в долгах, связаны теми услугами, которые только он может им оказать. Но даже когда ему во второй книге трилогии выделяют комнаты во дворце, чтобы он всегда был подле короля, он при первой возможности уступает эти комнаты в чуждом ему пространстве. Несчастье Кромвеля состоит в том, что он живет на сломе эпох: его буржуазная этика автономной свободной личности, которая проявляется в пространстве Остин-Фрайарз, конфликтует с этикой феодально-абсолютистского государства, определяющей жизнь при дворе. В феодальной системе власть государя – это власть помазанника Божия, тогда как роман демонстрирует уже раздвоение власти. Реально Англией у Мантел управляет выходец из низов Кромвель, подсказывающий королю те идеи относительно очередных политических мер, которые спустя неделю король преподносит ему же как свои собственные. Однако Кромвель, прекрасно видя все слабости и вздорность короля, одновременно считает своим долгом потакать им. Он помнит уроки Вулси: король, как большой ребенок, не умеет сдерживать свои желания, не может признать, что бывает в чем-то неправ, виноваты у него всегда другие. Генрих сентиментален, переменчив, и если первый министр не может быстро удовлетворить его желания, горе первому министру. Дело жизни Кромвеля – создание в Англии сильного, стабильного государства – зависит от того, насколько умело он угадывает невысказанные желания короля, от самого факта пребывания Генриха VIII на престоле. А Генрих – элемент феодальной системы власти, в которой статус человека определяет степень близости к физическому телу короля. Этот сакральный статус королевского тела распространяется отчасти и на тех, кто его непосредственно обслуживает. Дворяне из Личной палаты, подающие королю рубашку по утрам, считают себя выше Кромвеля и оскорбляют его в лицо до самого своего конца. Сцены, происходящие в романах при дворе,

разворачиваются при свете свечей или камина, почти никогда при естественном освещении; важнейшие разговоры происходят не в парадных комнатах, а в коридорах, переходах, где кто-то догоняет или подкарауливает героя. В финале романа «Подать тела» пространство дворцовое смыкается с мрачным пространством Тауэра, где в тех самых покоях, что были приготовлены для ее коронации три года назад, ожидает смерти Анна Болейн. Ощущение нехватки воздуха, сумрака, тайны, непрозрачности происходящего – вот особенности символизации придворного пространства у Мантел, и таящиеся в нем для него риски герой чувствует на протяжении всего повествования.

Власть Кромвеля, власть денег, бюрократии, сети осведомителей, власть знания – это власть становящегося типа, рациональная государственная власть Нового времени. Она находится в описываемое время в процессе формирования, вступая в неизбежный конфликт с властью старого типа, феодальной, основанной на вере, традиции, земельной собственности. Кромвель ведет Англию уверенной рукой в желаемом направлении, но может это делать только при условии личного расположения короля, который воплощает старую власть и к тому же известен своей переменчивостью, внушаемостью, подозрительностью. Аристократия только и ждет, когда Кромвель допустит ошибку, когда в отношениях с Генрихом проявит истинную меру своей власти, и тогда узвзвненный король отправит его вслед за его учителем кардиналом Вулси. Власть Кромвеля зиждется не только на тотальном контроле над делами государства, в чем он легко преуспевает. Условие же дружбы с королем, необходимое для осуществления власти государственной, выполнить труднее, оно подвержено непредсказуемым рискам, что Кромвель прекрасно понимает.

Характерен исторически достоверный эпизод, когда во время рыцарского турнира в начале 1536 г. оступившаяся лошадь придавливает короля и Кромвелю сообщают, что король мертв. Кромвель поставил все на Генриха, и его первая мысль при этом известии: «Что сейчас, захватить власть, или воспользоваться моментом, возможно, последним моментом, чтобы бежать: успеть, пока порты не закрыты, и направиться куда? В Германию? Есть ли где владение или государство, в котором его не смогут достать ни папа, ни император, ни новый правитель Англии, кто бы им ни стал? Он никогда не отступал; или раз в жизни, когда ему было семь, перед Уолтером. С тех пор – вперед, только вперед, *en avant!* Колеблется он недолго...» (169). Кромвель спешит из Остин-Фрайарз на турнир, умиряет панику, и в течение двух часов, что король лежит без сознания, пока кругом все лихорадочно прикидывают, кому теперь достанется трон, он обреченно думает: «Будет гражданская война» (172). Он же первым замечает, что король дышит; его возвращение к

жизни выглядит чудом, и не верящий в чудеса Кромвель приписывает его силе своей воли, своего желания, чтобы король жил. Он позже говорит племяннику: «Это был для меня плохой момент. Многие ли могут сказать, как я: “Я человек, чей единственный друг – король Англии”»? Можно подумать, у меня есть все. Но заберите Генриха – и у меня ничего нет» (175). Генриха не заберет смерть, он сам отвернется от Кромвеля в конце трилогии – и это развитие событий готовится уже во втором романе.

В «Волчьем зале» Кромвель выступает союзником Анны Болейн в ее намерении выйти замуж за короля, устраивает его развод с Екатериной Арагонской, двадцать лет состоявшей с Генрихом в законном браке. При этом Кромвель понимает, как рискованно делать ставку на способность индивидуального женского тела произвести на свет здорового мальчика. Вскоре после коронации у Анны рождается Елизавета, будущая великая королева, но девочка Генриху ни к чему, а последующие беременности Анны неудачны. Известие о несчастье с королем на турнире становится причиной очередного выкидыша, и король после трех лет брака окончательно отворачивается от Анны, устремляя свои взоры на молоденькую Джейн Сеймур. Основная задача Кромвеля во второй части трилогии та же, что и в первой, освободить короля от немилой жены для нового брака, только теперь на месте Екатерины – Анна, противник намного более опасный. В отличие от кроткой, домашней Екатерины, Анна погружена в политику и церковные дела, она ведет себя слишком дерзко для женщины ее эпохи, что и предопределяет ее трагический конец.

Дела Ирландии, Шотландии и Уэльса, восстания на Севере, взаимоотношения с Европой, дела церковные в романе «Подать тела» отступают на второй план перед этим центральным сюжетом, в котором, как в зеркале, отражается природа английской государственности описываемой эпохи. И в образе Кромвеля появляются новые, по сравнению с «Волчьим залом», черты. В первом романе Кромвель – воплощение здравого смысла, исключительно способный манипулятор, коррумпированный не более, чем все остальные, способный испытывать, но не демонстрировать, сильные чувства. Читатель питает к нему человеческую симпатию: к его энергии, прямоте, чувству собственного достоинства, к его сдержанной силе. В романе «Подать тела» отношение автора к персонажу меняется.

И здесь Кромвель, как всегда, предугадывает, в сущности формирует, желания своего господина. Это он намечает Джейн Сеймур в качестве будущей королевы, инструктирует ее и ее родных насчет того, как вести себя с королем, всячески способствует тому, чтобы привязанность короля к Джейн крепла. Уже в этом отношении его сюжетная функция закулисного сводника не самая благовидная. Но прежде чем откроется дорога

бессловесной, безликой Джейн, Кромвелю предстоит схватка с Анной, с которой у него уже долгая история взаимоотношений.

Кромвель – единственный мужчина при дворе, на которого не действуют женские чары Анны, он чисто логически анализирует ее арсенал приемов обольщения. Даже когда он был ее вынужденным союзником, оформляя развод Генриха с Екатериной, он находил Анну непомерно алчной, излишне жестокой. С виду их общение всегда было достаточно дружеским, но, по сути, королева – единственный реальный конкурент Кромвеля во влиянии на короля, и между ними идет постоянная схватка за это влияние. Они пристально изучают друг друга, и Кромвель понимает, как много у них общего: «Он всегда высоко ценил стратегические способности Анны. Ни на минуту не верил в ее страстность, в ее естественность. Все, что она делает, просчитано столь же тщательно, как все, что делает он. Он видит, уже в который раз, как умело она пользуется своим горящим взором. Он задает себе вопрос, что может ее напугать» (200). Когда король начинает ухаживать за Джейн Сеймур и Анна объявляет войну Кромвелю, он по-прежнему уважает в ней сильного врага: «Ею можно только восхищаться, говорит он племяннику. Она нападает. Она как змея, чей укус невозможно предсказать» (200). Чтобы одолеть смертельно опасного противника, Кромвель сам должен ударить быстро, непредсказуемо, и в версии Мантел суд над Анной Болейн является не только кульминацией второй книги трилогии, но и удивительным образом сведения воедино множества деталей, до этого момента существовавших в повествовании разрозненно и, казалось бы, самодостаточно.

Четверых молодых дворян, в том числе родного брата Анны, называет ее любовниками и сам признается в том же насмерть перепуганный придворный музыкант Анны. Впрочем, он называет еще столько имен, похоже, перечисляя всех своих знакомых, что Кромвель обрывает его; достаточно. Все четверо, люди из ближайшего окружения короля, заключены в Тауэр, где их поочередно допрашивает Кромвель. Первый – «Нежный Норрис: главный податель королевской подтирки, прядильщик шелковых нитей, паук пауков, черный центр огромной паутины придворного покровительства: что за подтянутый, приятный мужчина, с какой легкостью несет свои сорок лет. Норрис всегда уравновешен, он живое воплощение искусства спрециатуры⁹. Никто никогда не видел его взволнованным. У него вид человека, не столько добившегося успеха, сколько вынужденного с ним смириться. Он равно вежлив с герцогом и с молочницей, по крайней мере до тех пор, пока у него есть зрители. Распорядитель турниров, он бросает копье с таким видом, как будто извиняется, а когда пересчитывает деньги, после моет руки ключевой водой, в которой пла-

вают лепестки роз» (311). Печально, когда такой человек низведен до слез, но Норрис отказывается свидетельствовать против Анны, а попытки по отношению к людям его происхождения незаконны, заявляет он Кромвелю. И тут читатель впервые видит другого Кромвеля: «“Формальности тут не нужны”. Он встает на ноги, ударяет по столу. “Вот ткну два пальца в зенки, и мигом у меня запоешь хоть «Остролист зеленый»”». Он садится и возвращается к прежнему легкому тону. “Поставьте себя на мое место. Люди так и так скажут, что я подверг вас пытке”» (313). Даже после этой вспышки Норрис не утрушен и пытается убедить Кромвеля в своей невинности, до тех пор, пока Кромвель не напоминает ему о придворной интермедии «Кардинал спускается в ад», разыгранной сразу после смерти кардинала Вулси и описанной в первом томе трилогии. В этом спектакле Вулси был представлен в потешном виде, и четверо молодых придворных, наряженных чертями, подхватив его за руки и ноги, весело утаскивали кардинала в ад. Томас Кромвель специально отправился за кулисы посмотреть, кто скрывается под масками чертей. И дал себе слово, что они заплатят. Сейчас, посреди допроса, он напоминает Норрису о его участии в спектакле: «Он видит, что продолжать нет нужды. На лице Норриса возмущение сменяется чистым ужасом. Наконец-то, думает он, у него хватает ума сообразить, что к чему: дело не в какой-то одной обиде, нанесенной год-два назад, а в экстракте из книги скорби, которую он ведет со дня смерти кардинала. Он говорит: “Жизнь всегда сводит счета, Норрис, вы не находите? И, – добавляет мягко, – дело не в одном кардинале. Мне бы хотелось, чтобы вы знали и о моих собственных мотивах”. ... Поймет ли Норрис, если он ему скажет по буквам? Ему нужны виновные. Он нашел виновных. Возможно, они виновны совсем не в том, в чем их обвиняют» (316).

До сих пор в Кромвеле было уважение к закону; что бы он ни предпринимал, все было обставлено в соответствии с буквой закона. Во время процесса Анны Болейн он впервые преступает закон. Долгое ли общение с абсолютным монархом, смертельная ли схватка с королевой сдвигают его от буржуазного к феодальному пониманию закона – но Кромвель отныне ставит себя выше закона, выше человечества, выше сочувствия и превращается на глазах у читателя в существо, выпавшее за пределы человеческого, то есть в чудовище, в монстра. Нельзя сказать, что он испытывает хотя бы сладость мести: «Он встает, собирает свои бумаги: склонив голову, выходит. Генри Норрис: левая рука» (317). Буян и задира Уильям Брертон, левая нога; гордец Джордж Болейн, брат Анны, правая рука; самонадеянный Фрэнсис Уэстон, правая нога.

В романе только одному из тех, кому молва приписывала любовную связь с королевой, удается выйти из Тауэра, и освобождение поэта

Томаса Уайетта обосновывается историей их с Кромвелем отношений: мастер секретарь в свое время обещал отцу Уайетта приглядывать за сыном, и он верен своему слову. Уайетт – один из немногих, к чьим словам Кромвель всерьез прислушивается, общение с ним отзывается в его духовно-философской сфере. Но препровождая поэта в Тауэр, он гарантирует ему жизнь, употребляя образность из своей, кромвелевской сферы коммерческих сделок: «Ты знаешь меня, Уайетт. Я знаю, кто чем владеет, знаю, кто что может себе позволить. И не только в денежном смысле. Я взвесил и оценил твоих врагов. Я знаю, сколько они готовы заплатить и перед какой ценой отступят, и поверь, если в этом деле они переступят черту, я обанкрочу их так, что у них слез не хватит себя оплакать» (332).

В сцене допроса Уайетта в Тауэре развивается тема беззакония и безнравственности суверенной власти, всякий раз полагающей свое сиюминутное мнение или желание высшей истиной. «“Но каковы же улики?” [измен Анны] – настаивает Уайетт. Он улыбается. “Истина стучится в дверь Генриха, одетая в плащ и чепец с вуалью. Он впускает ее, потому что догадывается, что под ними скрыто, ведь пришла не чужая. Томас, я думаю, он всегда знал. Он знает, что если она не изменяла ему телом, то изменяла на словах, если не на деле, то во снах. Он думает, что она никогда его не любила, не уважала, даже когда он бросил весь мир к ее ногам. Он думает, что он никогда не был ей желанен, никогда не удовлетворял ее, и когда они были вместе, она воображала на его месте кого-то другого”» (337). Намерение, мысль, сон, по сути, оруэлловское «мыслепреступление» – вот что вменяется в вину Анне Болейн; прямых доказательств ее неверности, помимо домыслов короля, не существует, и, несмотря на это, юрист Кромвель готовит обвинительное заключение, в котором все слухи, все перетолкованные слова и эпизоды представлены как факты, свидетельствующие о государственной измене.

В последних частях романа «Подать тела» он действует как никогда собранно и энергично, он сам не ожидает, с какой легкостью все у него получится. Одним красивым ударом он избавляется от ставшей ненужной королевы и сводит счеты со своими давними обидчиками, с недругами своего первого покровителя. Созданный им бюрократический аппарат закона Кромвель ставит на службу беззаконной феодальной власти, и тем самым, отведя от себя непосредственную опасность, грозившую ему от Анны в ранге королевы, он не только перекладывает риск прямого столкновения со смертоносными капризами абсолютизма на будущее, но и увеличивает этот риск. Оценщик рисков в финале второго романа трилогии находится на вершине своего могущества, но стратегическая ошибка им уже совершена и может только усугубляться в дальнейшем.

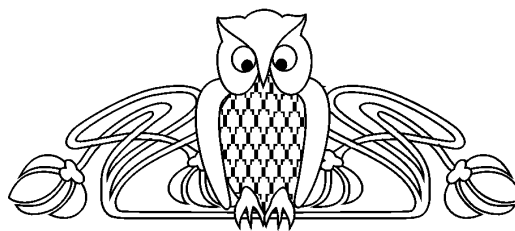
Примечания

- ¹ *Brown M.* Hilary Mantel wins Man Booker prize for second time. URL: <http://www.guardian.co.uk/books/2012/oct/16/hilary-mantel-wins-booker-prize> (дата обращения: 23.10.2012).
- ² *Bolt R.* A Man for All Seasons. URL: http://www.americanidea.org/americanidea.org/Upcoming_Programs_files/A%20Man%20For%20All%20Seasons.pdf (дата обращения: 23.10.2012).
- ³ Цит. по: *Наринская А.* Букер сделал исторический выбор // Коммерсант. 18.10.2012. URL <http://kommersant.ru/doc/2046634/print> (дата обращения: 25.10.2012).
- ⁴ *Higgings Ch.* Hilary Mantel discusses Thomas Crowell's past, presence and future. URL: <http://www.guardian.co.uk/books/2012/aug/15/hilary-mantel-edinburgh-wolf-hall> (дата обращения: 25.10.2012).
- ⁵ Заглавие романа – традиционная формула приказа констеблю Тауэра доставить содержащихся там преступников на суд; обозначая еще живых людей как «тела», словесная формула предвосхищает смертный приговор, в котором могли варьироваться только виды казни.
- ⁶ *Мантел Х.* Волчий зал / пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой и М. Клеветенко. М., 2011. С. 620. В заглавие вынесено название поместья Сеймуров, Вулф-Холл; Кромвель в финале романа только еще планирует остановку двора в Вулф-Холле в ходе предстоящего летнего путешествия по стране. Возможно, заглавие скрывает в себе аллюзию на латинскую поговорку «человек человеку волк».
- ⁷ Там же. С. 22.
- ⁸ *Mantel H.* Bring Up the Bodies. N.Y., 2012. P. 160. В дальнейшем цитируется это издание в переводе автора с указанием страниц в тексте.
- ⁹ Sprezzatura, ит. – много обсуждавшийся в гуманистической среде термин из трактата Бальдассаре Кастильоне «Придворный» («Il Cortegiano», 1528), где в качестве высшего достоинства идеального придворного называется «своего рода раскованность, которая бы скрывала искусство и являла бы то, что делается и говорится, совершаемым без труда и вроде бы без раздумывания. ... истинное искусство то, которое не кажется искусством; и ни на что не нужно употреблять таких стараний, как на то, чтобы его скрыть...» (*Кастильоне Б.* Придворный / пер. О. Ф. Кудрявцева // Сочинения великих итальянцев XVI века. СПб., 2002. С. 212).
- ¹⁰ «Остролист зеленый» – стихотворение *Генриха VIII*, ставшее со временем популярной рождественской песней.

УДК 398.91(470)

МОЛВА В РУССКОЙ ПОСЛОВИЧНО-ПОГОВОРОЧНОЙ ТРАДИЦИИ

Л. А. Ефремычева

Саратовский государственный университет
E-mail: larisa_efr@mail.ru

В статье рассматривается смысловой диапазон понятия «молва» на материале русских пословиц и поговорок, собранных В. И. Далем и И. М. Снегирёвым: анализируются свойства толков, их структура и содержание. Разбираются субъект и объект молвы, а также выявляется связь между понятиями «молва» и «слава».

Ключевые слова: Даль, Снегирёв, пословицы, молва, слава.

Rumours in the Russian Traditional Proverbs and Sayings

L. A. Efremycheva

The article deals with the semantic range of the «rumours» concept based on the Russian proverbs and sayings, collected by V. I. Dal and I. M. Snegiryov: the features, structure and content of rumours are analyzed. The subjects and objects of rumours are investigated. Also the connection between the «rumours» and «fame» is revealed.

Key words: Dal, Snegiryov, proverbs, rumours, fame.

Феномен молвы в произведениях словесности представляет собой интересное, тонкое, разноплановое явление. Ключ к его осмыслению можно подобрать, обращаясь не только к литературоведческому анализу, но и прибегая к исследованиям в области лингвистики, коммуникативистики,

социальной психологии, философии. Богатейший смысловой диапазон понятия «молва» требует особого внимания. Изучая феномен молвы в произведениях Н. В. Гоголя, мы считаем необходимым обращение к пословично-поговорочной традиции XIX в. Народная мудрость приближает нас к пониманию предмета исследования благодаря представлениям о людских толках, метко сформулированных, обобщённых, а главное, имеющих широкое хождение. Важно отталкиваться от рассмотрения понятия «молва», которое бытует в массовом сознании середины и конца XIX в. Именно в это время проявляется широкий интерес к сбору и исследованию русских пословиц и поговорок: «...в начале нынешнего [XIX] столетия события отечественной войны и история Карамзина, пробудившие в обществе чувство народности, усилили стремление к изучению народных произведений»¹.

Исследователи пословично-поговорочных текстов отмечают заключённые в них мудрость и правдивость: в пословицах кроется «вековая правда и непреложная истина, когда одна с обязательной силой указывала человеку необходимому,

должное и возможное, а другая открывала ему действительное и подлинное в жизни»². Другими словами, пословичный корпус языка можно назвать не только коллекцией смыслов, но и руководством к действию. Оценки, отразившиеся в народных изречениях, – та нравственная шкала, которая впитывалась вместе с традициями и обычаями. «По ним можно видеть свойственный народу склад ума, его характер, быт, нравы и обычаи, господствующие понятия о Боге, человеке и природе, одним словом: полный взгляд его на мир и жизнь», – подчёркивал историк литературы А. Д. Галахов³.

Авторитетные сборники В. И. Даля и И. М. Снегирёва, к которым мы обращаемся, помогают сформировать представление об универсальных свойствах молвы и служат надёжным ориентиром в занимающем нас исследовании мотива молвы в художественном творчестве Н. В. Гоголя.

Перспективно рассматривать «молву» сквозь призму пословиц и поговорок. Все три понятия объединяет одно основание – бытование в устной речи. Любопытный факт: И. М. Снегирёв отмечает, что в древности на Руси слово «молва» в значении «говор, разнёсшийся в людях» как раз заменяло слово «пословица»⁴. И уже позже значение расширилось, и понятие «пословица» стало означать «молвится к слову».

Пословично-поговорочный пласт можно назвать одним из проявлений молвы, которое отличается особыми поводами употребления, закреплённой формой и общепользовательным содержанием. Рассмотрим признаки, по которым обнаруживается связь между пословицами и молвой. Прежде всего, можно отметить широкий круг адресантов. Молва актуализирует какую-либо информацию на время стороннего интереса к ней и даёт возможность «продлить» жизнь вести. Пословицы закрепляются временем. Сама формулировка изречения обладает относительным постоянством: «Летучее слово, проникнутое и одухотворенное живущей мыслью, получает самобытность и вековечность»⁵. Стремление к сохранению информации путем её передачи «по цепочке» из уст в уста выказывает связь между молвой и пословицами.

Сближает и естественность бытования в речи. По мысли И. М. Снегирёва, в пословицах «русский ум находит любимый свой простор»⁶. Такой же простор характерен для молвы. Любопытствующее ожидание вестей, включённость в их обсуждение обнаруживают ту лёгкость, с которой рождаются толки.

Пословицы, как и молва в целом, заключают в себе категорию длительного прошлого времени. Через пословично-поговорочную традицию люди «наследуют» ценные выводы своих предшественников, обогащая их и передавая потомкам новые наблюдения. Опору на прошлое подчёркивают обращение к мудрости предков в случае с по-

словицами и актуализация сказанного кем-то до начала разговора в случае с толками.

Остановимся на «молве» как предмете пословиц. И. М. Снегирёв систематизировал материал по алфавитному принципу, а В. И. Даль – по тематическому. В раздел «Молва-слава» сборника Даля попало около 160 пословиц и поговорок. Именно они составят основу нашей работы. Богатый материал рассматривает характер и проявления молвы с разных сторон. Большое внимание народная мудрость уделяет содержанию толков.

Русская пословично-поговорочная традиция рождает богатые, меткие характеристики, осмысливая природу распространения слухов. Толки заполняют пространство, как вода наполняет сосуд. Всеохватность и стремительность распространения молвы – одно из основополагающих её свойств:

Слухом земля полнится. Слово ведуном ходит⁷;

Молва в окно влезет. Молву поветрием носит (Даль, 430);

Ни конному, ни пешему не нагнать, ни царским указом заворотить (вестей) (Даль, 431).

Слово на пути своём не знает преград, а «гневливое слово» доносится в первую очередь:

Хорошее лежит, а худое далеко бежит (Даль, 430);

Гневливое слово пороги не держат (Даль, 430).

Молва использует пространство не только как среду распространения, но и как средство – она обладает удивительной и непредсказуемой способностью искажать пространственные связи, парадоксально сближая удалённые точки:

В Москве к заутрене звонили, а на Вологде звон слышали (Даль, 432);

Иван был в Орде, а Марья вести сказывает (Даль, 431).

Структура слухов может быть представлена наподобие вулкана: от центра – события или героя – волнами расходятся пересуды. Силу «лавы» и её градус определяют и значимость события, и информационная обстановка, и люди, которые станут частью «цепочки толков»:

В городе (В Питере) рубят, по деревьям (по городам) щепки летят (Даль, 430).

Территориальные доминанты, оставшиеся в житейском сознании, доказывают выделение центра – богатого на вести, интересные события и бурную жизнь. В качестве такого центра выступают столичные города или город как понятие обобщённое. Представление о существовании за пределами места, в котором жизнь течёт иным ходом и потому возбуждает любопытство, – одно из распространённых, привычно приводящих «механизм» молвы в действие. Доминанта перемещения раскрывает неустойчивую, изменчивую природу толков:

Приехала баба из города, привезла вестей три короба (Даль, 431);

Харитон с Москвы прибежал с вестями (Даль, 430).

Молва порождает негласное противопоставление того, что происходит «там» и «здесь», «у кого-то» и «у меня». Пространство разделяется неуловимыми границами, а молва сближает мир «других» и мир «своих, себя»:

У вас дрова рубят, а к нам щепки летят (Даль, 430).

Пересуды уничтожают препятствия между людьми, занимающими разное положение в обществе. И так же, как и в случае с изменением пространства, молва трансформирует традиционные отношения:

За глаза и про царя говорят (Даль, 432);

Собака лает, а владыка едет (Даль, 432);

Вольно собаке и на небо лаять (Даль, 432).

Обсуждение вышестоящих лиц говорит о вере в «суд публичный» и нелицеприятный, которая присуща русскому народу⁸.

Большое внимание в пословицах уделяется содержанию слухов. Содержательная сторона молвы отличается разнородностью толков, их подчеркнута необъективным характером и богатой вариативностью тем. Причём личная окраска, которую придаёт сообщениям каждый передатчик, выливается в коллективное формирование содержательного ядра толков. Этот смысловой центр развивается путём добавления информации, изменения отдельных деталей или отказа от них.

Вариативность толков, их субъективность и подвижная структура подчёркиваются целым рядом пословиц:

Из одного места, да не одни вести (Даль, 431);

Пусти уши в люди, всего наслушаешься (Даль, 430).

Интересно, что недостаточная информированность не заглушает расходящихся толков, а только их подкрепляет, выставляя домыслы за правду:

Сторона – борона: чего не знает, то и бает (Даль, 431).

Содержание толков нередко принимает негативную окраску. Антитеза «худое – доброе, хорошее» зачастую ложится в основу изречения на тему молвы:

Про нашего батку много молвы, да мало доброго (Даль, 430);

Бранить – не унять, хвалить – не нанять (Даль, 431).

Дурные вести передаются быстрее, а значит, и интерес к ним проявляется сильнее:

Худые вести всякого вестовщика опереживают (Даль, 430).

Молва связывается в представлении говорящего со сторонней оценкой, обязательной реакцией окружения. Другими словами, молва может выступать в качестве незримого, властного контролёра. Потенциальное распространение слухов вселяет ощущение страха или, по крайней мере, заставляет заранее подумывать о последствиях:

Грех не беда, молва нехороша. Что-то скажут на улице! (Даль, 430).

Русские пословицы подчёркивают особое свойство, которое сопровождает распространение молвы – веру в сказанное. «Свободное течение молвы зиждется на доверии к информации, даже невольном её ожидании...»⁹, – отмечает В. В. Прозоров. Авторитет молвы чаще всего неоспорим:

Это не с ёлки толки (Даль, 430);

Что люди говорят, то и правда (то и сбудется) (Даль, 431).

Обращая внимание на возможные толки, житейская мудрость подчёркивает доверительное отношение – пусть зачастую и слепое – к тому, что «говорят»:

Народ недаром говорит (Даль, 431).

И наряду с этим слепым доверием возникает противоположная характеристика – недоверчивое, даже несколько возмущённое предостережение как ответ на всезнающее «говорят». Несмотря на ощущение уверенного «всезнайства», присущего молве, народная культура порождает немало высказываний, которые учат скептически относиться к толкам:

Говорю людскую честить, отца-мать забыть (арханг.) (Даль, 432);

Больше верь своим очам, а не чужим речам¹⁰;

Чем верить люду мирскому, верить темному лесу (Даль, 431).

Многосоставность, фрагментарность молвы заключается в том, что из ситуации «выхватываются» наиболее интересные, яркие детали, и чаще всего именно они всплывают в памяти при удобном случае:

В лесу рубят, а в мир щепки летят (Даль, 430);

Говоря (речи) чужая, да дума родная (то есть передаёт чужие слова, да не без умысла) (Даль, 431).

Чужие толки – инструмент, подобный стеклу, через которое ты смотришь на мир. И искривление этого стекла, как и его чистота, зависят от чужого восприятия:

Не слыша, слышишь, не видя, видишь (пересуды) (Даль, 431).

Субъект молвы размывается до нечётко множественного, коллективного, собирательного образа и, по сути, превращается в действительное, но явственно не различимое «никто». Ряд пословиц подчёркивают эту особенность слухов – в процессе передачи, разнесения вестей первоисточник теряется. Именно поэтому возникает очень точное метафорическое уподобление молвы силам природы:

Молва, что волна: расходится шумно, а утишится, нет ничего (Даль, 432);

Небыль (Недель), как вода, а быль (дель), как смола (Даль, 432).

Подобные сравнения подчёркивают ещё одну сторону молвы – её масштабность и постепенно (а то и мгновенно) возрастающий, прогрессирующий характер:

Не всё то перенять, что по речке плывет; не всё то переслушать, что люди говорят (Даль, 432);

Выпустишь с воробышка, а вырастет с коро-
вушку (Даль, 432);

Вести по свету несутся с прибавкой, и правду
нередко услышишь с приправкой, а лживый и це-
лую басню составит и басню за быль и неправду
прославит (Снегирёв, 62).

Невообразимые, несообразные, фантасти-
ческие вести, порождаемые народом, занимают
отдельное место в составе молвы и внушают к ней
насмешливое, отчётливо ироническое отношение:

Женится медведь на корове, рак на лягушке
(Даль, 433).

Одновременно с быстрым, массовым распро-
странением молва включает элемент таинственно-
сти и секретности. Исповедальный, доверительный
характер слов первоисточника придаёт толкам
особую задорную привлекательность, создаёт иллюзию причастности другого человека к событиям
или происшествиям, о которых ведутся нескон-
чаемые разговоры. Пословицы предостерегают
от пустословия и недвусмысленно учат заранее
принимать в расчёт, что сказанное тайком может
быстро и бесконтрольно разойтись по людям:

Скажешь с уха на ухо, узнают с угла на угол
(Даль, 431);

Не говори при холопей онуче: онуча онуче
скажет (Даль, 431);

С вестей пошлин не берут (Даль, 431);

На чужой рот пуговицы не нашьёшь (Даль,
431);

Чужой рот не хлев, не затворишь (Даль, 431).

Напряжённая антитеза «свой – чужой» под-
чёркивает отсутствие контроля над слухами.
Появление «чужого» активного мнения приво-
дит к появлению информационного «воздуха»,
пространства, в которое можно вовлечь другого
независимо от его желания:

От языка (молвы) не уйдёшь (Даль, 432);

Говоря про чужих, услышишь и про своих
(Даль, 433).

При этом «чужой», «другой» может рассма-
триваться в качестве противопоставления себе
самому – в значении «не-я». Ответственность за
сказанное легко переложить на размытый, нечёт-
кий источник слухов, а иногда и вовсе безличный
образ говорящего.

Коли люди врут, так и я соврал (Даль, 431);

Правда, так правда, а соврал, так не я (то есть
слышал так) (Даль, 432).

Стоит отметить, что И. М. Снегирёв считает
такое лукавое поведение особенностью русско-
го народа. Он отмечает «склонность и умение
русских прикидываться незнающими – хитрую
простоту»¹¹.

Ещё одна существенная смысловая состав-
ляющая понятия молвы – «бесконтрольность».
Молва – это то, что уходит из-под твоего контроля,
над чем сам ты, её передатчик, уже не властен,
что развивается и саморегулируется по вольным

законам «летучих вестей», которые начинают
непредсказуемо развиваться. Вариантов того, как
трансформируется мысль, множество. В зависи-
мости от новых добровольных субъектов сплетни,
от обстановки её передачи, самого масштаба со-
общаемого и актуальности темы интерес к вестям
будет либо разгораться, либо угасать. Несмотря на
собственное активное вовлечение в пространство
молвы, человек остаётся бессилён перед самим
неконтролируемым явлением:

Ни занять (то есть запереть), ни унять, ни
запрету наложить (о молве) (Даль, 432).

Элемент естественности делает молву не
только привычным, но и жизнеобразующим яв-
лением:

Ветром море колышет, молвою – народ (Даль,
430);

На молву суда нет. Шла молва, и была такова
(Даль, 430).

По самой своей природе толки обладают за-
видной заразительной энергией. Они, как правило,
благодарно поглощаются и вовлекают в свою
орбиту всех желающих. Природный интерес к
новым известиям делает молву удивительно жи-
вучей и долгожданной:

Под вести подводы не надо (Даль, 431).

Молва как естественная оболочка из чужих
разговоров окружает каждого. Появление толков
– негласное условие разнообразного мира обще-
ния, которое необходимо принимать во внимание:

В городе жить, так по городу и слыть (Даль,
431).

Имея в основании новостной подтекст, молва
оказывается всегда к месту, всегда кстати. Она
начинает распространяться и разрастаться среди
тех, кто этих толков подсознательно, втайне ждёт:

Молва (слух, речи, слава) не по лесу ходит,
по людям (Даль, 430);

Молва ходит, говор бродит, на что наткнётся,
тут и приткнётся (Даль, 430).

Любопытно, что, формируя представление
о субъекте молвы, народная мудрость отмечает
особую женскую предрасположенность к сплетни-
честву:

Где утка (то есть баба), тут и мутка (то есть
сплетня) (Даль, 431);

Вольна баба в языке, что чёрт в своей музыке
(Снегирёв, 37).

Уверенные, всезнающие пересуды зачастую
скрывают целую цепочку субъектов, охотно, из уст
в уста передающих «достоверную» информацию:

Хороши пирожки гороховички; я не едал, а
от дедушки слышал, а дедушка видал, как мужик
на рынке едал (Даль, 431).

Психология образования слухов сродни
мыслительному шаблону «я не читал, но скажу».
Слово оказывается шустрее доказательств, а ин-
стинкт молвы – сильнее осмысленного анализа.
Эмоциональный отклик на содержание вестей
может перенестись на того, кто их приносит:

По вестям и гонца встречают (Даль, 432);

Желанные вести – мил гонец. Горькие вести и гонцу не на радость (Даль, 432).

Молва, часто имея характер непререкаемого суждения, вырастает в понятие «славы» о человеке. И тут мы переносимся в биполярный мир «дурного» и «хорошего». Слава носит однозначный характер и представляет собой некую коллективную оценку морального поведения человека. Причём тонкое, подвижное равновесие гораздо легче и быстрее сбить в сторону «дурной» славы:

Дурную славу нажать, как пить попросить; в хорошие люди попасть, не скидерку (стожок) скласть (Даль, 430);

Нет человека, чтоб худая слава не прошла (Даль, 431).

Слава о человеке выступает неперемным мерилом его поведения. Во многих пословицах чувствуется безоговорочное доверие к тому, как воспринимают, как оценивают («славят») другого. И. М. Снегирёв делает акцент на том, что в своих пословицах русские «почитали доброе имя главным отличием жизни человеческой»¹²:

По Савве и слава. Каков Савва, такова ему и слава (Даль, 431);

Каково поживешь, таково и прослывешь (Даль, 431).

Слава неотделима от человека и становится его тенью, очертания которой создаются поступками и их многоречивыми оценками, коллективным сознанием:

От своей славы сам не уйдёшь и людей не упасёшь (Даль, 431).

Сила славы проявляется в её инерционности. Приняв на веру сформировавшееся представление о другом, сложно от него отказаться. Он, словно слепок, застывает в массовом сознании и невольно воскрешается при каждом упоминании о человеке:

Пьяница в церковь, а говорят – в кабак (Даль, 431).

Подводя итог, следует отметить, что в народной традиции молва соотносится с представлениями о простодушном «доверии», осторожной и мудрой «осмотрительности» и непререкаемой «славе». Изречения подчёркивают властную силу и действенность высказанного слова. В народном сознании слово почиталось законом¹³. В связи с этим изречения о молве и славе выливаются в заветы о безусловной ценности молчания.

Больше говорить, больше согрешить (Снегирёв, 20);

Больше слушай, а меньше говори (Снегирёв, 20).

В пословицах и поговорках русского народа молва характеризуется как феномен необратимый, стихийный и всепроникающий. Молва – и желанный, многократно испытанный и надёжный способ непредсказуемого скорого распространения новостей, и одновременно наделённый бесспорным анонимно-собирательным авторитетом, депотически властный общественный судья.

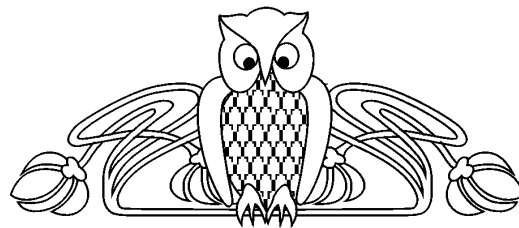
Примечания

- ¹ Порфирьев И. История русской словесности : в 2 ч. Казань, 1870. Ч. 1. С. 19. URL: http://books.google.ru/ebooks/reader?id=M2srAAAAYAAJ&lr=lang_ru&as_br=5&hl=ru&printsec=frontcover&output=reader&pg=GBS.PP9 (дата обращения: 13.04.2012).
- ² Снегирёв И. Русские народные пословицы и притчи. М., 1848. С. 9. URL: <http://books.google.ru/books/reader?id=9oMOAAAIAAAJ&hl=ru&printsec=frontcover&output=reader&pg=GBS.PP1> (дата обращения: 13.04.2012).
- ³ Галахов А. История русской словесности древней и новой. СПб., 1863. С. 25. URL: http://books.google.ru/ebooks/reader?id=L5JTGidK30EC&lr=lang_ru&as_br=5&hl=ru&printsec=frontcover&output=reader&pg=GBS.PA25 (дата обращения: 13.04.2012).
- ⁴ Снегирёв И. Русские народные пословицы и притчи. С. 27.
- ⁵ Там же. С. 10.
- ⁶ Там же. С. 15.
- ⁷ Даль В. Пословицы русского народа. М., 2008. С. 430. Далее пословицы цитируются по этому изданию с указанием в тексте автора и номера страницы.
- ⁸ См.: Снегирёв И. Русские в своих пословицах : рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках. М., 1831. С. 187. URL: http://books.google.ru/books?id=OO7YAAAAMAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 13.04.2012).
- ⁹ Прозоров В. До востребования... : Избранные статьи о литературе и журналистике. Саратов, 2010. С. 154.
- ¹⁰ Снегирёв И. Русские народные пословицы и притчи. С. 20. Далее пословицы цитируются по этому изданию с указанием в тексте автора и номера страницы.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 109.
- ¹³ См.: Снегирёв И. Русские в своих пословицах... С. 174.

УДК 821.161.1.09-14+398.8(470)+929Козлов

ОБРАЗ ВОИНА В ЛИРИКЕ И. И. КОЗЛОВА И ЕЕ НАРОДНО-ПЕСЕННЫХ ВАРИАНТАХ В КОНТЕКСТЕ СТИХОТВОРЕНИЙ О НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙНАХ

А. П. Бышкина

Саратовский государственный университет
E-mail: ann-byshkina@yandex.ru

Статья посвящена выявлению своеобразия батальной лирики И. И. Козлова в контексте стихотворений о Наполеоновских войнах. В частности, внимание сосредоточено на образе воина.

Ключевые слова: Козлов, образ, воин, контекст, фольклор.

The Image of Warrior in I. I. Kozlov's Lyrics and Its Folklore Variants in the Context of Poems about Napoleonic Wars

A. P. Byshkina

The article is devoted to the identification of originality of I. I. Kozlov's battle lyrics in the context of poems on Napoleonic wars. Particular attention is paid to the image of warrior.

Key words: Kozlov, image, warrior, context, folklore.

Период Наполеоновских войн (1800–1814 гг.) оставил в истории Европы неистлевающие страницы. Для русской истории и культуры решающим оказался 1812 г., когда после завоевания практически всего Запада Наполеон двинулся на Москву. Помимо ужасающего разорения, война вызвала сильнейший духовный подъем русского общества. «Тогда слово ОТЕЧЕСТВО и СЛАВА электризовали каждого»¹, – писал А. Бестужев-Марлинский. Кажется, не было ни одного поэта, который бы не откликнулся на эти события своими произведениями в тот год. «В продолжение второй половины 1812 и первой 1813 не только не вышло в свет, но и не написано ни одной страницы, которая не имела бы предметом тогдашних происшествий»². Однако и после войны авторы не остаются безучастными к прошедшим событиям: «... в первые десятилетия после окончания Отечественной войны о ней было написано немало поэтических и прозаических произведений, нередко по своим художественным достоинствам превосходивших созданное непосредственно в годы войны»³.

Несмотря на временную отдаленность событий, на протяжении всех 1820-ых гг. к теме войны вновь и вновь обращаются Ф. Н. Глинка («Судьба Наполеона», 1821), А. А. Дельвиг («Отставной солдат», 1829), Д. В. Давыдов («Партизан», 1826) и другие поэты. В 1830-е гг. к этой теме примкнули и прозаики.

Безусловно, война оставила неизгладимый след в памяти каждого, кто был ее свидетелем и участником. Страшный 1812 г. предопределил

мировоззрение, мироощущение всего поколения, являющегося его свидетелем. В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, К. Н. Батюшков, Д. В. Давыдов и многие другие поэты на протяжении всей своей творческой жизни возвращались к теме войны.

И. И. Козлов в годы Отечественной войны еще не писал стихов, еще не грянула его личная трагедия, когда он потерял зрение. Поэтому будущий поэт-слепец в то время поэтически никак не реагировал на события. В 1812 г. он деятельно участвовал в подготовке московского ополчения, состоял в Комитете для образования московской военной силы⁴. Собираясь защищать Москву, Козлов покинул столицу за три дня до ее взятия. Он «напряженно следил за титанической битвой на Бородинском поле»⁵. Козлов, конечно, видел военную жизнь, тяготы войны, солдат-защитников, воинов... И уже через несколько лет блестящий кавалер ослеп.

Несмотря на то, что у Козлова нет стихотворений, посвященных непосредственно Отечественной войне, им виденной, в его лирике мы не раз встречаемся с образом воина, который, конечно, является отражением тех событий, которым поэт был свидетель.

Это прежде всего стихотворения «Пленный грек в темнице» (1822), «На погребение английского генерала сира Джона Мура» (1825), «Сон ратника» (1828). В них мы находим изображение русского воина, ратника, являющегося частью не конкретных исторических событий, а всей военной истории страны. Кроме того, два из трех этих произведений, восходя к ирландскому и шотландскому оригиналам, связаны с баталиями Наполеоновских войн.

Отечественная война 1812 г. стала поистине переворотом русского общественного и художественного сознания. «Лучшие умы обратились к внутренним основам и потребностям русской жизни, – пишет В. И. Сахаров. – Тогда и оформился окончательно русский романтизм... Иван Козлов благодаря своей дружбе с Жуковским и братьями Тургеневыми оказался в самом центре нарождающегося литературного движения»⁶.

Как отмечают исследователи (например, М. П. Залесский), в литературе того периода продолжает свое существование ода, которая, однако, была ограничена в интерпретации патриотизма, основываясь преимущественно на гражданственном его аспекте. Несмотря на то, что прогрессив-

ные одописцы и старались воспеть патриотизм в широком смысле этого слова, того эмоционального напряжения, которое, к примеру, может дать элегия, с помощью оды создать не получалось.

Из-под пера И. А. Крылова появляются патриотические басни («Обоз», «Ворона и курица»).

Однако на передний план среди многообразия жанров выходит элегия. Причем именно в эпоху 1812–1814 гг. элегия, «занятая до того только любовной тематикой и грустными размышлениями о бренности человеческой жизни, наполняется общественной, патриотической, гражданственной тематикой»⁷. Элегия становится высоким жанром, насыщается историческим и философским пафосом. Появляется так называемая историческая элегия. В то же время происходит еще один процесс: слияние элегий и посланий.

В 1812 и последующих годах можно выделить несколько самых крупных историко-элегических мотивов: 1) переживания автора в связи с конкретными военными событиями (пожар Москвы, Бородинская битва); 2) мотив тоски по родине; 3) мотив смерти героев и просто друзей.

Ярким примером первого мотива может служить элегия-послание К. Н. Батюшкова «К Дашкову» (1813), в которой поэт с глубокой скорбью рисует разрушенную пожаром Москву, ту Москву, которую со слезами на глазах покидал и И. И. Козлов:

Мой друг! Я видел море зла
И неба мстительного кары...
Лишь угли, прах и камней горы,
Лишь груды тел кругом реки,
Лишь нищих бледные полки
Везде мои встречали взоры!⁸

Напомним, что К. Н. Батюшков был храбрым офицером, начавшим свой боевой путь еще в 1807 г. Тогда он совершил поход в Пруссию, захваченную Наполеоном.

«Одной из самых искренних по содержанию и совершенной по форме была историческая элегия “Тень друга”, как известно, посвященная памяти И. Петина, ближайшего друга К. Н. Батюшкова, убитого на 26-м году жизни в сражении при Лейпциге в 1813 г.»⁹ Эта, наполненная мистическим колоритом, элегия (тень убитого друга является лирическому герою на корабле) передает теплые, искренние, горестные чувства и своей тональностью выбивается из общего ряда произведений той же тематики.

Конечно, большинство элегий писалось на смерть великих русских полководцев. Этот тип исторических элегий, по словам М. П. Залесского, «заполненных, в основном, воспеванием доблестей умершего героя в абстрактной и возвышенной форме, были по характеру своему ближе к хвалебной оде классицизма, нежели к элегической лирике первой Отечественной войны»¹⁰.

Примером могут служить произведения А. П. Буниной, М. В. Милонова, Н. Ф. Грамматина.

Анна Петровна Бунина (1774–1829) занимала, по мнению Н. И. Греча, «первое место между писательницами России»¹¹. Ее стихотворение «На кончину графа Александра Кутайсова» (1813) приближено к одическому стихосложению. Писанное высоким штилем («Ужель и на твою могилу свежу // Печальны допустил мне рок бросать цветы, // Поток слезным орошенным»), оно гиперболизирует печаль и страдания окружающих в связи со смертью генерал-майора, погибшего под Бородином: «На гробе у него с бессмертным лавром шлем, // И вопли слышны Муз на нем!»¹². При таком обилии гипербол, патетических восклицаний, старославянизмов душевная печаль читателя притупляется.

Интересно, что о гибели Александра Кутайсова пишет и В. А. Жуковский в самом значительном стихотворении 1812 г., отмеченном и высоко оцененном самим М. И. Кутузовым, «Певец во стане русских воинов». Жуковский не изображает сонмов горюющих людей, не обременяет свое стихотворение стенаниями. О молодом бойце, погибшем во цвете лет, Жуковский говорит просто и свежо, хотя и называет его героем. Кутайсов, «вождь младой...», «душой прекрасен был, как радость»¹³. Чувствуется искренняя скорбь по этому мальчику, который самоотверженно сражался за Родину и воодушевлял своим примером соотечественников:

В броне ли, грозный, выступал –
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударял –
Одушевлялись струны...¹⁴

Противоположной по своему эмоциональному воздействию является ода поэта-«гражданина» М. В. Милонова «Мысли при гробе князя Кутузова-Смоленского». Здесь мы находим уже шаблонное обращение к року: «Пусть рок ожесточенный, в отраду нам, тебя бессмертием дарит...»¹⁵. Но автор и не стремится будить личные чувства читателя, его ода – это гражданский призыв: «Здесь пишет не поэт – здесь плачет гражданин...»¹⁶. Именно эта строка Милонова станет в дальнейшем основой для кредо К. Ф. Рылеева и Н. А. Некрасова.

На смерть великого полководца, безусловно, откликнулся целый ряд поэтов. М. П. Залесский отмечает: «Тема смерти вдали от Родины, как наиболее трагическая, входит в целый ряд элегий русских поэтов того времени»¹⁷. Но большинство из них отличается той же шаблонной патетикой, притупляющей настоящее чувство. Козлов тематически (стихотворением «На погребение английского генерала сира Джона Мура», 1825) продолжит традицию своего времени, но раскроет эту тему совсем иначе.

Одним из первых стихотворений Козлова, где встречается образ воина, является «Пленный грек в темнице» (1822). Несмотря на то, что в названии указывается национальная принадлежность воина – это грек, оказавшийся в плену, в самом

тексте отсутствует национальный колорит. Да и в первоначальном варианте заглавие звучало так: «Пленный воин в темнице»¹⁸, что говорит о стремлении поэта написать обобщенный образ, характерный не только для конкретной национальности и временного отрезка, а распространяющийся на «всех» и «всегда». К тому же пленник – неизвестный воин («кузник неизвестный»), без имени, это – каждый боец.

Тем не менее произведение «посвящено вождю восставших греков-этеристов Александру Константиновичу Ипсиланти»¹⁹. Свободный душой поэт-слепец симпатизировал греческим революционерам, поднявшим восстание против турецкого ига. Он настолько глубоко проникся сочувствием к этим воинам за справедливость, что Ипсиланти вышел у Козлова совсем русским душой:

Родина святая,
Край прелестный мой!
Все тобой мечтаю,
Рвусь к тебе душой²⁰.

Произведение проникнуто патриотизмом, страстной любовью к родине. Лирического героя глубоко печалит несвобода его страны: «В сердце отдавался звук твоих цепей» (88). Воин «смело» борется за «святое дело» и очень страдает оттого, что «в плену» не знает, «как война горит» (88). Непримиримый, бескомпромиссный, он решительно восклицает: «Ах, иль быть свободным, // Иль совсем не быть» (88).

Как отмечают исследователи, «по своему идейному звучанию» с «Пленным греком» переключается стихотворение «Молодой певец» (1823), заимствованное из «Ирландских мелодий» Томаса Мура. В нем «прославляется поэт-воин, павший “жертвой грубых сеч” во имя свободы родного края»²¹. Это означает, что образ воина в лирике Козлова раскрывается еще в одной ипостаси. Воин-поэт сражается оружием своего творчества на поле битвы души. Его спутники – «меч отцовский – кладенец» и «арфа – жизни радость» (90). Стихотворение трагично – этот воин погибает. Он умирает с горькой мыслью о том, что не смог бы жить и творить в стране, «где раб звучит цепями» (90). По сути, он повторяет слова пленного грека о свободе.

Как уже было сказано, Козлов стихотворением «На погребение английского генерала сира Джона Мура» продолжает историко-элегическую традицию «наполеоновского» периода. При этом оно является «вольным подражанием» широко известному для англоязычных стран стихотворению ирландского поэта Чарльза Вольфа, написанному в 1816 г. Вольф, в будущем монах, был хорошо образованным человеком. Естественно, он знал историю своей страны, поэтому события восьмилетней давности – война с Наполеоном – волновали его. В центре внимания стихотворца – историческая личность, более того – национальный герой Джон Мур (1761–1809)²².

Удивительно просто, без украшательств Вольф рисует реалистичную, даже прозаическую картину погребения национального героя²³.

Козлов, конечно, был заинтересован личностью Джона Мура и правдивой атмосферой стихотворения. Однако, используя чужой текст, он создает новое по сути произведение: романтическая стилистика предполагала увеличение абстрактно-эмоциональной составляющей стихотворения. Тем не менее сходство между оригиналом и переводом велико: количество строк осталось прежним, а изменение анапеста на амфибрахий, замена тонического стиха на силлабо-тонический, по словам Ю. Д. Левина, «не воспринималась отступлением от оригинала», так как «во времена Козлова была обычной»²⁴.

Ю. В. Лебедев справедливо отмечает: «Грому побед Козлов противопоставляет скорбь поражения. И война предстает в его описании не с парадно-декоративной, а с человеческой стороны... Сам образ родины у Козлова лишается официальной атрибутики и начинает наполняться многозвучным человеческим содержанием»²⁵. Если соотнести название стихотворения и текст «вольного подражания», то возникает ощущение разрозненности, так как в заголовке указывается, что оно на «погребение английского генерала», в то время как английского духа там нет совсем. Стихотворение русифицировано. Достигает это поэт особым подбором лексики: «ратники в поле», «дружина», «Перун вестовой» (128). Этот осознанный выбор старорусских слов рождает необходимый автору дух Руси. И уже к третьему катрену мы забываем, что говорится нам об английском генерале. С этой же целью Козлов не использует упоминания о «британце», а выбирает «родимые руки постлали» (129). Мы полностью согласны с мнением И. Д. Гликмана: «Козлов воспекает... непреклонное мужество верных своему долгу отцов, над могилой которых сияет “бессмертная слава”. Причем реальная биография генерала Джона Мура уступает здесь место поэтически обобщенному образу героя, с честью павшего на поле брани»²⁶. Демократичное и дружеское обращение «товарищ» к погибшему генералу, а также использование местоимения «мы» подчеркивают общность, единение всей армии, всей России. И это очень сильно отделяет данное стихотворение от других произведений о Наполеоновских войнах. Там – восторженное, испущенное отношение к недостижимым «полубогам», а здесь – единение всех чинов под страшным бременем войны, которая становится еще страшнее, так как лишена возвышенности, прозаична и грозит всем без исключения. По мысли Козлова, на поле битвы, перед лицом смерти нет ни чинов, ни званий. Кроме того, использование старославянизмов проводит параллель со всей бранной историей Руси, что встречалось, к примеру, в «Певце во стане русских воинов» В. А. Жуковского. В «Певце...» находим:

Но дух отцов воскрес в сынах;
Их поприще пред нами...²⁷

Козлов опускает реалии действительности и сосредоточивается на более полном раскрытии эмоционального состояния. Словосочетание «смутный полк» (128) передает растерянность, печаль, беспокойство солдат: погиб командир, мудрый товарищ, ведущий в бой. Фраза «штыками могилу копали» (128) создает ощущение физического напряжения. Для той же цели Козлов включает в свой текст «дымно сверкающие факелы», а не «фонарь», как в оригинале. Ю. Д. Левин объясняет это тем, что «по-видимому, факелы появились вместе с наречием “дымно” (фонарь обычно не дымит). Козлов, конечно, понимал, что “дымно” не соответствует английскому “dimly”, но его привлекала возможность передать создаваемый словом звуковой образ»²⁸. Будучи религиозным, Козлов также подчеркивает то, что «дружина... жарко молилась творцу» (128).

«Козлов решительно “очеловечивает” гражданскую лирику, освобождая ее от парадной и отяжеленной одической лексики, от которой в стихах не смог освободиться даже Жуковский (“Певец...”)). Козлов включает в гражданскую лирику богатое психологическое содержание...», — очень верно отмечает Лебедев²⁹. Поэт и следует традиции — тематически, а также в мысли о единстве истории, но в то же время выбирает необычное воплощение распространенного мотива. Гибель героя он показывает совсем в другом свете — без пышных обрядов, на поле боя. Реалистичная картина дается с проникновенным эмоциональным напряжением, которое мог передать только человек, сам переживший трагедию.

Искренность, эмоциональность стихотворения Козлова, а также изначальная песенность (отрицательный синтаксический параллелизм «Не бил барабан...») способствовали тому, что оно стало популярной военной песней.

В. Е. Гусев отмечает, что «Не бил барабан...» появился в песенниках в 1870 г.³⁰ Есть версии, что в связи с похоронами генерала Бистрома стихотворение Козлова было переделано под реалии Кавказской войны. В переделанном виде ее до сих пор поют казаки. Народные варианты, собранные нами, сильно сокращены, опускаются целые строфы (о молитве, о будущем). В песню вошло только то, что связано с действиями: «вождя хоронили», «в недра земли опустили», «почесть отдана», «могилу копали», «лежит он», «уснул он», «не свершен обряд», «ударил казак». Философские размышления автора не отражены в фольклорных текстах. Еще одной фольклорной тенденцией является замена высокой, поэтической лексики на фольклорную, а иногда на просторечия: «недра земли» — «землю сырую», «опустили» — «опушали». По этой же причине изменилась и концовка — место метафорического перуна занял «казак вестовой»: «И славу ударил казак вестовой...». Образ война в народно-по-

этических вариантах сузился, была потеряна его оригинальная обобщенность.

Стихотворение Козлова «Сон ратника» (1828) — отклик на события русско-турецкой войны. Но какие картины вставали в сознании слепого поэта? Вероятно, пережитая им война. Данное произведение является переложением стихотворения английского поэта Томаса Кэмпбелла (1777–1844) «The soldier's dream». Стихотворение Козлова настолько отличается от оригинала, что установить и научно доказать преемственность двух произведений удалось лишь в середине XX столетия Ю. Д. Левину.

Как отмечает исследовательница С. В. Бобылева, различны и размеры, и объем стихотворений: «Ставшее первоосновой для Козлова стихотворение Т. Кэмпбелла “The Soldier's dream” — одно из... наиболее известных лирических произведений шотландского поэта, написанных во время путешествия по Германии в 1800 году»³¹. Тогда поэт стал невольным свидетелем сражения защитников монастыря в Регенсбурге против французских, наполеоновских захватчиков.

По структуре стихотворения схожи: сначала описывается ночное время, перерыв между баталиями, а потом — сон бойца. У Кэмпбелла находим страшное описание этой «передышки» между боями: «Наши горны пропели отбой, поскольку ночь опустилась как туча. И сторожевые звезды установили дозор на небе. И тысячи упали на землю потрясенную, утомленные — спать, а раненые — умирать. Отдыхая той ночью на соломенном тюфяке, у отпугивающего волков костра, охраняющего тела убитых»³². Козлов для передачи эмоционального напряжения, создания фона использует иные средства. Слепой поэт тонко обращается с «красками»: черный («мгла», «ружья»), белый («белые шатры», «луна») и много красного («блеск багровых струй» от костра, «пламень красноватый», «кровавые места») (139). Козлову важно создать атмосферу трагичности, передать весь ужас происходящего.

Стихотворение «насыщено конкретными реалиями российской истории», которые «к Англии не имеют никакого отношения»³³, — верно замечает Лебедев. В нем отображены события первого периода русско-турецкой войны 1828–1829 гг., а именно осада турецкой крепости Варна русскими войсками с июля по сентябрь 1828 г., результатом которой стало взятие крепости. Подтверждение этому можно найти в начале стихотворения, где Козловым упомянут характерный символ ислама — луна (полумесяц).

Уже в названии стихотворения чувствуется отмежевание от английского оригинала, ведь «ратник» — не солдат, заявленный в английском тексте, это слово — старославянизм, отсылающий к истории Древней Руси, связующее все веки российской истории. Однако Козлов обращает внимание на личную трагедию, тяжесть положения каждого солдата, рядового ратника. Повествова-

ние в стихотворении ведется от лица лирического героя, автор перевоплощается в русского воина, который находится на отдыхе во время войны. Бой завершен, только что «подкопы взорваны». Рисуется картина военного лагеря после боя: «И в поле тишина меж русскими полками; // У ружей сомкнутых дымились костры» (139). Все настолько утомлены физически и морально, что никто не разговаривает друг с другом, никто не поет песен, слышен только «раненых... тяжкий стон» (139). Лирический герой «в раздумье», но, утомленный битвой, он засыпает.

Оставшиеся шесть катренов – это описание сна. Во сне лирический герой (ратник) старается оторваться от реальности и переносится в «родимое село»:

Мне снилось, что, простясь
 с военною тревогой,
От тех кровавых мест,
 где буйство протекло,
Поспешно я иду знакомую дорогой
В родимое село (139).

Казалось бы странным, что ратник, воин изображен не во время битвы. По сути, в стихотворении практически не говорится о бое, для автора это второстепенно. Поэт тонко передает психологию человека, который и на войне остается просто человеком. Это не бой, где необходимо героичество. Во время отдыха ратник остается наедине с самим собой. Возвращается к себе настоящему. Во сне он грезит о самом главном, самом сокровенном – о семье, о мирной жизни, и его дух укрепляет «спасительная сила воспоминаний»³⁴.

Утомленное сознание бойца ищет отдушину, и в мечтах он отправляется по дороге к своему дому. В стихотворении дается много реалий: «сельская церковь», «Клязьма», «густые ракиты»... (139). Все это, несомненно, узнаваемо, близко каждой истосковавшейся душе солдата. Мирная жизнь для уснувшего ратника заключена не в развлеченьях, пирушках, не этого жаждет он. Воин слышит «песнь жнецов, и в стаде лай далекий собак сторожевых» (139). Козлов без прикрас показывает чувство солдата, отмечая самые тонкие оттенки – тот с замиранием сердца подходит к родному дому: «...разлуки тайный страх надеждой веселя» (140).

Далее рисует встречу родных. «Дряхлый отец» «вскочил без костыля», «жена мне кинулась на шею» (140). Козлов отмечает детали, показывающие степень взволнованности героев. Встреча у русского поэта описывается подробно, а шотландец ограничивается словами: «...увидел дом предков, которые приветствовали мое возвращение»³⁵.

Во сне русский ратник, «склонен родными» (140), прощается с битвами. И тут он вынужден проснуться, вернуться к реальности: «пушка вестовая сон тихий прервала» (140). Концовка стихотворения Козлова трагичнее оригинальной. В шотландском варианте солдат пробуждается

на заре – этим и заканчивается стихотворение. Русский ратник, разбуженный боевым выстрелом, задается вопросом: «Иль там мне умереть?» (140).

Простота, незатейливость сюжета, отсутствие ярко выраженного героичества, тем не менее, не снижают выразительности стихотворения. Здесь чувствуется и патриотизм – «мирный» патриотизм: ведь именно за своих близких ратник сражается, и сила его духа.

Центральный образ ратника, без сомнения, вызывает у нас симпатию. Рассудительный боец, морально закаленный, сдержанный, уставший после боя, на глазах которого только что погибли десятки людей, под звуки стонов переносится в мыслях к мирной жизни. Он не озлобился, не очерствел душой, ему свойственны даже поэтическое восприятие мира, поэзия души: «И дети обвили цветками полевыми и штык мой, и ружье» (140). Солдат, закаленный ужасами войны, ее «буйством», с необыкновенной нежностью говорит о своих близких.

Мы не знаем звания ратника, его ранга в войске, ведь в бою перед лицом смерти все равны, одинаково несут тяготы службы, спят в поле под бурками. Несмотря на исторические и географические реалии, перед нами условный образ ратника, защитника своей земли и, прежде всего, своих близких. Это психологический портрет любого бойца – начиная с ратников Древней Руси, заканчивая солдатами кутузовской армии, которых видел Козлов, и бойцами полков, бьющихся против турецкого войска.

Воин в стихотворениях Козлова – это обобщенный образ ратника, защитника родной земли. Для Козлова важно наполнить свое произведение богатым психологическим содержанием, а не указать, к примеру, место сражения. Поэтому этот воин так узнаваем. «Обращаясь к событиям исторического масштаба, поэт разрушает привычное деление жизни – на историческую и частную, на героическую и обыкновенную. Он не желает видеть в историко-героическом “высокий”, а в интимно-бытовом “низкий” уровень бытия», – справедливо указывает Ю. В. Лебедев³⁶.

Воин в стихотворениях Козлова предстает перед нами в нескольких ипостасях: 1) погребенный герой, 2) воин после боя, 3) пленник, 4) воин-поэт.

Поэт старается передать психологическую правду, поэтому нигде не изображает война во время ратного дела, так как сам не принимал участия в сражениях. Простотой и искренностью отличаются его стихотворения от пышных од, конкретностью реалий от эмоциональных элегий Батюшкова, глубоким психологическим содержанием от иностранных оригиналов. От стихотворений Д. В. Давыдова, воспевающих бой, произведения Козлова отличаются отсутствием поэтизации военной жизни. Наиболее близки они к «Певцу во стане русских воинов» Жуковского.

Однако Козлов сосредоточивается на внутреннем мире своего героя, а не зовет, как Жуковский или ранее Г. Р. Державин, к разгрому врага и к справедливой мести иноземным захватчикам. Таким образом, тексты Козлова – оригинальный вклад в поэтическую летопись о событиях периода Наполеоновских войн.

Примечания

- 1 Цит. по: «И славили Отчизну, меч и слово»: 1812 год глазами очевидцев. Поэзия и проза / сост., автор вступ. ст. и примеч. Ю. А. Беляев. М., 1987. С. 5.
- 2 Там же. С. 16.
- 3 Там же.
- 4 См.: Лебедев Ю. «Небесным пением своим он усыпил земные муки». О творчестве Ивана Козлова // Литература в школе. 1998. № 1. С. 8.
- 5 Сахаров В. О жизни и творениях Ивана Козлова // Козлов И. Стихотворения. М., 1979. С. 9.
- 6 Там же.
- 7 Залесский М. К вопросу о влиянии событий Отечественной войны 1812 г. на развитие русской литературы // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та. 1949. Т. 13, вып. 1. С. 160.
- 8 «И славили Отчизну, меч и слово»... С. 108.
- 9 Залесский М. Указ. соч. С. 146.
- 10 Там же.
- 11 Цит. по: «И славили Отчизну, меч и слово...» С. 655.
- 12 Там же. С. 43.
- 13 Там же. С. 54.
- 14 Там же.
- 15 Там же. С. 90.
- 16 Там же.

- 17 Залесский М. Указ. соч. С. 148.
- 18 Гликман И. И. И. Козлов // Козлов И. Полное собрание стихотворений. Л., 1960. С. 447.
- 19 Сахаров В. Указ. соч. С. 163.
- 20 Козлов И. Стихотворения. Л., 1956. С. 88. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страниц в тексте
- 21 Гликман И. Указ. соч. С. 22.
- 22 Генерал, командовавший английскими войсками в Португалии во время войны с Наполеоном.
- 23 См.: *Charles Wolfe. 43w1q The Burial of Sir John Moore at Corunna*. URL: http://en.wikisource.org/wiki/The_Burial_of_Sir_John_Moore_after_Corunna (дата обращения: 20.08.2012).
- 24 Левин Ю. О русском романтическом переводе в эпоху романтизма // Ранние романтические веяния (Из истории международных связей русской литературы). Л., 1972. С. 248.
- 25 Лебедев Ю. Указ. соч. С. 14–15.
- 26 Гликман И. Указ. соч. С. 28.
- 27 «И славили Отчизну, меч и слово»... С. 52.
- 28 Левин Ю. Указ. соч. С. 249.
- 29 Лебедев Ю. Указ. соч. С. 14.
- 30 См.: Песни русских поэтов: в 2 т. Т. 2. Середина XIX – начало XX вв. / вступ. ст., сост., подгот. текста, биограф. справки и примеч. В. Е. Гусева. Л. 1988. С. 612.
- 31 Бобылева С. Творчество И. Козлова в контексте русско-английских литературных связей: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. С. 166.
- 32 Там же. С. 167.
- 33 Лебедев Ю. В. Указ. соч. С. 15.
- 34 Там же.
- 35 Бобылева С. В. Указ. соч. С. 168.
- 36 Лебедев Ю. В. Указ. соч. С. 15.

УДК 821.11.09-313.1+929Коу

ЭЛЕМЕНТЫ ГОТИКИ В РОМАНЕ Д. КОУ «КАКОЕ НАДУВАТЕЛЬСТВО!»

Ю. А. Храмова

Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского
E-mail: khramovaya@mail.ru

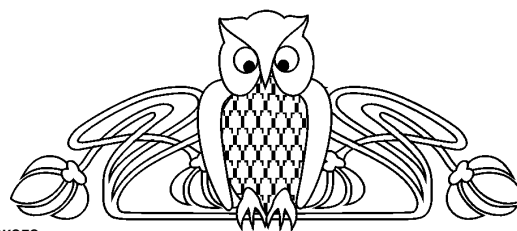
Сатирический роман Д. Коу «Какое надувательство!» анализируется с точки зрения функционирования в нем элементов готической традиции; выявляется их роль в идейно-философской и композиционной структуре романа.

Ключевые слова: Джонатан Коу, готическая традиция в литературе, готика и ужасное, постмодернизм, сюжет, композиция и система образов.

Gothic Elements in Jonathan Coe's «What a Carve-Up!»

Yu. A. Khramova

Jonathan Coe's satirical novel «What a Carve-Up!» is analyzed through the prism of traditional Gothic elements; their contribution to the

ideological, philosophical and compositional structure of the novel is revealed.

Key words: Jonathan Coe, Gothic literary tradition, Gothic and the Horror, postmodernism, plot, composition and system of characters.

Термин «готический», широко используемый в литературе и литературной критике, неоднозначен. Для одних «готика» – литературное течение, открытое «Замком Отранто» (1764) Г. Уолпола, оказавшее значительное влияние на развитие романтизма, пережившее пик расцвета в 1800-х гг. и исчерпавшее себя к середине 1820-х гг.¹ Другие исследователи (М. Саммерс, Роберт Д. Хьюм, Д. Варма, Д. Пантер, Э. Макэндрию, Л. Байер-

Беренбаум и др.) воспринимают готическое направление как устойчивую, трансгрессивную тенденцию, открытую другим течениям и развивающуюся по сей день². По словам Дэвида Пантера, «готику» можно определить «либо как жанр, имеющий определенные исторические границы, либо как более широкую и устойчивую тенденцию в литературе в целом»³. Большинство исследователей сходятся во мнении о том, что готическая традиция в литературе – это все же «циклический», трансисторический жанр, сюжетные и композиционные элементы которого могут изменяться для того, чтобы соответствовать потребностям той или иной культуры в борьбе с одолеваемыми ее страхами и предрассудками. Готика перерабатывает опыт прошлого под культурные страхи настоящего. Готика – «знак особого нежелания прошлого уходить в небытие»⁴, символ размывания и взаимопроникновения границ, гротескная проекция страхов и тревог отдельной конкретной эпохи на материале прошлого.

З. Фрейд в знаменитой работе «Жуткое» (1919) объединяет понятием «жуткое» (Unheimlich) все явления страшного и ужасного, показывая, что они одновременно восходят к давно известному и утаиваются, вытесняются, прячутся от сознания. Фрейд подчеркивает, что жуткое возникает тогда, «когда стирается грань между фантазией и действительностью, когда перед нами предстает нечто реальное, что до сих пор мы считали фантастическим, когда символ принимает на себя полностью функцию и значение символизируемого...»⁵. Исходя из этого, он выделяет два рода «жуткого»: то, которое переживается в реальной жизни (повседневные страхи, суеверия и т. п.), и то, которое просто представляется (например в литературе). «Жуткое» в фантазии, вымысле, литературе гораздо богаче переживаемого «жуткого», поскольку оно не нуждается в проверке реальностью. Стало быть, этот род «жуткого» действует иначе – он не продуцирует страх, он создает иллюзию страха. Однако здесь Фрейд делает довольно интересно оговорку: литературное произведение может спровоцировать реальные страхи, и переживаемое «жуткое» (реальное «жуткое») может сработать, если сочинитель намеренно поставит себя на почву обыденной действительности. В этом случае «все, что в жизни воздействует как жуткое, действует точно так же и в поэзии»⁶. Более того, сочинитель будет иметь возможность «увеличить и умножить жуткое, далеко выходя за пределы меры, возможной в переживании, допуская совершение таких событий, которые или вообще не наблюдаются в действительности, или наблюдаются очень редко»⁷. В результате писатель как бы играет с читателем в игру, «он показывает нам наши считающиеся преодоленными суеверия; он обманывает нас, суля нам привычную действительность, а затем все же переступая ее пределы»⁸.

Миша Кавка продолжает дифференциацию форм жуткого, ужасного, готического. «Ужас-

ное» – это то, что чудовищно, то, что предстает непосредственно перед глазами, вызывая реакцию отвращения и шокируя сознание сценами насилия. «Готическое» – это все то, что остается в тени, «по ту сторону восприятия»: «это не то, что мы не видим, а то, что мы можем увидеть»⁹; «это свидетельство проницаемости границ в той самой точке, где эта чудовищность возникает»¹⁰.

Одним из наиболее ярких примеров проницаемости границ может служить роман видного современного английского прозаика Джонатана Коу (р. 1961) «Какое надувательство!» («What a Carve-Up! or The Winshaw Legacy», 1994). В отношении реального и нереального, сна и яви, желаемого и действительного автор отображает проницаемость и уязвимость современной действительности, исповедующей множественность истин и противоречивость интерпретаций. В романе сочетаются и сосуществуют политика, история, острая социальная сатира и мягкий юмор, психоанализ, кинематографические приемы, – и в изобилии готические мотивы. Сам автор отзывается о своем романе так: «Он скачет из одной формы повествования в другую, включая статьи из таблоидов, юношеские дневники, расшифровки телеинтервью и – в конце концов – пародию на Агату Кристи и других детективщиков старой школы. Я могу вспомнить, как получал огромное удовольствие, скользя между несопоставимыми жанрами»¹¹. Авторская позиция в этом сатирическом романе ясна и определена – роман обличает алчность и цинизм в лице порочного семейства Уиншоу, раскинувшего свои «щупальца» во все сферы общественной деятельности¹².

Разоблачительным духом пропитана и вся повествовательная ткань романа: автор не упускает ни малейшей возможности показать, насколько глубоко и далеко распространилось влияние Уиншоу: начиная с продуктов питания и социальных услуг и заканчивая контрабандой оружия и предательством страны в национальных масштабах. Негодование читателя беспрецедентной наглостью и жадностью правящей верхушки нарастает по мере чтения романа. Кроважандность, с которой в финале Мортимер Уиншоу сводит счеты со своими наследниками, заманив их в старинное поместье семьи и расправляясь с ними по очереди, воспринимается не просто как упражнение в применении готических сюжетных ходов, но и как справедливое воздаяние семейству Уиншоу. Сатирическая панорама Англии эпохи Тэтчер выстраивается в романе с помощью изощренной литературной игры. В стремлении усилить впечатление от контраста между тем, что изображается, и тем, что подразумевается, между тем, что фальшиво, и тем, что подлинно, автор нарочито прибегает к избитым литературным штампам, цитирует сюжеты третьесортных фильмов ужасов, использует стандартные готические приемы.

Готические элементы в романе становятся своеобразным средством игры в реальность. Это

своего рода надувательство читателя, попавшего на крючок из хорошо заготовленной затравки, приправленной острой сатирой и изрядной долей самоиронии автора. Однако проглотивший наживку читатель вынужден переваривать еще и то, что все эти ужасы имеют под собой куда более серьезную и реальную основу, чем он мог себе изначально представить. Более того, к финалу романа ожидания читателя развеиваются самым неожиданным и непредсказуемым образом, повергая его в фантазмагорический поток восторга и ужаса одновременно. Цель подобного повествовательного приема очевидна – только шоковая терапия поможет вывести общество из летаргической спячки, заставить мыслить самостоятельно, а «не по шаблону», навязанному извне. Не случайно роман завершается буквально свободным падением одного из главных героев, его символической независимостью от каких бы то ни было стереотипов и суждений.

Основное действие романа разворачивается в жутком особняке Уиншоу-холл, который расположен, согласно готической традиции, в пустынной и болотистой местности. Даже самых немногословных описаний этого особняка достаточно, чтобы немедленно вызвать у читателя волну ассоциаций то ли со средневековыми родовыми поместьями, населенными призраками, то ли с конан-дойлевским замком Баскервильей, окутанным мраком и тайнами. Описание особняка в основном дается через индивидуальное восприятие героев романа. Так, одну из героинь, начинающую художницу Фиби Бартон, потряс дух мрака и тления, пропитавший этот дом. Посреди разрухи и уныния героине мерещится призрак, обитающий в недрах этого замка: «Мимолетное: бледное, изможденное и перекошенное лицо глянуло из дикой путаницы седых волос на прибывших с такой безумной злобой, что от одного этого взгляда в жилах застыла кровь»¹³. Средневековые реминисценции находят дальнейшее подтверждение во внутреннем убранстве замка: обтрепавшиеся и истертые гобелены на стенах, тяжелые бархатные шторы, разнообразные охотничьи трофеи, два комплекта проржавевших рыцарских лат. Даже дворецкий Гимор предстает как восставший мертвец, полу-призрак, выражающий дух этого поместья: неуклюжая походка, глаза, мерцающие из-под нависающих бровей, «потрепанная фигура, сильно смахивающая на покойника». Гимор напоминает дворецкого из «Собаки Баскервильей» Конан-Дойля, текста, прямо фигурирующего в романе. «Добро пожаловать ... в Баскервиль-холл» (250), – так приглашает гостей в дом одна из героинь романа.

Повествователь Майкл, писатель и историк семейства Уиншоу, также воспринимает Уиншоу-холл сквозь призму литературы: «В окружающей тьме разглядеть что-либо не представлялось возможным, кроме неровной каменистой дороги, вдоль которой с обеих сторон виднелись узкие полосы болот – дальше заплаты черного нагого торфа

чередовались со случайными кустиками вереска и грудями камней зловещей формы. ... Дрожь пробежала по телу Майкла, когда он приблизился к парадному крыльцу и услышал отвратительный вой собак, возражавших таким образом против заточения в какой-то невидимой псарне» (548–549).

Приемы кинематографа в романе распознаются по ряду классических шаблонов: надвигающаяся буря, потерявшийся путник, тяжелые, чугунные ворота незнакомого поместья, свисающие ветви деревьев, самораспахивающиеся двери, широкая дубовая лестница, ведущая куда-то вверх, и т. д. «Едва Майкл вознамерился приподнять громадный заржавленный дверной молоток, как обнаружил, что дверь резко распахнулась как бы сама собой. Майкл шагнул внутрь и огляделся. Он стоял в огромном мрачном холле, ... истертые гобелены и потускневшие живописные полотна дополняли сумеречное впечатление. По обе стороны в холл выходили двери, а прямо перед Майклом шла вверх широкая дубовая лестница. ... Чуть помедлив, Майкл поставил чемодан у подножия лестницы, откинул с глаз мокрые спутанные волосы и смело двинулся вперед» (550).

Атмосфера фильма ужасов нагнетается еще больше «пророческими» комментариями дворецкого, сопровождающего Майкла в его комнату: «Случится страшное <...> Гром, молния, ливень такой, что даже покойников в могилах затопит» (553). Описание интерьера комнаты Майкла опять воскрешает в сознании читателя мрачную атмосферу средневековых готических замков; теперь, согласно готическому подтексту, его герой оказывается заложником этого замка, неспособным найти выход даже из собственной комнаты: «Верхний этаж особняка представлял собой лабиринт коридоров. <...> После нескольких минут блуждания по сумрачным, застланным тонкими коврами проходам его беспокойство начало перерастать в нечто приближенное к панике» (554).

Дальше события развиваются согласно сценарию третьесортного фильма ужасов. Процедура оглашения завещания скоропостижно скончавшегося Мортимера Уиншоу то и дело сопровождается вспышками молний и раскатами грома, превращая напряженные лица предполагаемых наследников в «бледные посмертные маски призраков». Собравшиеся родственники, надеявшиеся урвать лакомый кусок от наследства, неожиданно узнают, что разорившийся старик оставил в наследство лишь долги, сыграв с ними последнюю злую шутку. В разгар разбушевавшейся бури они оказываются отрезанными от внешнего мира: без электричества, телефонной связи и всякой надежды на возвращение обратно. К тому же в окрестностях разгуливает якобы сбежавший из психиатрической больницы маньяк-убийца. Одного за другим алчных Уиншоу настигает кровавая расправа, способом, соответствующим их «профессиональной деятельности»: предателя и политика Генри – ножом в спину, торговца

оружием Марка – отрубанием рук, банкира и вуаериста Томаса – выкалыванием глаз, продажную журналистку Хилари – тюком старых газет. Кровожадным маньяком, устроившим жестокую расправу, оказывается считавшийся умершим Мортимер Уиншоу, представший в образе «восставшего мертвеца», вознамерившегося отомстить своим нерадивым родственникам и таким образом оказать человечеству маленькую услугу – избавить мир от «горстки подонков».

Среди этого обилия крови и ужасов одна Табита Уиншоу испытывает небывалое веселье: «Никогда не видела такой беготни. Какая суматоха! Мы разве уже начали играть в “третий лишний”?» (574). Обезумев после смерти на войне любимого брата Годфри, сбитого летчика, Табита всю свою оставшуюся жизнь провела в скорби и воспоминаниях о нем. Все это время она находилась в заточении в одной из высочайших башен современного «готического замка» – психиатрической больницы. Табита права в своих догадках – самолет Годфри был сбит по наводке ее старшего брата Лоренса, который постарался сделать все, чтобы изолировать ее от мира как физически, так и психологически. Однако если физическую свободу ей все же впоследствии удалось обрести, то психическую свободу восстановить оказалось уже невозможным. Отождествив себя с умершим Годфри, она пытается воссоединиться с ним, кончая жизнь самоубийством, в точности повторяющим обстоятельства его смерти.

Классическая схема готического романа «заточение – побег – совместное счастье» в финале романа оказывается вывернутой наизнанку. Вопреки ожиданиям читателя, сюжетное повествование приобретает непредсказуемый оборот. Роман заканчивается в прямом смысле «смертью автора» – главный герой Майкл, писавший хронике семейства Уиншоу, оказывается втянутым в безумную игру Табиты и разбивается на самолете вместе с ней. В развязке романа ломаются все устоявшиеся стереотипы, все переворачивается с ног на голову: «Майкл свободно падает вниз, стремительно погружается, ничем не скованный, и между ним и землей ничего нет, лишь синее небо, и он видит очень ясно, как земля рвется ему навстречу...» (629–630). Безумная Табита из жертвы превращается в убийцу (самоубийцу), Мортимер из дряхлого старика – в кровожадного маньяка, а сам Майкл оказывается по какой-то странной случайности причастным ко всем этим кровавым убийствам. Его хроники о бесчинствах алчных Уиншоу, как выяснилось, «вдохновили» Мортимера на подобное кровопролитие: «Окончательно убедили меня в этом вы, мистер Оуэн. Ваша книга. Она подсказала мне саму мысль и предложила пару возможных... подходов. Теперь же, когда все сделано, я должен признаться: меня разочаровало отсутствие кульминации» (619).

Здесь Коу акцентирует внимание читателя еще на одном лейтмотиве, проходящем яркой

нитью через все повествовательное полотно этого романа. Он задается вопросом моральной ответственности автора за свое произведение и тот результат, который оно может вызвать у читателей (зрителей). Нужно ли изображать насилие, если это способствует его распространению в массы? Есть ли вообще разница между насилием на экране и насилием в жизни? Нужно ли повсеместно изображать секс, если это калечит жизнь детям, случайно ставшим свидетелями подобных сцен? Герои Коу на разных уровнях демонстрируют проницаемость и зыбкость того условного предела, что разделяет экран и реальность, книгу и ее читателя. В этом отношении примечателен пример Майкла, ставшего жертвой такого перемещения: «Будто по телеэкрану поползли трещины, и кошмарная реальность вдруг просочилась в наш мир, будто сам этот стеклянный барьер, как по волшебству, стал жидким, и, сам того не осознавая, я Орфеем-сновидцем пересек этот поток» (526).

Готические реминисценции, литературные аллюзии, художественные штампы, обильно приправившие этот роман, на деле оказались призванными подчеркнуть, наглядно показать читателю, что граница между реальностью и сюрреальностью¹⁴ тонка и проницаема, «словно пленка, окружающая земную сферу» (630). Все эти отсылки были поверхностным слоем, скрывающим от читателя глубинную истину о том, что существующая действительность призрачна и относительна и никакие мерки разума, никакие культурные штампы к ней неприменимы. Она движется по направлению к безумному и бессмысленному будущему, и никакая сила не может остановить этот процесс. Герои Коу демонстрируют это на личном примере, они – пылинки в круговороте всепожирающей «черной дыры», уже неспособные ни повлиять на ход событий, ни изменить его. Вот как пишет Майкл о самом себе: «...по жизни мне суждено играть роль робкого, неуклюжего, уязвимого человечка, угодившего в хитросплетения кошмарных обстоятельств, управлять которыми он совершенно не в состоянии» (387).

Писатель Майкл и Табита Уиншоу, два самых ярких персонажа романа Коу, так и не смогли приспособиться к этой действительности. Они оба в силу тех или иных причин утратили «чувство грани», вследствие этого и все остальные ориентиры. Табита Уиншоу так и не смогла преодолеть пугающее притяжение своего прошлого, которое отравило ей жизнь, вытеснив и подменив собой настоящее. Она жила в созданной ею самой реальности, и ее реальность оказалась несовместимой с реальностью подлинной. Майкл Оуэн, хоть и оказался чуть более успешным в попытке преодолеть бремя прошлого, так и не смог адаптироваться к окружающей его действительности. Его детские страхи и переживания, его нездоровая одержимость кинематографической реальностью,

полностью подменившей все вокруг, оградили его от внешнего мира не хуже, чем стены психиатрической больницы сумасшедшую Табиту. Он – такой же узник, готический полу-призрак, запертый в темных коридорах собственной квартиры: «...я увидел отражение собственного лица, призрачно зависшее за моим окном на высоте пятого этажа... глаза припухли от недосыпа и налились кровью от бесконечного разглядывания телевизионного экрана; в уголках рта начали вырисовываться глубокие борозды... волосы, некогда рыжевато-каштановые, теперь были исполосованы седой...» (75). Он находится в плену у собственных иллюзий и переживаний, incapable прорваться наружу без помощи извне. Он двойник самого себя, он – Майкл «реальный» и Майкл «сюрреальный». Так, Майкл пишет о самом себе: «...теперь именно я заблудился в коридоре и, да, это себя видел я на экране, это я находился в одной комнате с самой прекрасной женщиной на свете, это я оказался в капкане старого темного особняка в разгар кошмарной бури в том захудалом маленьком кинотеатре; той ночью – у себя в спальне, а с того мига и навсегда – в своих снах. Там был я» (57–58).

Результат такого двойничества абсурден и закономерен одновременно. Майкл все больше увлекается миром иллюзий, потому что ему гораздо легче быть проекцией, штампом. Он надевает на себя сотни масок и в каждой конкретной ситуации просто играет свою роль по чьему-то заранее продуманному сценарию. И этот сценарий, увы, написан не им, а современной ему культурой. И вместо того чтобы оставаться по отношению к этой культуре зрителем (созерцателем), Майкл незаметно превращается в ее действующее лицо, в актера. Ему на собственном опыте приходится испытать, каково это – «присутствовать при раскрытии какой-нибудь ужасной тайны и неожиданно столкнуться с ложным и самодовольным представлением о самом себе как о стороннем наблюдателе: внезапно понять, что сам глубоко и грязно запутался в паутине мотивов и подозрений, которую собирался разорвать с ледяной отстраненностью чужака» (388).

Постепенно кинематографическая сюрреальность вытесняет еще каким-то чудом бившуюся в нем жизнь, превращая в зомби, обезличенную проекцию бесчисленных культурных штампов. О своем окончательном переходе в сюрреальность Майкл пишет так: «Он медленно поднялся, взял ее под руку, и они вместе сошли с экрана, за левый обрез кадра. Я видел его в последний раз. Что же до меня, я остался сидеть на своем месте. <...> На этот раз из кино уходить не имело никакого смысла» (536). Кинематографическая сюрреальность, разросшаяся до размеров «черной дыры», с сумасшедшей гравитацией увлекает свою новоиспеченную жертву в пустоту, туда, где теряются все мысли и испаряются все значения. Теперь Майкл уже не цельная и самостоятельная лич-

ность, а совокупность проекций, этакий многоликий монстр, фальшивое отражение чьих-то болезненных мыслей.

Потеря Майклом собственного «Я» влечет за собой и потерю нравственных ориентиров, точнее, их полное замещение новыми, бессмысленными и фальшивыми. Показательной в этом отношении представляется сцена, когда Майкл, ненароком «вдохновивший» своей книгой Мортимера Уиншоу на кровавую расправу, из «сюрреального» убийцы-provocатора трансформируется в убийцу реального, вкальвающего Мортимеру смертельную дозу лекарственного препарата. На этом этапе Майкл уже не видит разницы между «сюрреальным» убийством и реальным. Он уже не принадлежит себе, так как после смерти единственно близкого ему человека, Фионы, он сознательно отключил в себе способность критически мыслить. В таком состоянии он попадает под власть обезумевшей Табиты Уиншоу, уже несущейся навстречу вселенской бессмыслице и пустоте. «Убийца убивает убийцу и становится жертвой самоубийцы» – такова, пожалуй, краткая формула заключительных сцен романа, демонстрирующая абсурдность настоящего и обреченность будущего.

Проанализированные персонажи Коу – люди потерянные и запутавшиеся, incapable разорвать сеть кошмарных хитросплетений и хорошо спланированных случайностей. Это – антигерои, показывающие на личном опыте и предупреждающие о том, как легко стать такой же жертвой «сюрреальной» зависимости, надувательства как состояния современной культуры, как незаметно сегодня происходит утрата собственного «Я». Элементы готической поэтики используются автором, во-первых, для передачи этой сюрреальной атмосферы неразличения между действительностью и индивидуальным представлением о ней, между вымыслом и явью, добром и злом, и, соответственно, такая постмодернистская релятивизация придает новые оттенки сатире в романе, служит своего рода противовесом сатирической однозначности, определенности. Во-вторых, уже не на идейно-философском, а на композиционном уровне интертекстуальные отсылки к готической традиции являются важным элементом сюжетного развития, игры автора с читательскими ожиданиями, что ярче всего проявляется в финальной части романа.

Примечания

- 1 См.: Соловьева Н. У истоков английского романтизма. М., 1988. С. 5.
- 2 Монтегю Саммерс/Montague Sammers (1880–1948) – основные работы по готике: «The Gothic Quest: A History of the Gothic Novel» (1938), «A Gothic bibliography» (1940), в которых автор рассматривает исторические истоки и основные составляющие готического романа. Роберт Д. Хьюм/Robert D. Hume (p. 1944) в статье «Gothic Versus Romantic: A Reevaluation of the Gothic

- Novel» (1969) говорит об участии готического романа в становлении романтизма и о его влиянии на читателя. Девендра Варма/Devendra Varma (1923–1994) в работе «Gothic Flame: Being a History of the Gothic Novel in England» (1957) выделяет три школы готического романа: историческая готика (The Historical Gothic Tale), школа напряжения и необъяснимой тревоги (The School of Terror) и школа ужаса (The School of Horror). Дэвид Пантер/David Punter (р. 1949) в исследовании «The Gothic» (2004) рассматривает готику как направление, выделяя основные периоды и закономерности его развития. Элизабет Макэндру/Elizabeth MacAndrew (р. 1924) в исследовании «The Gothic Tradition in Fiction» (1979) рассуждает о психоаналитической составляющей готических произведений. Линда Байер-Беренбаум/Linda Bayer-Berenbaum (р. 1948) в работе «The Gothic Imagination: Expansion in Gothic Literature and Art» (1982) исследует причины возрождения интереса к готическому направлению в XX в. в литературе и искусстве.
- 3 Punter D. The Literature of Terror : a History of Gothic Fictions from 1765 to the Present Day. Second edn : in 2 vol. L., 1996. Vol. 1. P. 12.
 - 4 Cambridge Companion to Gothic Fiction. Cambridge, 2002. P. 211.
 - 5 Фрейд З. Жуткое // Фрейд З. Художник и фантазирование. М., 1995. С. 276.

- 6 Там же. С. 279.
- 7 Там же.
- 8 Там же.
- 9 Kavka M. The Gothic on Screen // Cambridge Companion to Gothic Fiction P. 227.
- 10 Ibid. P. 228.
- 11 Высказывания Д. Коу. URL: <http://jco.e.vuztest.ru/2011/06/28/dzhonatan-kou-o-romane-kakoe-naduvatel/> (дата обращения: 28.08.2012).
- 12 О сатире в романе см.: Hewitt K. [et al]. «What a carve up!» by Jonathan Coe : a commentary with annotations. Perm, 2007 ; Кабанова И., Сорокин П. Тэтчеризм как объект сатиры в романе Джонатана Коу «Какое надувательство!» // Феноменология власти в сатире. Саратов, 2008. С. 215–227.
- 13 Коу Дж. Какое надувательство! : пер. с англ. М., 2003. С. 243. В дальнейшем цитируется это издание с указанием страниц в тексте.
- 14 Связь сюрреализма и готики отмечал еще Андре Бретон, называя Горация Уолпола предтечей сюрреализма (см.: Breton A. Limites non Frontières du Surréalisme // Nouvelle Revue Française. (1937) 48:1 ; translated as : Limits Not Frontiers of Surrealism // Surrealism / ed. by H. E. Read. L. : Faber ; N.Y. : Harcourt, 1936).

УДК 821.161.109-1+929Сурганова

ВРЕМЯ И ВЕЩЬ (на материале поэзии С. Сургановой)

Е. А. Разумовская

Саратовский государственный университет
E-mail: razumovskaja@mail.ru

В статье намечаются подходы к исследованию поэтического и песенного творчества С. Сургановой, анализируются авторские представления о времени и пространстве.

Ключевые слова: время, пространство, вещь, традиция.

Time and Thing (on the Material of the Poetry by S. Surganova)

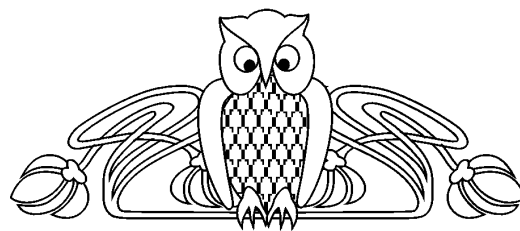
E. A. Razumovskaya

In this article the approaches to the research of the poetic and song heritage of S. Surganova are outlined; the author's ideas of time and space are analyzed.

Key words: time, space, thing, tradition.

В работе 1960-х гг. «О лирике» Л. Я. Гинзбург представила магистральные направления развития отечественной лирики с начала XIX в. и наметила основные линии исследования лирической поэзии:

- способы существования в лирике личности поэта;
- присутствие в лирической поэзии бытового, вещного мира;

– мера традиции и новаторства в лирической поэзии¹.

Современная лирика, хотя и освободившая поэтическую форму и поэтическое слово от традиционных рамок (рифмы, ритма; законов словоупотребления литературного языка), живет и развивается все же в русле существующей традиции. Разрушение формы, к которому привели формальные эксперименты, не ново в мировой поэзии; новизна же современной лирики, как нам представляется, кроется в содержании, выражающем при помощи старых и новых образов изменившуюся реальность и изменившегося человека, иначе говоря, новый взгляд на мир и вещи. Оговоримся, что «новое» здесь не означает «никогда прежде не бывшее», поскольку в лирике, где сила традиции всего очевидней проявляется в новациях и экспериментах, новое – это хорошо забытое старое.

Цель данной работы состоит в том, чтобы на материале рок-поэзии, которая всегда позиционировала себя как авангардная, конфликтная, находящаяся на литературной периферии, но при этом была востребована читательской/слушательской

аудиторией, показать преломление поэтических традиций, проанализировав образный ряд нескольких текстов С. Сургановой, связывающий между собой авторские представления о времени и пространстве посредством вещного мира.

Светлана Сурганова – с одной стороны, автор, воспитанный, по ее собственным многочисленным замечаниям, в русле отечественной лирической традиции, с другой стороны – самобытный поэт, умеющий эту традицию переварить в себе. Творчество ее, на наш взгляд, отчетливо вписывается в общую тенденцию развития отечественной лирики и является если не «узловым», то, во всяком случае, весьма показательным.

Как автор песенных текстов и музыки С. Сурганова выступает с начала 1990-х гг., ее песенные тексты публиковались в составе сборников российской рок-поэзии («Дрянь», 1996; «Цель», 1996; «30 песен Ночных Снайперов», 2002; «Патронташ», 2002) и в антологии «Поэты русского рока» (т. 10, 2005). Творчество ее, тем не менее, остается до сих пор практически не изученным, если не считать многочисленных фанатских размышлений в Сети и емкой характеристики, данной сургановскому творческому стилю К. Арбениным: «Высокий класс смешался с небрежностью – получился стиль. Под небрежностью я подразумеваю одну-две необработанных строки, которые присутствуют в каждом ее творении, будь то песня, стих или проза. Эта простодушная неловкость... и выдает сургановское авторство, она подобна развесистой подписи художника в углу картины – композицию несколько портит, зато добавляет цены...»².

Лирика С. Сургановой городская; бытовой материал ее широк, и пестр, и многопланов, в нем важны и существенны для автора бытовые реалии, которые являются носителями, если даже не общезначимых этических и эстетических ценностей, то во всяком случае ценностей индивидуально значимых. Это отражение общей тенденции развития лирики: «Человек, взятый в его исторической и современной, психологической и житейской конкретности, входил в лирику со своим предметным миром..., со своими бытовыми атрибутами, вовсе уже не условными»³. Поэтому – читаем далее – «в поэзии XX века... повседневное, разговорное слово начинает восприниматься как нормальный лирический материал, не наделенный особым лексическим качеством»⁴.

Городская поэзия означает «вещная», поскольку город – это вещи, окружающие человека, созданные человеком. Город очень предметен. Начиная с прошлого рубежа веков, город в мировой поэзии живет своей жизнью, и эта жизнь предметная, то есть жизнь вещей, наполняющих город. У Р. М. Рильке именно в «городской» книге «Новых стихотворений» родился новый жанр – стихотворение-вещь, стихотворение о вещи. Это была попытка увидеть суть вещей за теми ярлыками, которые на них навесили люди и

традиции восприятия; попытка сказать, что вещи просто есть, независимо от того, что люди (пусть даже их создавшие) о них думают. Существование вещей на страницах «Новых стихотворений» представлено очень личными историями вещей вне их взаимодействия с людьми (вещь, надо сказать, понимается предельно широко, по сути, как любой объект авторского созерцания). Так в 1902–1907 гг. (время написания «Новых стихотворений») родилось представление о бытии вещей, а не людей. Оговоримся, что именно мы понимаем под «вещью» в данной работе. Вещь – понятие пространственное, она расположена в трехмерном пространстве и занимает в нем место, ограниченное четкими координатами.

У вещи в современной поэзии также сохранились важные роли. Она может быть: фоном и деталью человеческого быта; частью городского пейзажа и выступать в такой роли в фигуре поэтического параллелизма, отражая состояние души лирического героя; механизмом, запускающим в действие механизм памяти. Наконец, вещь может стать отправной точкой рождения метафорического образа.

Все эти роли вещи играют и у Светланы Сургановой, в ее поэзии становления, личностного роста и тотального одиночества, поскольку в существующем мире реальны только вещи и только они позволяют зацепиться за миг. Ее поэзия – это своеобразная попытка «остановить мгновение» в мире, где:

На фоне тотальной бессмысленности
всего происходящего
все имеет свой локальный смысл⁵.

Локальный смысл происходящего важен только для его участника/участников и выражен в четких пространственных координатах. Поэтому мир сургановской книги – это мир пространственный и предметный, где любое событие (то есть авторские мысли, чувства, эмоциональные реакции на внешние действия) привязано к вещам. Здесь мы с такой легкостью ставим знак равенства между лирическим героем и автором, за ним стоящим, опираясь на свидетельства друзей С. Сургановой: «Противоречия между автором и лирическим героем нет. Все честно, все – правда»⁶ (П. Малаховский).

Первым образом в череде приведенных станет песенный и очень яркий:

Две последних капли неба,
пять последних капель солнца
по путям трамвайным скользким
пробегутся на рассвете,
и рябиновым пометом
там застынут капли эти...

(Птица певчая, 139)

Стихотворение полно предметных деталей, прячущихся за метафорами, из которых эта – самая яркая. Она складывается из многих элементов, заставляющих резво переключаться каналы восприятия – звукового («две последних капли

неба, / пять последних капель солнца / по путям трамвайным скользким / пробегутся на рассвете») на визуальное (скользкие, блестящие в первых лучах рассветного солнца трамвайные пути, алые капли крови, как ягоды рябины); тактильно-предметного на визуальное (из созвучия рябиновый/рубиновый помет); наконец, замыкая третью строфу на образе несвоевременной и несправедливой смерти сочетанием оксюморонного типа «пять последних капель солнца» и «пробегутся на рассвете».

Из автокомментария узнаем: «О. Г. – феноменальный человек. Огромная, несуразная, но добрейшая, широчайшей души. Великолепный поэт... В Питере мы жили бурно и весело. А потом ее переехал трамвай...» (140). С. Сурганова использует в своей книге прием автокомментирования, возвращая тем самым древнейшую связь сочетанию прозы и стиха в рамках единого произведения (в древнейшем эпосе видна тенденция к вытеснению прозы поэтическими импровизационными кусками повествования; прозаическим фрагментам оставляется функция комментариев). Однако комментарий здесь не предваряет, а заключает стихотворение: он не мешает восприятию и не оказывает влияния на его зарождение. Сначала у читателя появляется свое прочтение, выстраиваются собственные ассоциативные цепочки, к которым потом добавляется некая авторская точка отсчета, которая возвращает читателя с небес на землю, привязывает образ к конкретным и очень реальным координатам. Это не авторская оценка, это просто точка во времени/пространстве конкретной человеческой жизни, которая стала исходной для рождения образа и настроения.

Механизм восприятия произведений современной поэзии читателем/слушателем представляется нам примерно таким, как описал его И. Ф. Анненский в статье «Что такое поэзия?», говоря о современном для него восприятии древнейшей поэзии: «Когда люди перестали различать за невнятным шорохом гекзаметра плеск воды об ахейские весла, дыхание гребцов, злобу наступающего и трепет наступаемого, они стали искать у Гомера новых символов, вкладывать в его произведения новое психическое содержание»⁷. Не суть важно, что современная поэзия от современного читателя не отделяется тысячелетиями; но за каждым произведением новых версификаторов стоят «потемки» – чужая индивидуальность, смысл которой вне контекста реального бытия и быта невнятен. Криптодискурс современной поэзии (выражение Л. Бочаровой) кажется бессмысленным, но завораживает читателя, заставляет искать «“новые”, может быть, в смысле разновидности “вечного”»⁸ символы, рождая глубокие читательские прочтения неглубоких порой авторских текстов, а порой просто остается для непосвященного загадкой без решения.

Автокомментарий Сургановой дает необходимую привязку к ее миру; это ключ к пониманию и

конкретного стихотворения, и ее индивидуального микрокосма: «Ее стихи и верлибры... документальны – своеобразные вещдоки, свидетели событий, происходивших в ее жизни» (К. Левина); «В этой книге Сурганова разрешает себе не только любить читателя, но и доверять ему... Читайте главы с привязкой к системе ее координат...» (С. Иванникова)⁹.

Итак, привязка к системе координат автора дает весьма конкретное прочтение стихотворения, которое вне этой привязки воспринимается едва ли не символическим, запредельным:

Умирает птица певчая.
За туманом скрылось небо.
Кто теперь тебя разбудит
красной ягодой рябины?

Осень дышит. Осень прячет
в землю все, что отболело.
Осень к птице примеряет
белоснежный саван тлена (139).

Первые две строфы разворачивают классический образ поздней осени как периода заката и умирания:

Поздняя осень, грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели
(Н. Некрасов).

Но с обязательным добавлением более оптимистических ноток и красок, знакомых еще по школьному детству (присутствие в сургановских текстах именно «школьных» классиков может стать предметом отдельного разговора):

Унылая пора, очей очарованье,
Приятна мне твоя прощальная краса.
Люблю я пышное природы увяданье...
(А. Пушкин).

Или:

Поздняя осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит.
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит
(Н. Некрасов).

Традиция является составной частью любого литературного произведения и не зависит от времени его создания, стиля и направления, даже от взглядов автора на значение традиции. Опора на традицию в лирике важна как ни в каком другом словесном искусстве: все составные части поэтического языка (метр, размер, слово, строфа), чтобы достичь необходимой степени «многозначности и многозначительности» (Л. Я. Гинзбург), оперируют не только привычными значениями, но и значениями, сложившимися за историю их употребления. Слова в лирике – это концентрат традиции употребления: существует ряд поэтических слов и целых поэтических формул, употребление которых в поэзии исчисляется веками и тысячелетиями. Именно они способны выстроить в сознании читателя важные ассоциативные связи, влияющие на восприятие. Эти ассоциации общезначимы или индивидуальны, то есть зависят от

уровня читателя, от его читательского или жизненного опыта. В то же время при столкновении друг с другом слова способны рождать новые смыслы, выстраивать новые ассоциативные ряды. Практическое большинство слов и образов современного поэтического словаря является бывшими прежде в употреблении, многие из них – затертыми в этом употреблении практически до дыр. Под «затертостью» мы понимаем:

1) возникновение в читательском восприятии устойчивых ассоциаций, вызванных к жизни такими образами: «... едва ли можно указать такую лирическую систему (вплоть до наших дней), в которой традиционные образы не играли бы роль смысловых рычагов, поворачивающих словесный материал»¹⁰;

2) отказ восприятия реагировать на них адекватно контексту. Собственно, это, пожалуй, область совсем уже не литературоведения, а психолингвистики, что-то вроде появления оскомины на зубах при слове «лимон». Так вот, привычка, с одной стороны, стирает силу реакции: затертый образ, хотя и способен вызвать в сознании цепочку ассоциаций, тем не менее, не порождает сильной эмоциональной реакции; с другой – направляет восприятие по наезженной колее, уводя в сторону от авторского замысла.

В стихотворении традиционно сопрягается образ певчей (читай перелетной) птицы с поздней осенью. Чтобы сдвинуть махину традиции и обновить в традиционном образе «старую эмоциональность», которая «сильнее и глубже, чем эмоциональность нового образа, ибо новизна обычно отвлекает внимание от эмоциональности в сторону предметности»¹¹, требуется иной взгляд на вещи.

В стихотворении Сургановой с первого стиха происходит реверсия логического ударения, которое переносится с довольно позитивного образа осени на образ птицы певчей. Это делается с помощью заглавия и первой строки. Птица певчая осенью должна улетать, а не умирать – важнейшее нарушение читательского ожидания. Развитие поэтической мысли и образа также сбивает с устоявшегося стандарта: не «осень – птица», а «птица – осень», рождая устойчивое ощущение образного параллелизма. Вообще стихотворение написано в манере псевдонародной заплачки, с обилием повторов, звучащих как рефрены, в размере дольника, с неточными сплошь женскими рифмами и внутренними созвучиями, и параллелизм здесь – неперемнная принадлежность стиля.

Птица – образ, который обрастает подробностями, тогда как осень остается только фоном, отражением трагедии смерти, в которую трудно поверить и невозможно сразу принять:

Ну давай, давай, родная,
попляши нам за оконцем!

Поэтому смерть трансформируется сначала в сон:

Засыпает птица певчая.

Клонит в сон тоска земная... (139).

А затем персонифицируется в образе Бога, воплощая народнорелигиозное представление о том, что Бог забирает к себе лучших:

Ну а мы, как прежде, стая;
чемоданы слов в дорогу
на прощанье собираем
для твоей прогулки к Богу.
Ну давай, лети, родная!

Там не скоро крылья сложишь.

Ты на жизнь теперь нас старше.

Мы – на смерть тебя моложе (140).

Несмотря на то, что стихотворение имеет конкретного стороннего адресата, оно, в первую очередь, для себя. Это стихотворение-самоуспокоение, очередная попытка перерасти собственные страхи и примириться с неизбежностью. В другом месте и по отношению к тексту другого периода читаем: «О том, что рано или поздно все вернется на круги своя. Мы встретимся с теми, с кем когда-то простились, кого потеряли. Если не в этой, так в следующей жизни. Мое личное поэтическое “самообнадеживание”» (190).

Использование здесь образов стершихся, но обладающих скрытым потенциалом, позволяет построить единый контекст, вписанный в поэтическую традицию, но остающийся предельно личностным, индивидуальным, и при этом оторваться от конкретики, перерасти на уровень глобального обобщения.

Другой песенный текст, более ранний (1992 г.) и без авторского комментария, демонстрирует аналогичную работу с традицией – использование усвоенного сознанием развернутого образа для построения очень личного и вневременного контекста, – стихотворение «Птицы»:

Что вас гонит из города в город?

Кто зовет вас в небесную даль?

Певчие птицы, зерна с ладоней

С детства вы не приучены брать.

Вьюга за окнами, дождь – не преграда.

Есть в крыльях сила – опять не уснуть.

Вас не влечет ни хвала, ни награда,

Певчие птицы, что гонит вас в путь? (95).

Традиция и текст-прототип, на наш взгляд, предельно узнаваемы (к сожалению, неизвестно, вычленил ли ее автор), это лермонтовские «Тучи». Здесь те же три строфы, хотя и развернутые из четверостиший в восьмистишия; четырехстопный дактиль (у Сургановой с переборами стоп и с потерей сплошной дактилической рифмы, но узнаваемый); прямые обращения к вынесенному в заглавие «адресату»; наконец, внутренний сюжет – лирический герой, воплощение авторского голоса как наблюдатель чужой свободы. За строками даже маячит один и тот же город, Петербург («милый север»: «роскошь безлюдных и вымытых улиц, / роскошь каналов и площадей»). Все это заставляет восприятие прогнозировать выводы и авторскую позицию в унисон к лермонтовскому

мотиву вынужденного одиночества как следствия изгнания:

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания

(М. Лермонтов).

Однако сургановский песенный текст, рожденный в русле традиции, развивается иначе. Первая строфа начинается с вопроса, разделяющего адресата и авторский голос, в котором, впрочем, как видно дальше, звучат почти те же интонации, что и в лермонтовских «Тучах»:

Что вас гонит из города в город?
Кто зовет вас в небесную даль? <...>
Певчие птицы, так радостно-больно

мне наблюдать ваш свободный полет (95).

«Почти» объясняется метафорой: «певчая птица» – привычная метафора поэта, к которому автор текста себя не причисляет: «Я убеждена, что поэзия – это высший пилотаж человеческого сознания, вершина его эволюции, и до нее мне, конечно, далеко» (159). Однако образ птицы развивается в тексте в двух пересекающихся плоскостях реальности – метафорической и неметафорической, реальной:

– птица/поэт, птица/свободный человек и

– птица как живое существо с крыльями и перьями (чердачная пыль, пространство неба, коты-птицегопители).

Иные, чем у Лермонтова, и мотивы свободного полета:

Что вас гонит из города в город:
Восторженность яркой, но все же толпы?
Народы? Наряды? Обычаи? Говор?
Непостоянство? И просто коты? (95).

Для Лермонтова вопрос «Что же вас гонит?» риторический, он знает ответ. «Тучки небесные, вечные странники» свободны, потому что безэмоциональны, ничем не связаны: для них не существует понятий «родина» и «друзья», а потому нет боли из-за «клеветы ядовитой» или от разлуки и невозможно изгнание. Их свобода – это не вопрос выбора, это их суть, тогда как несвобода лирического героя/автора навязана ему вопреки его воле. Сургановские птицы тоже свободны, они не связаны материальными узами (ни хвалой, ни наградой, ни золотом клеточных спиц) и независимы от мнений «яркой, но все же толпы». Однако проблема для автора именно в том, что птицы могут, но не желают остаться. Их свобода – это добровольный, но, по сути, бессмысленный выбор, так похожий на человеческие метания от «верю» к «не верю» и наоборот. Иными словами, для современного интерпретатора темы заключающий текст важный вопрос «Что же вас гонит, что?» так и остается без ответа. Из общего контекста творчества очевидно, что за каждым человеком стоит множество связей, поскольку человек – это детальность сиюминутных переживаний:

Балансирует день
на тонкой ниточке с названием «жизнь»,
цепляясь своей макушкой
за шершавые облака.

Дождь кончился.
В звуках ночи теперь различимы
наши с тобой голоса.

Дыхание, синхронное с тактом
стрелки, бегущей по кругу,
усиливает притяжение тел

(Балансирует день, 186),

и сеть опредмеченных воспоминаний о том, что невозвратно:

Когда-нибудь и меня заберет смерть.
Но сначала не моя,
а смерть моих друзей,
по которым истоскуется мое сердце.
Дальнейшее – сумма вычитаний...

Вот сижу на кухне.

Поминаю.

Раздвигаю горизонты воспоминаний,
а те норовят меня заточить
в узкий коридор одиночества (247).

Еще раз скажем, что поэзия Сургановой привязана к вещам; вещи здесь – узловые моменты, с которыми связана человеческая жизнь, а значит, и время. Время у Сургановой тоже вещественно, пространственно, в каком бы образе оно ни выступало – времени ли суток/года, человеческих возрастов или воплощенное в часах и связанных с ними образах, зрительных, слуховых, даже тактильно-осозательных (стрелки, циферблат; круг и движение по кругу; тиканье и бой часов).

Больше того, время здесь не просто вещественно и пространственно, то есть прописано в пространстве, как и другие вещи быта. Человек, как и часы, – совместилище и пространственное воплощение времени; человек здесь выступает как хронотоп, поэтому людей и себя саму автор воспринимает через неразделимые временно-пространственные характеристики:

... моя душа,
как снег зимой,
как небо осенью,
как радуга весной...
нужна... (179).

Или:

Я вижу на лицах людей,
как ночь сменяется утром (183).

Течение времени – это видоизменение вещей:

... помни, ты тоже когда-нибудь
станешь песком
в безбрежной пустыне молчания (183),

и человека (морщины рук, седина, неповоротливость):

... я робко листаю дни,
детство прогоняя в седину (257).

Или:

... я бегу от старости
как от проказы,

окропляя свои сны
горькими слезами воспоминаний (268).

Реальность и осязаемость предметного мира даже привычно бесплотные понятия (время, ожидание, воспоминания/память) делают реальными и осязаемыми:

К нам повернулся подсолнух, и
каждая семечка его циферблата говорила:
«Съешь меня!»
И мы наслаждались,
выплывая шелуху времени (202).

Или:

... На пальцах дней
вышивает судьба крестиком.
В решето падают года,
отсеивая даты (285).

Такое опредмечивание времени возможно благодаря особому к нему авторскому отношению: время может стать вещественным, поскольку оно, прежде всего, человечно, будь то историческое время как принадлежность отдельного народа или человечества в целом или индивидуальное как принадлежность каждого отдельного человека. Последнее в сургановской поэзии важнее, поскольку «Я» для автора является меркой происходящего, не претендующей, впрочем, на универсальность. Ее время – это важные для нее, связанные воедино ее индивидуальностью люди, даты и события настоящего или прошлого, которые «кому-то могут показаться дешевыми стекляшками»¹² (А. Бадестова).

Вещи у Сургановой выполняют функцию пускового механизма воспоминания: они помо-

гают возвратиться ощущениями в другое, уже прошедшее мгновение, словно перенестись туда, не покидая настоящего. Они же являются мостом, связующим между собой прошлое с настоящим. Прошлое поселяется в них надолго, поскольку вещи не эмоциональны, они не имеют и не меняют своего отношения к событиям и людям. По сравнению с людьми-героями сургановских текстов, вещи практически не меняются, и то, что уходит из отношений между людьми, остается жить в вещах; прошлое в них обретает реальное воплощение в настоящем.

Примечания

- ¹ См.: Гинзбург Л. О лирике. М.; Л., 1984.
- ² Арбенни К. Антология новейшей Санкт-Петербургской словесности. Вып. 6. URL: http://arbeninoy.net/arbenin_article.html (дата обращения: 05.11.2012).
- ³ Гинзбург Л. Указ. соч. С. 229.
- ⁴ Там же. С. 234.
- ⁵ Сурганова С. Тетрадь слов. СПб., 2012. С. 290. Далее произведения С. Сургановой цитируются по этому изданию с указанием страниц в тексте.
- ⁶ Там же. С. 8.
- ⁷ Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 204.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Сурганова С. Указ соч. С. 9, 11.
- ¹⁰ Гинзбург Л. Указ соч. С. 226.
- ¹¹ Тынянов Ю. Блок // Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 248–249.
- ¹² Сурганова С. Указ соч. С. 8.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070(470+571)|1898/1904|

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖУРНАЛА «МИР ИСКУССТВА»

А. Г. Асташкин

Башкирский государственный университет, Уфа
E-mail: for-materials@yandex.ru

В статье определяются системные признаки особого типа издания, возникшего в начале XX в., – журнала-манифеста. Дается типологическая характеристика первого представителя данного типа СМИ: журнала «Мир искусства».

Ключевые слова: журнал-манифест, «Мир искусства», Дягилев, Философов, Бенуа, история журналистики, типология СМИ.

Typological Characterization of *Mir Iskusstva* (The World of Art)

A. G. Astashkin

The article defines system features of a special type of periodical that emerged in the early XXth century – a journal-manifesto. The typological assessment of the first representative of this type of media – of the journal *Mir Iskusstva* (World of Art) – is made.

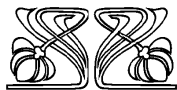
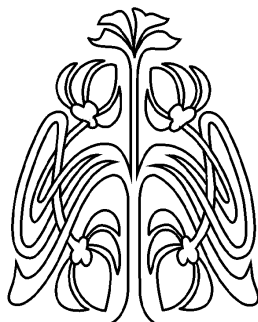
Key words: journal-manifesto, *Mir Iskusstva*, Diaghilev, Filosofov, Benoit, history of journalism, media typology.

К началу XX в. представители «нового искусства» отошли от первоначальной позиции бунтарей-декадентов и ощутили необходимость в конструктивном диалоге с публикой. Такой диалог предполагал детальную разработку собственных программ и их реализацию в художественных произведениях и был возможен лишь на страницах журналов.

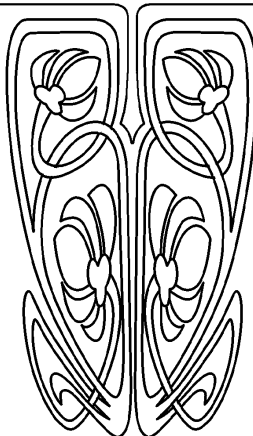
Русская журналистика на тот момент не имела форм, которые бы соответствовали требованиям модернистов. Перед представителями новой культуры остро встал вопрос о создании собственного печатного органа, нового не только по содержанию, но и по своим типологическим характеристикам. В более мобильной западной журналистике можно было найти достаточно примеров узконаправленных изданий, посвященных определенному кругу проблем и решению конкретных задач. Опираясь на западный опыт, русский модернизм создал свой особый тип журнала-манифеста, адаптированный для разработки и реализации принципов художественно-эстетических течений.

Первая попытка создания собственного печатного органа была предпринята художественным объединением «Мир искусства». К концу 1890-х гг. объединение пришло к идее последовательного продвижения и разъяснения собственных творческих принципов. С этой целью были созданы журнал «Мир искусства» и выставочное объединение под эгидой издания. Будучи в течение некоторого времени единственным полноценным изданием модернистов, журнал объединял несколько очень разных художественных течений, относящихся к различным сферам художественной культуры. По большому счету, их роднили только три вещи: оппозиционность к доминантной культуре, необходимость высказаться и отсутствие такой возможности.

Типологические характеристики журнала-манифеста еще до конца не определены, и само его существование как самостоятельного и полноценного типа издания является пока вопросом дискуссионным.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Типологический анализ данного типа СМИ осложняется еще и исторической составляющей. Структура читательских аудиторий, характер информации и информационные запросы в то время существенно отличались от нынешних, что снижает эффективность большинства современных вариантов типологии, справедливых лишь для современного нам материала. Кроме того, велика роль социокультурных и политических факторов, не относящихся к системе СМИ напрямую, но, тем не менее, существенно искажающих реальное функционирование типологической модели, что делает необходимым конкретизацию и уточнение системных признаков СМИ данного исторического периода при анализе определенного типа издания.

Я. Н. Засурский указывает, что применение концепции «архетипа» в типологическом анализе не совсем верно, поскольку «типологический анализ, с одной стороны, предполагает анализ каждого издания и программы на фоне уже существующих, что требует рассмотрения изучаемого СМИ с точки зрения того, имеет ли оно свою информационную нишу и насколько точно в нее вписывается именно сейчас, в данной массово-информационной ситуации, а это, во-вторых, значит, что типы изданий и программ весьма чувствительны к диалектике жизни СМИ в связи с изменениями в составе и характере совокупной аудитории и в зависимости от сложившейся структуры изданий и программ»¹.

А. И. Станько пишет, что «типологическая общность печатных органов обуславливается социально-экономическими, идеологическими, литературными, эстетическими и другими факторами, и при ее рассмотрении нельзя игнорировать идейно-политического размежевания изданий в условиях антагонистической общественной формации»².

Г. В. Жирков, говоря о социально-политических факторах в типологии, подчеркивает, что «типология печати – это система типов периодических изданий, которая отражает социально-классовую структуру общества и охватывает социальную информацию и практикой все группы населения»³.

Е. П. Прохоров так же отмечает, что «при формировании конкретных изданий и программ “внутри” каждого из типов журналистики действуют конкретизирующие типобразующие факторы, определяющие специфику изданий и программ. К ним относятся прежде всего социально-политическая направленность, совокупность проблемно-тематических линий, аудиторная ориентированность, периодичность, регион распространения, творческий облик и др.»⁴.

Как правило, исследователи выдвигают в качестве решающего фактора, формирующего тип издания, целевой или аудиторный фактор.

Так, М. В. Шкондин выделяет следующие существенные для типологического анализа признаки СМИ:

– технологические – используемые коммуникационные технологии; формат изданий и программ; тираж, объем издания, продолжительность вещания; периодичность выхода, время выхода;

– экономические, в соответствии с которыми СМИ различаются по формам собственности; по характеру инвестиций, преобладающих в редакционном бюджете; по результатам хозяйственной деятельности;

– аудиторные, классифицирующие СМИ по характеру различных аудиторных групп;

– редакционные признаки;

– характер, тип информации;

– целевое назначение СМИ – в зависимости от характера осуществляемых функций;

– организационные признаки – по характеру учредителей, издателей, владельцев СМИ, реализующих эти цели, использующих различные организационные модели: организационно-правовые, организационно-политические, организационно-экономические.

Интегративным признаком определенного типологического множества изданий является схожий коммуникативный результат каждого из них, а также результат функционально-целевой⁵.

Основными типобразующими признаками Я. Н. Засурский называет характер аудитории, предметно-тематическую направленность, целевое назначение, время выхода, периодичность⁶.

С. Г. Корконосенко предлагает деление периодики: по региону распространения, учредителю, аудиторной характеристике, издательским характеристикам, легитимности, по содержательному наполнению (качественная и массовая)⁷.

В. В. Тулупов, говоря о всей совокупности типобразующих факторов, подразделяет их на объективные, объективно-субъективные и субъективные. К группе объективных факторов, существующих как данность, влияющих как бы извне, относятся общественно-экономическая формация, тип общества, социально-экономическое положение и политическая ситуация в ареале распространения, законодательная база, конъюнктура информационного рынка, своеобразие потенциальной читательской аудитории, технологический фактор. Группу объективно-субъективных факторов, учитывающих природу журналистики как особого рода деятельности и определенного вида СМИ, напрямую зависящих от владельца, учредителя, издателя, редактора, составляя цель (политическая, экономическая, «престижная»), тип информации, профессиональные и этические стандарты, характер информирования, маркетинго-менеджмент, целевая читательская аудитория, авторский состав, организационная структура редакции, внутренняя структура, жанры и формы подачи материалов, язык и стиль, география материалов, реклама, дизайн, объем (формат, количество «тетрадей»), тираж (количество экземпляров, структура тиража), периодичность

(частота, день и время выхода), ареал и характер распространения⁸.

Л. Л. Реснянская отмечает, что наиболее распространенным и актуальным является деление печатных изданий на универсальные и специализированные. Универсальные представляют собой модель «для всех обо всем», они реализуют все базовые функции СМИ и охватывают все сферы общественной жизни. Специализированные издания могут иметь модели:

- «для всех не обо всем» (тематическая);
- «не для всех не обо всем» (ограничение аудитории и тематики – профессионально-отраслевые, женские, мужские, детские).

Помимо этого Л. Л. Реснянская выделяет издания смешанного типа, объединяющие черты универсальных и специализированных: «обо всем для единомышленников»⁹.

А. Г. Бочаров выдвигает 5 основных типологических признаков журнала:

1) целевое (функциональное) назначение издания:

- воздействовать на самосознание народа и выражать его (соответствует пропагандистским и воспитательным функциям публицистики);
- содействовать совершенствованию государственной структуры;
- удовлетворять духовные запросы личности, потребности в самообразовании и т. д.;

2) предмет или отображаемая сфера действительности (политика, культура, наука, техника и т. д.);

3) «родовая» принадлежность издания, определяемая взаимодействием первых двух критериев (журнал общественно-политический, литературно-художественный, научный, технический, производственный, развлекательный);

4) характер аудитории (массовая, специализированная, профессионально-производственная, научная);

5) характер изложения, включающий в себя все способы отображения информации в издании – текст, иллюстрации, фотографии и т. д. (популярный, иллюстрированный, художественный, теоретический, профессионально-технический).

Автор отмечает социокультурную природу и относительную универсальность указанных им типологических признаков, релевантных в разные временные промежутки и в различных странах. «Поскольку основные типы складывались исторически и параллельно во всех странах, то, как правило, в типовых особенностях сохраняются жизнеспособные и ценные традиции, которые материализуются во внешнем объеме, формате, структуре журнала»¹⁰.

Соглашаясь с этими выводами, А. И. Акопов расширяет базу типологических признаков, включая в их состав издающий орган, читательскую группу, задачи и программу, авторский состав, внутреннюю структуру, жанры, оформление, периодичность, объем одного номера, тираж¹¹.

Б. И. Есин, поднимая вопрос о проблемах типологических исследований, говорит об универсализации типологических признаков и положительно отзываясь о работах А. Г. Бочарова и А. И. Акопова¹².

По нашему мнению, применительно к журналу-манифесту мы имеем следующую цепочку первичных типологических факторов: «издающий орган – задача – аудитория».

Для организации журнала-манифеста нужна воля художественного объединения, почувствовавшего необходимость диалога с аудиторией. Журнал-манифест, в первую очередь, удовлетворяет потребности издателя в донесении информации до аудитории.

Основная цель журнала-манифеста – дать возможность донести до аудитории базовые принципы того или иного художественного направления и дать оценку социокультурного контекста с определенных эстетических позиций. Такие заявления выходят за сферу искусства, что соответствует социформирующим функциям журналистики и делает данный тип издания полноценным участником массовой коммуникации в информационном пространстве своего времени. Вторая фундаментальная задача – демонстрация аудитории «продукта», произведенного в рамках провозглашенной эстетической концепции, создание коммуникативного канала для ознакомления читателей с произведениями искусства, выполненными в рамках соответствующего художественного течения. В этой ипостаси журнал-манифест сближается с художественными альманахами.

Художественная культура в журнале-манифесте приобрела самоценность, освобождаясь от иллюстративных задач, которые ставил перед ней традиционный «толстый» журнал. Тем не менее произведения искусства, помещаемые в журнале, испытывали влияние контекста и эстетической позиции издания. Идеология журнала ограничивала и подчиняла себе образцы художественной культуры, представленные в издании, нередко предпочитая строгое соответствие произведения эстетическим и техническим принципам их культурной ценности. Таким образом, две основные задачи журнала вступали в конфликт. Во многом поиском баланса между идеологической и эстетической составляющей в журнале-манифесте и обуславливалось развитие данного типа издания.

Журнал-манифест в своей зрелой, устоявшейся форме имел достаточно малочисленную образованную столичную аудиторию, понимающую проблемы культуры и искусства и интересующуюся ими, которую мы можем охарактеризовать как специализированную. В качестве издателей выступали организации и объединения, сформировавшиеся внутри нового художественного направления. Типологические факторы определяли технологические признаки издания: редкая

периодичность, невысокий тираж, ограниченное распространение (основной тираж расходился в пределах двух столиц).

Первые номера «Мира искусства» обладали четкой внутренней организацией, оптимально приспособленной для решения поставленных перед данным типом издания задач. В разделе «Художественная промышленность» публиковались программные общетеоретические и аналитические статьи, призванные донести до читателя принципиальные моменты художественного мировоззрения и культурные ориентиры издающей журнал группировки. В первый год существования журнала к публикации допускались главным образом работы основных участников объединения. Раздел «Художественные хроники» был призван на практике доказать жизнеспособность и функциональность общетеоретических манифестов. Здесь же публиковались основательные полемические статьи авторитетных авторов. Раздел «Заметки» был средством «быстрого реагирования» на события в сфере общественной жизни и культуры, позволяющим оперативно оценить происходящее либо ответить на выпад со стороны «идеологического противника». Стоит напомнить, что изначально задуманная и заявленная периодичность издания – два раза в месяц. Редакция пыталась сделать журнал максимально оперативным, дабы своевременно реагировать на происходящие события.

Четкая структура журнала была нарушена с приходом в него религиозных символистов. Не будучи допущенными до основного раздела, они публиковали свои программные статьи в «Художественной хронике» – более «демократичном» разделе. Уже в первый год существования в издании появились общетеоретические и аналитические статьи участников «внешнего круга» объединения, расшатывавшие первоначальную идейную монолитность, свойственную первым номерам журнала. До получения собственного отдела религиозные символисты старались не противоречить художникам, но слишком значимая разница в идеях двух лагерей журнала и ориентация литераторов на реализацию собственной программы размыли его структуру. На второй год издания в журнале открылся самостоятельный литературный отдел, ставший аналогом «Художественных хроник» для религиозных символистов. Это привело к фактическому разделению «Мира искусства» на две относительно самостоятельные части. Попытки С. П. Дягилева «скрепить» журнал с помощью иллюстративного материала вызвали у литераторов лишь непонимание и раздражение.

После ухода литераторов в отдельный печатный орган возврата к первоначальной структуре уже не произошло. В последний год «Мир искусства» вновь распался на несколько относительно независимых частей, объединенных общим названием. Это объясняется различными устремлениями лидеров редакции.

Жанровая структура журнала соответствовала его манифестарным и полемическим функциям. Наиболее актуальными формами публицистики, реализующими данные цели, стали аналитическая статья, позволяющая дать глубинный анализ художественных и социокультурных явлений, рецензия и критическая статья, разбирающая конкретные произведения искусства, и заметка, позволяющая оперативно высказаться по поводу того или иного события либо ответить на «выпад» противника. Достаточно активно использовались форма открытого письма и комментируемая публикация переписки с редакцией. В качестве основного инструмента, позволяющего озвучить основные постулаты художественного объединения, стоящего за журналом, выступила общетеоретическая и аналитическая статья – наиболее удобная для неторопливого и обстоятельного разговора с читателем.

Новый журнал открывался манифестом, подписанным редактором. В первых двух спаренных номерах была помещена общетеоретическая статья «Сложные вопросы»¹³, автором которой принято считать С. П. Дягилева. Однако И. Зильберштейн в работе «Дягилев и “Мир искусства”», опираясь на неизданные воспоминания В. Ф. Нувеля, утверждает, что автор статьи – Д. В. Философов¹⁴, соратник С. П. Дягилева. Соглашаясь с доводами исследователя, мы вынуждены отметить тот факт, что в своих дальнейших исторических и критических публикациях С. П. Дягилев достаточно последовательно реализует основные положения статьи, что не позволяет нам окончательно отказать ему в авторстве. «Сложные вопросы» есть выражение коллективной позиции лидеров редакции (С. П. Дягилева и Д. В. Философова) на момент создания журнала.

«Сложные вопросы» определили тенденции развития журнала, а во многом и всего художественного объединения. Эпиграфом статьи служило высказывание Микеланджело: «Тот, кто идет с другими, не опередит их»¹⁵. Тем самым автор статьи сразу очертил позицию издания, заявив принципиальную новизну журнала, сознательно отстранившись от ближайшего художественного окружения.

Один из основных тезисов статьи – принципиальное неприятие «утилитаризма» и «направленства» в искусстве – призывал освободить художника от служения любой «вне его лежащей цели», будь то подчинение «противохудожественной теории социализма» или проповедь «христианских добродетелей». Автор отмечал упреки в декадентстве, утверждая, что его соратники еще не выстроили того здания, с которого можно было упасть «во всем величии» предыдущих заслуг. Получается, что он опосредованно отнес к декадентам представителей современной ему реалистической традиции, чье время славы, по его мнению, осталось в прошлом.

Вторая часть статьи «Сложные вопросы» (1899, № 3–4) была посвящена выражению основ-

ных художественных принципов создания и критики художественных произведений. Публикация сочетала в себе черты теоретической и аналитической статьи, затрагивая как глобальные проблемы, такие как собственное понимание прекрасного участниками движения, утверждение вечного процесса преемственности художественных направлений (предмет отображения – тенденция, тип информации – базисная), так и относительно локальные аспекты, связанные с самоутверждением издателей (предмет отображения – проблема, тип информации – рефлексивная и нормативная). Аргументация автора, преимущественно ценностная, была несколько нехарактерной для данного типа материалов и обуславливалась спецификой объекта отображения. Автор сравнивал концепции и художественные явления, используя собственную «мирискусническую» систему координат. Форма данной статьи монологическая, но стиль больше напоминает публичное выступление, что предполагает наличие слушателя. Стоит отметить, что автор статьи использовал исключительно множественные формы местоимений (мы, нас и т. д.), говоря от имени всего художественного направления (что, в общем, и позволяет назвать данную статью манифестарной).

Позиция автора «Сложных вопросов» была принята не всеми участниками редакции. «Не думайте, что мы солидарны с ним во всем», – писал К. А. Сомов Е. Н. Званцовой в декабре 1898 г. по поводу передовой статьи. Также он критиковал издание в письме к своему отцу в январе 1899 г.: «Журнал вместо свободного и независимого и справедливого делается партийным и односторонним»¹⁶. Не нашла отражения в журнале и позиция третьего лидера издания – А. Н. Бенуа. Одновременно с С. П. Дягилевым и Д. В. Filosoфым он написал собственную статью – «О повествовательной живописи», которая не попала на страницы журнала (публикация состоялась только в 2004 г.).

В начале этой статьи автор с пристальным вниманием рассматривал композиционное построение картины П. Брейгеля «Кесарева перепись», следя за событийным рядом картины. Далее он отстаивал значение сюжета в живописи, приводя в пример Рембрандта, А. фон Менцеля, И. Е. Репина. Он доказывал несостоятельность теории «бессюжетной живописи», отказа от повествовательности как чего-то «чуждого» самой сущности изобразительного искусства: «Я ни за что не позволил бы тащить в грязь живопись повествовательного характера, доставляющую нам столько наслаждения <...> Я считаю важным в наше путаное и сбитое время по мере возможности подтвердить то, что в старом хорошего, и стараюсь хоть кое-что спасти от разгрома»¹⁷.

Соответствуя в своих типобразующих признаках жанру аналитической статьи, обладающей индуктивной структурой (от анализа частной ситуации к анализу тенденции), данный материал

демонстрировал новую для того времени манеру изложения. А. Н. Бенуа не навязывал аудитории категорических утверждений, как это было принято у критиков того времени. Он не декларировал чего-либо и не пытался навязать своего мнения читателю, как это делали С. П. Дягилев и Д. В. Filosoфов в своей статье.

Стоит также отметить специфическую «субъективную» систему аргументации. А. Н. Бенуа пытался разобраться в проблеме, вникнуть в ее суть, поделиться с читателем не только своими убеждениями, но и сомнениями, то есть он не предлагал готового ответа на все вопросы, а приглашал читателя пройти весь «путь познания» сложной природы художественного творчества вместе с автором статьи. При этом неизменным условием такого познания стало проникновение во внутренний мир художника.

Бесконфликтная исследовательская работа, акцентирующаяся на процессе анализа, но не на его результате, содержала больше вопросов, чем ответов, больше сомнений, чем утверждений. Как по своей структуре, так и по характеру изложения статья художника не годилась в качестве основной манифестарной статьи.

Н. Рейн, прокомментировав эту статью¹⁸, отметил ее несоответствие редакционному тону издания и идеям, пропагандируемым Д. В. Filosoфовым и С. П. Дягилевым. Вслед за А. Н. Бенуа автор был удивлен несоответствию между текстом статьи «Сложные вопросы» и размещенными в тех же номерах репродукциями картин В. М. Васнецова. Н. Рейн, исследуя историю первых публикаций «Мира искусства», писал: «При этом до сих пор нельзя не удивляться непоследовательности редакторов “Мира искусства”: после огромной подборки картин Васнецова, открывающей журнал, сразу же следует проникнутая духом отрицания статья С. П. Дягилева, полностью перечеркивающая их художественную значимость. О степени несогласованности мнений, в частности, по данному конкретному поводу свидетельствует сам А. Н. Бенуа: “...позже выяснилось, что вообще первый выпуск следует в значительной степени считать делом Filosoфова, и это он именно скорее из каких-то тактических соображений навязал Васнецова, настоял на том, чтобы ему было уделено столько места”»¹⁹.

Причина отказа в публикации статьи А. Н. Бенуа как основной понятна. «Мир искусства», по крайней мере в своих первых номерах, соответствовал типу журнала-манифеста. И «открывающая» журнал публикация должна была быть яркой и эпатажной, чтобы привлечь внимание аудитории к самому изданию и стоящим за ним издателям. Автор редакционной статьи, вышедшей в первом номере, хорошо это понимал, и его статья с явным приглашением к полемике, несмотря на все противоречия, как нельзя лучше соответствовала этим требованиям.

Однако открытым остается вопрос, почему статья А. Н. Бенуа не была опубликована на правах рядового материала. Она вполне могла занять свое место в «Художественной хронике» как пример новой критики, строящейся в согласии с заявленными ранее принципами журнала. Возможно, причина – в неуверенности в своих силах художника как критика, возможно – в личной обиде А. Н. Бенуа на С. П. Дягилева.

С первых номеров сам журнал и его выставочная деятельность стали объектом нападков и со стороны приверженцев традиционного искусства, и со стороны других модернистов.

А. И. Богданович в работе, озаглавленной «Критические заметки», публикуемой им в каждом номере издания «Мира божьего», писал о «декадентах»: «Ни сами они, ни то, что они проповедают, не имеет значения и не разовьется в будущем. Это беспочвенное, наносное явление, любопытное только как признак некоторой неудовлетворенности художественной формой, в которой искусство до сих пор отливало. Что такая неудовлетворенность есть, это несомненно, и она сама по себе явление знаменательное»²⁰.

С точки зрения жанровой организации «Критические заметки» А. И. Богдановича были синкретичны и являлись обзором художественной жизни за истекший месяц с интегрированными небольшими рецензиями на наиболее яркие ее явления. Актуальной новостной информации публикации не содержали (что объясняется их периодичностью), «заметки» в названии указывали скорее на относительную оперативность и лаконичность освещения событий. Обращал на себя внимание ироничный и пренебрежительный стиль, в котором автор писал о мирискусниках. А. И. Богданович не полемизировал с «Миром искусства» и не вызывал его авторов на диалог. Он просто не принимал объединения всерьез, игнорировал как явление, не заслуживающее пристального внимания. Показательно, что во всем тексте не были упомянуты ни название журнала, ни фамилии участников, чтобы не привлекать внимания читателя к «пустякам». Подобный подход «избегания» фактического материала привел к оценке деятельности модернистов без фактического ее обоснования. Единственным «гарантом» выступил авторитет критика.

В. В. Стасов, известный и уважаемый автор, ведущий критик передвижничества, оценивая первые книги «Мира искусства» в газете «Новости и биржевая газета», опубликовал две резкие (если не откровенно скандальные) полемические статьи (первая, «Нищие духом», вышла 5 января; вторая, «Подворье прокаженных», – 8 февраля 1899 г.), где не ограничил себя ни в характеристиках, ни в эпитетах: «Разве у нас, в России, выдуманы слова “декадент”, “декадентство”? Никогда. Они придуманы на Западе, и их назначение – клеймить ту секту, которая большинству людей противна, гадка и невыносима, как безобразия, как насило-

вание природы, как искажение ее, как поклонение тому, что безумно по содержанию и бестолково по форме...

Декадентский журнал даже так расхрабрился, что обещает переворотить у нас все вверх дном. Пока еще журнал не успел появиться, они хвастались печатно, что он “должен совершить переворот в нашем художественном мире, так же как и в публике”. Прекрасный переворот! Напаялит нам отношенное в других местах отрепье!

Но довольно. Непримируемая вражда – этому негодному декадентству со стороны всякого здорового, еще не искривленного в мозгу человека!»²¹

Критик также не принял нового направления всерьез. Он откровенно бранил мирискусников, давал оценки, основанием которых выступила система ценностей классического передвижничества.

Стоит обратить внимание на формат издания, в котором были размещены статьи. Для публикации приговора «Миру искусства» (а учитывая тон публикаций и авторитет автора, именно как приговор их и стоит воспринимать) критик выбрал тип издания, рассчитанный на предельно широкую аудиторию, – газету. В. В. Стасов создал яркий негативный эмоциональный образ нового издания и его участников у широкой публики, лишенной доступа к первоисточнику, не рассчитанному на массового читателя. Способный оказать определенное влияние на специальные аудитории, связанные с производством культуры, журнал оказался абсолютно неэффективен в работе с широкой читательской публикой. Нельзя забывать, что некоторые участники издания, в частности С. И. Мамонов, видели читателя журнала далеко за пределами профессионально-творческой сферы. И если в случае сотрудничества с «Северным вестником» модернисты были неинтересны широкой аудитории, то на этот раз модернистов к широкой аудитории просто не допустили.

С. П. Дягилев пытался вступить в полноценную полемику с В. В. Стасовым, с которым имел знакомство, на страницах той же газеты, однако получил отказ. Ни к чему не привело и обращение с просьбой о помощи в публикации к самому В. В. Стасову. Возможности ответить на критику в равноценном по масштабу издании мирискусники были лишены. Мнение враждебных критиков, следовательно, осталось для читателей неоспоримым и определяющим.

Журнал «Мир искусства» привлек внимание различных художественных сил, недовольных современным им положением дел в сфере художественной культуры. Ощущение близкого конца очередной эпохи, стремление к обновлению русской художественной культуры стало объединяющим началом, позволяющим представителям различных, порой взаимоисключающих направлений сосуществовать в одном издании. Рожденный как журнал-манифест, «Мир искус-

ства» под влиянием художников одноименного объединения развивался в соответствии с логикой данного типа издания. Сформировавшейся к тому времени аудитории были предложены программы главных участников издания. В рамках практической реализации теории, озвученной в манифесте, были пересмотрены различные социокультурные явления, влиятельные персоны, продемонстрированы произведения искусства. С учетом поставленных перед изданием целей были сформированы новые принцип художественной критики и тип художественного критика, оптимизирована система жанров журналистики. Через печатную полемику с идеологическими противниками постулаты объединения конкретизировались и утверждались в сознании как непосредственных читателей издания, так и широких масс, воспринимавших информацию журнала опосредованно.

Однако само объединение «Мир искусства» было неоднородным. И журнал был печатным органом не только «ядерной группы», но и объединения в целом в самом широком его понимании. Актуальность журнала как канала доступа к аудиториям была чрезвычайно высока, что породило напряженную внутреннюю конкуренцию между двумя основными группировками журнала – художественной и литературной. Раскол, едва заметный в первых номерах, с утратой ведущих позиций художниками журнала привел к фактическому разрушению первоначальной концепции. Одна из целей журнала-манифеста – конкретизация и подробная разработка идеологических основ издающего журнал объединения – не была выдержана. В серии конфликтов в процессе уточнения идей от издания отошел ряд первоначальных участников (М. К. Тенишева, Н. К. Рерих, И. Е. Репин, В. А. Серов). Те же, кто остались, получили относительную самостоятельность и начали реализовывать собственные художественные программы. Со второго года своего существования наличие нескольких манифестов в одном издании стали деформировать его жанровую структуру. Целому ряду публикаций был свойственен специфический жанровый синкретизм, обусловленный желанием авторов реализовать собственные задачи и необходимостью соответствовать концепции и логике журнала в рамках конкретного материала. «Мир искусства» перестал соответствовать модели журнала-манифеста. Каждая его часть отвечала целям, поставленным перед ведущим художественным объединением (главный типобразующий признак), что обуславливало усложнение структуры издания. Появление нового полноценного раздела, фактически подконтрольного другой издающей группе, привело к раздвоению структуры издания. Внутри журнала, между его отделами, находящимися в состоянии конфликта, велась явная и скрытая внутренняя полемика, что позволяет нам говорить о «Мире искусства»

как о микромоделю будущей модернистской журналистики.

Примечания

- 1 Типология периодической печати. Проблемы и тенденции развития типологической структуры современной периодики : учеб. пособие / под ред. Я. Н. Засурского. М., 1995. С. 16–17.
- 2 Станько А. Становление теоретических знаний в периодической печати России (XVIII в. – 60-х гг. XIX в.). Ростов н/Д, 1986. С. 18.
- 3 Жирков Г. Советская крестьянская печать – один из типов социалистической прессы. Л., 1984. С. 165.
- 4 Прохоров Е. Введение в теорию журналистики. М., 2000. С. 210.
- 5 См.: Типология периодической печати : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М. В. Шкондина, Л. Л. Реснянской. М., 2007. С. 37–38.
- 6 См.: Система средств массовой информации России : учеб. пособие для вузов / под ред. Я. Н. Засурского. М., 2001. С. 34.
- 7 См.: Корконосенко С. Основы журналистики : учебник для вузов. М., 2004.
- 8 См.: Тулунов В. Теоретический и практический аспекты типологии печатных периодических изданий // Электронный журнал «Relga.ru». 2007. № 8. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1970&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 28.02.2011).
- 9 См.: Реснянская Л. Общероссийские газетные издания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2000. № 4. С. 3–14.
- 10 Бочаров А. Основные принципы типологии современных советских журналов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1973. № 3. С. 32.
- 11 См.: Акопов А. Типология советских научно-технических журналов : дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.
- 12 См.: Есин Б. Еще раз о типологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2005. № 6. С. 65–70.
- 13 См.: Мир искусства. 1899. № 1–2, 3–4.
- 14 См.: Зильберштейн И. Дягилев и «Мир искусства» // Искусство / автор-сост. Г. В. Наполова. Минск, 1998. С. 277–286.
- 15 Мир искусства. 1899. № 1–2. Т. 1. С. 1.
- 16 Сомов К. Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979. С. 66–67.
- 17 Рейн Н. Александр Бенуа и «Мир искусства». О несостоявшейся публикации // Русское искусство. 2004. № 3. URL: <http://russiskusstvo.ru/authors/89/a279> (дата обращения: 27.02.2012).
- 18 Там же.
- 19 Там же.
- 20 Мир божий. 1900. № 1. II отд. С. 4.
- 21 Стасов В. Избранные сочинения : в 3 т. Живопись, скульптура, музыка. М., 1952. Т. 3. Нищие духом. С. 232–238.

УДК 070 (47+57) |1921 / 1929|+821/161/109+929Полонский

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ГАЗЕТНОЙ СЛОВЕСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ 1920-Х ГОДОВ

А. Р. Муляева

Саратовский государственный университет
E-mail: aliya.rezepova@gmail.com

В статье анализируется деформация границ между литературным и газетным текстом, произошедшая в 1920-е гг. В работе обозначены причины и последствия нивелирования границ между двумя словесными искусствами. Предметом исследования послужили опубликованные и архивные работы В. П. Полонского и страницы журнала «Печать и революция».

Ключевые слова: литературный и газетный текст, 1920-е гг., Вяч. Полонский, теория «Социального заказа».

Interaction Between Literary and Newspaper Discourses in the Context of 1920s

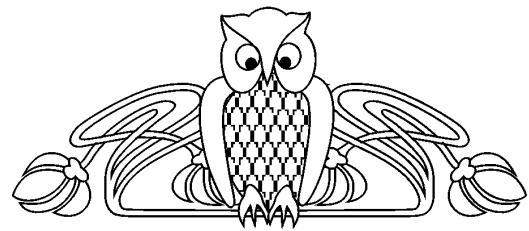
A. R. Mulyaeva

The article analyzes the deformations of boundaries between literary and newspaper texts which took place in the 1920s. The paper identifies reasons and consequences of the levelling of boundaries between the two kinds of verbal art. The research is based on the published and archival works of V. P. Polonsky and pages of the magazine *Pechat' i Revolutziya* (Press and Revolution).

Key words: literary and newspaper text, 1920s, Vyach. Polonsky, theory of «Social Imperative».

Культурная революция, провозглашенная вскоре после победы революции социалистической, повлекла за собой не менее ожесточенную гражданскую войну в советском обществе. Работа по созданию новой культуры шла в двух противоположных направлениях: с одной стороны, выделялись и закреплялись в сознании советских граждан новые идеологемы и ценности, а с другой, подвергались вульгаризации и уничтожению традиционные представления о культуре. В зону риска попали такие широкие категории, как искусство, творчество, литература и др. Г. А. Белая справедливо называет эту деятельность властей «сменой кода» и драматическим процессом «селекции общечеловеческих ценностей и подмены их “ценностями” революционной культуры»¹. Установка на создание культуры нового типа породила дискуссии о новых методах создания литературных текстов и новых требований, предъявляемых к ним.

Неустойчивая ситуация в стране и потребность в оперативном истолковании происшедших изменений требовали новых методов обращения к огромной и дифференцированной аудитории. Советская власть, в беспрецедентно короткие сроки подавившая в государстве

развитие политической жизни, взяла курс на интеллектуальную унификацию, достижение которой было возможно при условии создания единого советского дискурса и формирования тождественного восприятия социалистического государства. В сложившейся ситуации обращение к литературе как «помощнице» газетной и журнальной прессы было вполне закономерным. Влияние художественного слова на сознание масс было огромным, в партийных документах говорилось, что именно литература «является чрезвычайно важным средством идеологически художественного воздействия на читателя»². Проведение масштабного изменения сознания целого народа, входившее в число приоритетных задач государственной политики, было бы невозможно без превращения художественной литературы в «придаток к публицистике»³ и полного ее подчинения интересам государственной политики.

Как пишет Е. Г. Елина, «именно в 1920-е годы массовая критика начинает активно цитировать статью В. И. Ленина “Партийная организация и партийная литература”, написанную в 1905 году и имеющую отношение исключительно к партийной публицистике»⁴, в статье, кроме всего прочего, отмечалось, что литература «не может быть вообще индивидуальным делом, не зависимым от общего пролетарского дела»⁵. Преобразование литературы в орудие коммунистической пропаганды и агитации впоследствии стало частью этого «общего дела». Реорганизация культуры проходила при участии всего руководства РКП(б): В. И. Ленина, Н. И. Бухарина, Л. Д. Троцкого, Н. К. Крупской, А. В. Луначарского и др. Исследователь Н. В. Корниенко считает, что «именно на эти годы приходится рождение явления, остроумно названного С. Маршаком “кремлевской критикой”»⁶. Повышенный интерес со стороны руководства партии к искусству вообще и литературе в частности исследователь роли искусства в тоталитарном государстве И. Н. Голомшток связывает с тем, что в условиях любого тоталитарного режима «искусство не есть просто автономная сфера деятельности человеческого духа, а некий объект, созданный и создаваемый с заранее заданными (и не всегда благовидными) целями»⁷. Так и в Советской России подчинение писателя и литературы задачам партии стало основной задачей государственной политики в области культуры.

Закреплению нового статуса литературы в сознании миллионов советских граждан способство-

вало утверждение в правах нового «потребителя» культуры – малообразованного и, соответственно, не искушенного в искусстве читателя. Идеолог коммунизма Н. И. Бухарин подчеркивал: «На первый план с точки зрения культурной работы рабочий класс и его партия поставили массу, – не отдельных жрецов, не отдельные экзотические тепличные растения. Масса стоит у нас в фокусе нашей культурной работы, и центр тяжести лежит ее именно здесь»⁸. Среди массовой аудитории стремительно распространялись противоречащие природе искусства идеи Пролеткульта: «Искусство есть вообще воспитательное средство. Значит, вообще орудие социальной организации людей»⁹; ЛЕФа: «Искусство есть только количественно-своеобразный, временный, с преобладанием эмоции, метод жизнестроения»¹⁰; РАППа: «Вопрос о партийной политике в искусстве есть вопрос о том, чтобы направить искусство на путь служения делу пролетарской революции»¹¹. Литература в понимании левых марксистских критиков являлась художественной разновидностью журналистики, а труд писателя приравнивался к работе на любом другом производстве.

Последовательное нивелирование традиционных качеств литературы закономерно привело к изменению роли писателя в новом культурном пространстве. В советской системе ценностей писатель становился мастером, представляющим интересы исключительно своего класса: «Ремесло, “специальность” (литературные “спецы”), как многие другие, – вот что такое труд писателя в новой России. ореол избранничества исчез из среды деятелей искусства. Писатель – это один из нас, один из многих, человек, которому не Бог, не Провидение, а его класс поручил трудиться на литературном производстве»¹². Литераторы вынужденно заключались в узкие рамки одной социальной группы и, соответственно, становились враждебными для представителей других, в таком положении писатель фактически терял право говорить от собственного имени, растворяясь среди своего класса. Таким образом, советское государство сводило на нет конкуренцию не только в политической жизни, путем устранения реальных противников, но и на духовном уровне, посредством смещения традиционных духовных приоритетов.

Деформация устоявшихся ролей литературы и писателя в обществе стала одним из шагов к установлению тотального контроля партии в области искусства, и одновременно с ней в советском обществе происходил процесс выдвигания на первый план новых, одобренных властью, деятелей искусства – литературных критиков, которые сыграли значительную роль в литературной унификации. В двадцатые годы XX в. критика стала «одним из главных воспитательных орудий в руках партии»¹³. Прямая поддержка института литературной критики государством и принятые в литературно-критической среде

методы откровенной травли неугодных писателей в скором времени если и не обеспечили полного подчинения художественной литературы интересам государства, то, по крайней мере, создали механизм, способствующий этому. Один из участников литературно-критического процесса эпохи 1920-х П. Коган считал, что литература в это время существовала «в качестве чувствительнейшего барометра, отмечающего все изменения политической погоды»¹⁴.

В 1920-е гг. журнал «Печать и революция» был наиболее авторитетным изданием в области марксистского литературоведения, именно поэтому на его страницах запечатлен процесс формирования «подменной культуры», подразумевавшей сознательное отстранение советской культуры от российских и мировых традиционных гуманистических ценностей, и смещения устоявшихся границ между журналистским и писательским творчеством. Главный редактор журнала Вяч. Полонский, занимавший вполне определенную позицию по отношению к литературному процессу современности, регулярно публиковал в «Печати и революции» статьи своих оппонентов. В журнале был открыт раздел «В дискуссионном порядке», где редакция предоставляла слово различным литературно-критическим силам. Выбор уникальной для 1920-х гг. редакционной политики, безусловно, характеризует Вяч. Полонского как талантливую редактора, стремящегося к объединению разных литературных сил. В то время как каждое литературное движение всеми способами пыталось добиться установления собственного диктата в литературе, «Печать и революция» объявляла: «Вопросы теоретические и методологические в наши дни являются центральными в области марксистской литературной критики. <...> Но пока “дискуссионный” период еще не закончился, редакция “Печати и Революции” считает полезным давать место на своих страницах и таким попыткам строить марксистскую теорию искусств и критики, которых она разделяет не полностью. Для этой цели нами открыт отдел “В дискуссионном порядке”, который призван отразить всю сложность и многообразие спора, достойного занять центральное место в нашей литературной современности»¹⁵.

Редакции удалось добиться поставленной цели: на страницах издания самые острые литературно-критические вопросы эпохи «культурной революции» получили всестороннее освещение, но ни одним из авторов журнала не был поднят вопрос об ассимиляции литературы и журналистики, хотя в той или иной форме он звучал в каждом материале. Эта проблема вобрала в себя все главные литературно-критические вопросы эпохи: определение задач и целей литературных и нелитературных текстов, специфики писательского и журналистского труда, особенностей художественных текстов, степени свободы писателя, обсуждение теории «социального заказа» и др. В

процессе этой дискуссии решалась дальнейшая судьба всего искусства и творческого процесса, и лишь немногие участники этого спора осознавали его подлинное значение и масштаб возможных последствий, Вяч. Полонский был одним из них. Полемика о границах, разделяющих журналистику и литературу, во многом определила ход литературно-критического процесса в 1920-е гг. Деформация этих границ сопровождалась нивелированием основ художественного творчества и постепенным созданием монистической культурной системы.

Позиция Вяч. Полонского, не принимавшего сторону ни одной из литературно-критических группировок 1920-х гг., не отражена в манифестах или программных статьях. Между тем анализ работ критика и редактируемых им журналов позволяют нам не только очертить круг проблем, волновавших Полонского в связи со спорами вокруг литературы и журналистики, но и составить общую концепцию его взглядов по этому вопросу. Исследователи Г. А. Белая и Е. Г. Елина сходятся во мнении, что зачастую высказывания Вяч. Полонского ничем не отличались от постулатов его противников. При этом нельзя сказать, что критик был непоследователен в своих работах, напротив, такого рода амбивалентность объясняется тем, что он методично пытался примирить противоречащие друг другу теории: традиционный взгляд на искусство и литературу и марксистскую идеологию.

Эпоха требовала пересмотра отношений между газетной и художественной словесностью, и Вяч. Полонский, верный своим взглядам на искусство, предпочел создать собственную концепцию синтеза художественной литературы и публицистики, которая позволила бы сохранить специфику обеих и в то же время обеспечить их дальнейшее развитие. Не подвергая сомнению линию партии в области художественной литературы, Вяч. Полонский все же отстаивал право искусства на самостоятельное развитие в условиях диктатуры пролетариата. В очерке «Литературное движение революционной эпохи» критик одобрительно пишет о позиции Н. И. Бухарина, которая во многом была созвучна мнению самого Полонского: «В области культурных задач организации должны быть построены по другим принципам, чем партия, профсоюз, армия. Это должна быть добровольная организация, подвижная, которая не живет на субсидию. Группировки здесь могут быть различны, и чем их будет больше, тем лучше. Это не значит, что литература будет развиваться как и куда хочет. Партия должна намечать общую линию, но нужна все-таки известная свобода движения внутри организаций»¹⁶. Попытка исключить литературу из числа государственных институтов была направлена на разграничение сфер влияния в литературе и журналистике: газетная словесность, по Вяч. Полонскому, была подчинена интересам партии, тогда как художе-

ственное творчество – задачам самой литературы. Критики в этой схеме были бы связующим звеном между искусством и государством.

В основу концепции Вяч. Полонского легло понимание глубинных различий предназначения литературы и журналистики: «Их разделяет “целевая разница”. Газета вся в сегодняшнем дне. Круг “литературы” – шире. Газета вся в конкретности. Литература хочет обобщений. Газета имеет дело с “фактами”. Литература устанавливает их связь»¹⁷. Литература, в отличие от журналистики, всегда субъективна, но именно ее субъективность дает читателю возможность, взглянув на мир сквозь призму писательского восприятия, познать не только объективную реальность, но, прежде всего, самого себя и свой внутренний мир. Литературу, не способствующую раскрытию внутреннего мира читателя, Полонский называет «агиткой», которая «не стремится познать жизнь, она лишь удовлетворяет какой-нибудь текущей, хотя бы и важной потребности минуты»¹⁸. В этом определении читается и отношение Вяч. Полонского к журналистике, предназначение которой он видел в фиксации текущих событий. Странники более утилитарного подхода к культуре не поддерживали полного разделения задач литературы и газеты: А. В. Луначарский по аналогии с журналистикой первостепенной задачей литературы называл «правильную и детальную, согретую чувством, образную ориентировку в окружающем»¹⁹, а один из авторов «Печати и революции» М. Лиров видел в литературе «регистратора» событий и фактов²⁰. Понимание и отстаивание специфики художественной литературы не мешало Вяч. Полонскому называть ее «великолепнейшим агитационным и пропагандистским материалом»²¹, но материалом уникальным, обращенным прежде всего к чувствам читателя, направленным на его духовное развитие, в газете же Полонский видел «двигатель» и «рычаг», необходимый для дальнейшего развития литературы и искусства в целом. Цель журнальной и газетной словесности – запечатлеть картину дня: «Газетное чтение – специфический бытовой жанр. Оно есть плод культуры, общежития, интереса к общественности, потребности ступенчатого пред сознанием максимума материала, политического и профессионального, бытующего в данный момент»²², у художественной литературы цель иная – «преходящее обращать в эпическое, вечное, постоянное»²³. В описании тех или иных событий писателем движет «воображение» – способность «комбинировать элементы опыта в таких сочетаниях, в каких эти элементы не даны в опыте»²⁴, иными словами, писатель не обязан соблюдать хронологическую или иную точность в изложении событий, в отличие от журналиста, для которого это является главной целью. Подтверждение этому положению можно найти в переписке Полонского с одним из авторов «Нового мира»: «Все это, конечно, могло действительно случиться в исторической Бешуруни. Но разве Вы пишете

репортерскую заметку? Разве Ваша замечательная повесть анекдот?»²⁵. Роль летописца текущих событий Полонский отводит журналистике, тогда как литература, по его мнению, призвана отразить более глубокие процессы, происходящие в обществе.

Е. Г. Елина указывает, что «Вяч. Полонский резко противопоставляет художественный текст газетному»²⁶, действительно, литературный текст критик называет «явлением, качественно отличным от ряда других явлений»²⁷. Противопоставляя литературный и нелитературный тексты, Вяч. Полонский разрабатывал для каждого из них собственные критерии оценки и анализа: в основу марксистского литературно-критического метода, по его мнению, должно было лечь признание художественной образности и особой поэтики исключительными качествами художественного текста. В критическом методе левых критиков Вяч. Полонского более всего беспокоило игнорирование поэтичности произведения, которая, по его мнению, и содержит в себе «ключ к пониманию художественного произведения, его классового происхождения и социальной значимости»²⁸. Именно образность делает литературу, по Полонскому, в разы сложнее журналистики: и писатель, и журналист работают над одним и тем же материалом – человеческим опытом, однако художник, воплощая этот опыт в образах, создает параллельную, эстетическую реальность, которая способствует пониманию и изменению реальности действительной.

Установлению разницы между литературным и журналистским текстами способствовало обозначение Полонским специфических прав литераторов, защиту которых он считал одной из приоритетных задач партийной политики в искусстве, и особых, отличных от журналистских, условий работы над текстом. Безусловно, одним из наиболее дискуссионных моментов этой эпохи стало обсуждение допустимой степени свободы писателя в творческом процессе. Являясь сторонником традиционных воззрений на искусство, Полонский справедливо полагал, что творчество невозможно без права художника самостоятельно выбирать материал для обработки, равно как без возможности выражать собственный взгляд на вещи. Исследуя соотношение сознательного и подсознательного в творческом процессе, Вяч. Полонский пришел к выводу, что художественное произведение не может быть создано исключительно рациональным путем. В работе «Сознание и творчество», которая фактически подвела итог его размышлениям на эту тему, он указывал, что произведение искусства – это результат синтеза мировоззрения (ума) и мироощущения (чувства) художника. Счастливое соединение творческой интуиции и знаний писателя и создает образность произведения, названную Полонским той особенностью искусства, которая оправдывает его существование, тогда как «вытес-

нение “образа”, захват гегемонии “логикой”»²⁹ его разрушает. В этом ключе необходимыми условиями художественного творчества Вяч. Полонским называются знание материала и эмоциональная привязанность к нему.

В работах Вяч. Полонского одним из важнейших критериев оценки произведения и всего творчества писателя является отражение в них материала, созвучного мировоззрению автора, то есть «своего». Под «своим» Полонский понимал материал не столько обдуманый писателем, сколько прочувствованный им: «Материал только тогда будет превращен в искусство, когда пройдет “сквозь” человека, станет его “личным”, “сердечным”, как любовь»³⁰. Произведения же, созданные по «заданию», противоречащие внутреннему миру самого писателя, критик называл «передовками в стихах»³¹, по его мнению, такие тексты лишены жизненной энергии и художественности. Осознание сопричастности теме произведения дает писателю ощущение легкости письма и удовольствие от работы, называемое вдохновением, и именно такое творчество Вяч. Полонский называл органичным.

В отличие от А. К. Воронского и других критиков «Перевала», также развивавших теорию органичного творчества, Полонский негативно относился к мысли о том, что духовного мира художника достаточно для искусства, более того, критик считал такие мысли опасными для молодой литературы в условиях неустоявшегося быта. Наибольшие опасения у него вызывали молодые «писатели», тысячами шедшие в литературу, на которых теории Воронского «об уме, который надо заставить замолчать в искусстве»³² могли оказать и оказывали негативное влияние. В личных бумагах Полонского сохранилось множество отрицательных отзывов о писательской среде, где чаще всего встречаются его сетования на невежество и ограниченность работников искусства: «Они ничем не интересуются. Если что знают, то понаслышке. Книг не читают. Полагаются на “нутро”»³³; тогда как писатель должен руководствоваться формулой: «Писать только то, что знаешь»³⁴.

По мысли Полонского, главными героями новой литературы должны были стать революция и последовавшее за ней грандиозное строительство, для объективного освещения которых писатели должны быть в курсе происходящих в стране изменений. В связи с этим он считал весьма полезными для писателей встречи с представителями власти, рабочими, а также путешествовать по стране. Сам много ездивший по Советской России, критик видел много положительного в победе революции, предпочитая недостатки считать временным явлением. Так например, в переписке с С. Н. Сергеевым-Ценским Полонский упрекает его в необъективном изображении революции. Он уверен, что для того, чтобы полюбить революцию, Сергееву-Ценскому необходимо только проехать

по стране, увидеть, «как буйно бьет молодая, зеленая жизнь на развалинах старины, как много нового и хорошего рождает каждый день – рядом с грязью и смрадом прошлого»³⁵. Защита интересов революции всегда была одной из важнейших тем в работах Полонского, однако вполне возможно, что за попыткой примирения «настоящих» писателей с новым режимом скрывалось стремление критика уберечь их от возможного преследования власти и напостовской критики.

К концу 1920-х гг. стало ясно, что сложившиеся в литературно-критической среде методы воздействия на неугодных власти писателей рано или поздно приведут к единообразию тем и художественных методов, и набиравшая силу и популярность теория социального заказа в значительной степени этому способствовала. Вяч. Полонский стал одним из первых марксистов, кто обратил внимание на то, что представления левых литературно-критических группировок о природе писательского творчества угрожают дальнейшему развитию литературы, критик же последовательно защищал ее от упрощения, от бездумного применения идеологического лекала. Определяющей роли социальных отношений в работе писателя Полонский противопоставлял марксистскую идею о том, что «сознание художника детерминировано его социальным бытием»³⁶. Таким образом, соглашаясь с определенной зависимостью писателя от его происхождения и условий бытия, критик все же не признавал этого фактора основным в творчестве, именно поэтому он считал теорию «социального заказа» губительной для литературы. Один из немногих, он понимал, что писатель «не обладает свободой воли настолько, чтобы по своему усмотрению изменять свой социальный опыт, свой умственный склад, свои психологические и идеологические навыки»³⁷. Напротив, по словам В. В. Эйдиновой, «Полонский настойчиво ищет точки соприкосновения личного и общественного начала в искусстве, стремясь наглядно выявить их сплав и отчетливо раскрыть органическую классовость и партийность художника»³⁸. Оспаривая положения теории напостовцев, и в частности Г. Лелевича, Полонский писал, что советская литература не может быть создана только лишь идеологически правильными, а значит, пролетарскими писателями. Каждая социальная группа, идущая революционным путем, имеет право на отражение своего бытия в литературе: «Пока существуют крестьянство и интеллигенция, идущая рука об руку с революцией, – будут и должны существовать литература, создаваемая крестьянством, и литература, создаваемая интеллигенцией»³⁹.

Именно в сохранении конкурентной среды в литературе Вяч. Полонский и ряд других марксистов видели единственно возможный путь создания и развития пролетарской литературы. В отличие от периодической печати, цензурирование которой было единогласно принято как не-

обходимая мера для сохранения советской власти, литература некоторое время оставалась относительно свободной сферой, хотя и регулируемой партией. Цвет советской литературы составляли не столько идеологически выдержанные коммунисты, сколько представители интеллигенции, во многом противостоящие революции. В связи с этим Вяч. Полонский полагал, что применение одного только идеологического критерия к искусству, во-первых, преждевременно: «Мы не собираемся требовать от всех писателей и работников искусства немедленного выявления выдержанной коммунистической идеологии»⁴⁰, а во-вторых, опасно, так как грозит литературе шаблонностью и стагнацией. Полонский подчеркивал, что гегемония пролетариата в литературе не может быть установлена путем запрещения всех других направлений и течений. Выступая за оказание всевозможной помощи пролетарским писателям и поэтам, он, однако, считал необходимым для литературы пройти тот же путь борьбы, что и коммунистическая партия: «Обязанностью марксистской критики и пролетарских писателей является борьба с буржуазной литературой, но не в форме подавления, не в форме применения механического насилия, а в виде мирного сотрудничества, т. е. преодоления буржуазной идеологии, создания последовательной марксистской критики, способствования росту пролетарской литературы, повышения ее качества, овладения мастерством буржуазной литературы»⁴¹. Иными словами, в подавлении всех литературных течений, не являющихся пролетарскими, Полонский видел прямой путь уничтожения советской литературы.

Безусловно, литература в 1920-е гг. была неотрывно связана с политическим процессом, сам Полонский отмечал, что «никогда еще в истории русской литературы политический момент не играл столь значительной роли, как в минувшую эпоху»⁴². Литературно-критическое сообщество, и Вяч. Полонский в том числе, требовало от писателя ясного определения его политической позиции. Между тем политизированность литературы, по Полонскому, не подразумевала бескомпромиссного деления на «своих» и «чужих, принятого в политике. Как отмечалось выше, Вяч. Полонский считал необходимым построение организаций в сфере искусства по принципу плюрализма, именно поэтому ему представлялся потенциально опасным перенос партийной риторики в литературу, «где имеются всякие течения, вплоть до антисоветских и даже контрреволюционных»⁴³. Политические понятия «левый уклон», «правая опасность» и другие, закрепившись в литературно-критической среде, сделали возможным проведение кампаний против писателей с неоднозначной политической позицией. Полонский же оставлял за художником право занимать самостоятельную позицию, более того, отстаивал право каждого на политическую ошибку. Критик, неоднократно обвинявшийся в «правом оппорту-

низме» и исключавшийся из партии по обвинению в отклонении от общего курса, понимал, что подобные формулировки часто становятся оружием в межличностной борьбе участников литературно-критического процесса. Полонский настаивал на том, что «все это можно исправить дружеским советом, критикой, вовлечением в сферу тесного коммунистического влияния, но не с помощью отсечения головы»⁴⁴.

Механическому присоединению всех литературных течений к пролетариату Вяч. Полонский предпочитал органическое слияние, предполагая, однако, что обретение «духовной» связи с пролетариатом возможно лишь для наиболее талантливых художников, остальные же могли продолжать работать в рамках своего течения, пока пролетариат не одержит верх в литературе. В работах критика рефреном звучит мысль о необходимости появления писателя – «органического выразителя своего времени»⁴⁵, органической части своего класса, о необходимости «органической связи с пролетариатом»⁴⁶; только такой писатель – «кость от кости и плоть от плоти пролетариата»⁴⁷ – сможет создать правдивую картину эпохи революции. Однако путь искреннего слияния с рабочим классом и полного приятия революционной действительности, предложенный Полонским, оказался для большинства непролетарских писателей слишком трудным, практически неприемлемым. Провал своей идеи осознавал и сам критик, в его дневниковых записях отражено разочарование в советских писателях, не оправдавших его надежд: «Отвратительная публика – писатели. Рваческие, мещанские настроения преобладают. ... При этом они делают вид, что страшно преданны его, рабочего, интересам. Пишут-то они не для него: рабочий их читает мало»⁴⁸.

Помимо государственного вмешательства явную угрозу для дальнейшего развития художественного слова в Советской России, по мнению Полонского, представляли конъюнктурность и халтура в творчестве, к которым неизбежно привела бы победа теории «социального заказа». Доказывая несостоятельность этой теории, критик, прежде всего, опасался появления в литературе враждебных советской власти «инфузорий», которым безразлично, о чем и как писать: «Сегодня пишет авантюрный роман, а завтра напишет роман психологический, сегодня будет доказывать преимущество индивидуализма, завтра сделается апологетом коллективизма»⁴⁹. В примитивном толковании теории «социального заказа» Полонский видел реальную угрозу для «честного искусства», которое создается большими талантами. Понимание специфики писательского творчества позволило критику осознать, что ставка на «заказ» лишит советскую литературу «толкачей искусства», которые, охотно продавая свои рукописи пролетариату, откажутся «продавать свои идеи»⁵⁰. В его теории задача писателя состояла вовсе не в исполнении «заказа» и изображении действитель-

ности в свете, «полезном» для пролетариата, но в органическом слиянии с рабочим классом и выражении его социального бытия, преломленного сквозь призму духовного зрения самого писателя.

Современность и нужность творчества того или иного писателя Полонский предлагал проверять не соответствием идеологии, а степенью революционности. Необходимо отметить, что сам он в своей редакторской, журналистской, критической, партийной деятельности во главу угла ставил интересы революции, требуя того же и от писательского сообщества. Не признавая насилия над внутренним миром художника и не считая творчество, созданное под давлением, художественным, Полонский, однако, настаивал на том, чтобы советский писатель был писателем революционным, и именно революция в его теории была тем самым заказчиком писательского творчества. Революционность, по Полонскому, включала в себя не только обработку революционного материала, но также и масштабность работы, новаторство языковых средств и жанровых форм, злободневность и в то же время вечность освещаемых вопросов. Вяч. Полонский рассчитывал, что право на свободу писательского творчества, которое он отстаивал, позволит художникам создать картину «великой революции». Сам критик ревностно следил за верным, по его мнению, распределением света и тени в изображении революции. В письме Алексею Толстому, например, Полонский писал: «Нельзя, конечно, требовать /и мы не требуем/, чтобы Алексей Толстой рисовал события не такими, какими они ему кажутся. Но мы хотели бы, чтобы воспроизведение событий не противоречило нашим представлениям /объективным/ об историческом недавнем прошлом, чтобы роман бросал свет на события, враждебные революции». Полонский, призывающий к объективности, в то же время пишет о том, что «русскому читателю необходима бодрость и широкий взгляд вперед, а не фиксация его на лужах крови, которых так много оставила гражданская война»⁵¹. В этом контексте литература в понимании Полонского сближалась с журналистикой, для которой поднятие духа советского народа выступало одной из приоритетных задач.

Революционная эпоха и ее события были важнейшей точкой соприкосновения литературы и журналистики: запрос на оперативное освещение происходящих событий, возникший в обществе, традиционный для газет, в эти годы стал обязательным и для литераторов. Традиционные представления о писательском труде, медленном и вдумчивом, противоречили производственным требованиям эпохи. Писатель невольно попадал в бесконечный информационный цейтнот: художественные тексты, не успев дойти до читателя, устаревали, стремительно сменялись герои и представления о них. Скоротечность, с которой появлялись литературные произведения на книжном рынке, сближала литературу и журналистику.

Между тем многих критиков-марксистов беспокоило качество текстов, выходящих на злобу дня. Вяч. Полонский с сожалением отмечал тот факт, что писатели стали меньше времени посвящать работе над текстом: «Спешат – не умеют долго сидеть над вещью»⁵², в связи с чем в его критических обзорах более высокую оценку получали художники, шлифующие текст, доводящие его до возможного совершенства. Но, восхищаясь Бабелем, Артемом Веселым и другими «настоящими» писателями и их способностью создавать произведения, сравнимые с лучшими мировыми текстами, Полонский оставляет в литературе место и для тех, кого он называет «рабочими-писателями». Таким писателям нет нужды проводить много времени за работой над «своим» материалом, успех их творчества обеспечивается слиянием с классом: «Писательству – досуг, свободные часы, время, отрываемое от случая к случаю. Основное время – за станком, за верстаком, в железобетонных помещениях, плечом к плечу с товарищами по классу»⁵³. Описание «писателя-рабочего» очень напоминает рабселькора, который, внося вклад в освещение текущих событий, все же не считался полноценным журналистом.

Ясное видение точек соприкосновения литературы и журналистики и одновременно понимание их различий позволило Вяч. Полонскому идее слияния литературы и журналистики, популярной в это время, противопоставить сотрудничество, выгодное для обеих сторон: «Газете нужна “литература”. Литературе нужна газета»⁵⁴. Успешный критик и редактор, Полонский как никто другой понимал важность взаимодействия периодической печати и художественной литературы. В 1920-е гг., несмотря на попытки власти и теоретиков марксизма сделать литературу и журналистику частями единого советского дискурса, газета и художественная литература все же в значительной степени были разобщены. Полонского, радевшего за развитие и литературы, и журналистики, такое положение не могло не беспокоить: «Газета в наши дни “не вмещает” литературы. Это печально для литературы. Еще печальней для газеты»⁵⁵. С середины 1920-х гг. Вяч. Полонским регулярно поднимался вопрос игнорирования прессой художественной литературы, судьба которой стала предметом самой ожесточенной дискуссии как в партийной среде, так и среди теоретиков марксизма, но почти не получила освещения в прессе. Критик указывал на то, что литература, в отличие от кино, театра или других видов искусства, появляется на страницах газет только в «шапочных разборах». Главную ошибку газетчиков Полонский видел, прежде всего, в несистемном освещении литературного процесса в печати. Информация о новых произведениях или писателях появлялась редко, при этом речь шла не о самых лучших произведениях, таким образом, в массовом сознании создавался превратный образ советской литературы. Газета же не только формировала массовое

представление об искусстве, но также играла роль его «выразителя, судьи, поощрителя»⁵⁶; складывалась замкнутая система, в которой освещению реального литературного процесса не было места.

Решение этой проблемы Вяч. Полонский видел в укреплении литературно-критических отделов ведущих советских газет, примеру которых следовали остальные издания. В архиве критика сохранилось письмо, адресованное Скворцову-Степанову и датированное 26 октября 1925 г., в котором обсуждаются условия назначения Вяч. Полонского в «Известия». Свою задачу как редактора литературного отдела «Известий» он формулировал следующим образом: «Поднять лит. отдел в газете на “должную высоту”, привлечь новые силы, “осовременить” и оживить содержание, сделать эти издания не только способными выдержать конкуренцию, но даже “победить” в борьбе за существование»⁵⁷. Привлечение к работе в ежедневной газете редактора, зарекомендовавшего себя как одного из ведущих участников литературного процесса, говорит о том, что и газетчики понимали и пытались преодолеть значительный разрыв, образовавшийся между периодической печатью и художественной литературой. Полонский предложил, во-первых, значительно расширить раздел, выделив ему вкладной лист в две полосы, во-вторых, сделать его выход еженедельным. Однако в газете, отводившей большую часть полос политическим и экономическим новостям, места для литературы, критики и библиографии и после реорганизации отдела оставалось недостаточно.

В письме Скворцову-Степанову, датированном 2 ноября 1925 г., Вяч. Полонский пишет о необходимости создания еженедельной «Литературной газеты», издания, которое, по его словам, давно обсуждалось литературными кругами. По мысли Полонского, «Литературная газета», издаваемая при «Известиях», стала бы отдельным литературным отделом газеты: «Издание в виде обыкновенного формата газетного листа, выходящего один раз в неделю /по понедельникам/, с обильным и разнообразным литературным и критическим материалом, доступным для чтения широких кругов читателей, причастных к литературе и искусствам и интересующихся ими»⁵⁸. Новое литературное издание виделось Полонскому «легким и гибким»; «Литературная газета», будучи приложением «Известий», получала доступ ко всем ресурсам крупнейшей союзной газеты. Кроме всего прочего, ниша недорогого литературно-критического издания была занята, и Вяч. Полонский справедливо полагал, что новая газета охватит гораздо большую аудиторию, чем толстые литературные журналы. Важно отметить, что, по мысли Полонского, «Литературная газета» смогла бы объединить вокруг редакции «Известий» марксистских писателей, поэтов, критиков, искусствоведов и литературоведов.

Привлечение литературных работников к сотрудничеству с газетами – важная часть концепции развития литературы и журналистики Вяч. Полонского, в его работах отражен поиск возможного пути интеграции двух словесных искусств. По мнению критика, литераторы, придя в газету, способны избавить ее от серости и скуки, тогда как они сами будут вовлечены в текущие события, что застрахует литературу от «монументальности» и отрыва от жизни. Неслучайно в критических отзывах Вяч. Полонского умение художественно запечатлеть «поток революционных событий» является одним из важнейших критериев оценки современного литературного текста. Литература в эту эпоху вольно или невольно отвечала на требование «оперативности» любого текста и, адаптируясь к революционной действительности, частично усваивала методы газетной работы. Однако и газете в этот период требовалось усвоение некоторых литературных приемов: газету в 1920-е гг. часто обвиняли в шаблонности и неумении журналистов работать с текстом. По мнению Вяч. Полонского, сотрудничество литераторов и журналистов позволило бы не просто преодолеть косность газетного языка, но сделать газету более доступной и интересной для читателя. Под приходом литературы в газету Полонский подразумевал не только печать литературных произведений на страницах издания, но и работу литераторов в качестве журналистов, умеющих сильно и ярко подать информацию. Полонский пишет о писателях и поэтах-газетчиках, отмечая что «писатели-газетчики» уже нашли свое место в газете в качестве фельетонистов, а поэзии еще только предстояло создать новый газетный жанр. В дискуссии, опубликованной в «Журналисте», В. Маяковский утверждал, что «быть поэтом-газетчиком – значит подчинить всю свою литературную деятельность публицистическим, пропагандистским, активным задачам строящегося коммунизма»⁵⁹. Полонский же видит задачу поэта в газете в том, чтобы подавать факты так, чтобы «никто, кроме поэта, “крепче” подать его не сумел»⁶⁰, только так поэзия сможет стать орудием борьбы за социализм.

В 1920-е гг. и газетная, и литературная словесность в Советской России переживала процесс становления и самоопределения. Бытовавшие в эту эпоху идеи и программы предлагали различный путь развития двух словесных искусств, среди которых достойное место занимает теория Вяч. Полонского о взаимообогащающем сотрудничестве литературы и газеты. Путь развития, предложенный Полонским, противоречил «кастово-административной системе в искусстве», набравшей обороты с середины 1920-х гг. Его борьба за разделение литературного и газетного текста и сохранение уникальных прав и обязанностей писателя в новом обществе яростно критиковалась его противниками. Литературно-критическая деятельность Вяч. Полонского противостояла

процессу создания казарменной культуры, и важнейшей составляющей этой работы была защита литературы от упрощенного идеологического восприятия, уподобляющего ее газете. Позиция Полонского не была услышана в общем потоке литературно-критических программ и установок, и на государственном уровне утилитарные взгляды на литературу были признаны единственно верными. Стремление подчинить искусство сиюминутным задачам партии привело в дальнейшем к созданию «литературы единого голоса», которой так боялся Вяч. Полонский.

Примечания

- ¹ *Белая Г.* Дон Кихоты революции – опыт побед и поражений. М., 2004. С. 17.
- ² Постановление секретариата ЦК РКП(б) о критике и библиографии // *Власть и художественная интеллигенция.* М., 2002. С. 52.
- ³ *Горбов Д.* В защиту литературы // *Печать и революция.* 1928. № 8. С. 105.
- ⁴ *Елина Е.* Художественная и газетно-журнальная словесность в творческой концепции Вяч. Полонского и общественно-литературной ситуации эпохи НЭПа // *НЭП в истории культуры : от центра к периферии / под ред. И. Ю. Иванюшиной, И. А. Тарасовой.* Саратов, 2010. С. 29.
- ⁵ *Ленин В.* Партийная организация и партийная литература // *Ленин В.* Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1960. Т. 12. С. 101.
- ⁶ *Корниенко Н.* «Нэповская оттепель» : Становление института советской литературной критики. М., 2010. С. 31.
- ⁷ *Голомиток И.* Тоталитарное искусство. М., 1994. С. 162.
- ⁸ *Бухарин Н.* Избранные произведения. М., 1988. С. 374.
- ⁹ *Богданов А.* О пролетарской культуре. 1904–1924. Л. ; М., 1924. С. 118.
- ¹⁰ *Чужак Н.* Под знаком жизнестроения (опыт осознания искусства дня) // *Леф.* 1923. № 1. С. 12.
- ¹¹ *Лелевич Г.* Партийная политика в искусстве // *На посту.* 1923. № 4. С. 45.
- ¹² *Елина Е.* Литературная критика и общественное сознание Советской России 1920-х годов. Саратов, 1994. С. 40.
- ¹³ *Власть и художественная интеллигенция.* М., 2002. С. 156.
- ¹⁴ *Коган П.* Наши литературные споры. К истории критики октябрьской эпохи. М., 1927. С. 109.
- ¹⁵ От редакции // *Печать и революция.* 1926. № 1. С. 102.
- ¹⁶ *Полонский В.* Литературное движение революционной эпохи // *Печать и революция.* 1927. № 7. С. 63.
- ¹⁷ *Полонский В.* Листки из блокнота // *Новый мир.* 1929. № 2. С. 234.
- ¹⁸ *Полонский В.* Литературное движение революционной эпохи. С. 54.
- ¹⁹ *Луначарский А. В.* Марксизм и литература // *Луначарский А.* Собр. соч. : в 8 т. М., 1967. Т. 7. С. 339.

- ²⁰ См. подробнее: *Лиров М.* Из литературных итогов // Печать и революция. 1924. № 2. С. 118.
- ²¹ *Полонский В.* Очередная задача государственного издательства // Печать и революция. 1921. № 1. С. 15.
- ²² *Смирнов-Кутачевский А.* Язык и стиль современной газеты // Печать и революция. 1927. № 2. С. 22.
- ²³ РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 2. Ед. хр. 77. Л. 10.
- ²⁴ *Полонский В.* На литературные темы. М., 1968. С. 375.
- ²⁵ РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 2. Ед. хр. 77. Л. 10.
- ²⁶ *Елина Е.* Художественная и газетно-журнальная словесность в творческой концепции Вяч. Полонского и общественно-литературной ситуации эпохи НЭПа. С. 32.
- ²⁷ *Полонский В.* Критические заметки по поводу книги Г. Лелевича «На литературном посту» // Печать и революция. 1925. № 4. С. 56.
- ²⁸ Там же. С. 54.
- ²⁹ *Полонский В.* На литературные темы. С. 419–420.
- ³⁰ *Полонский В.* Моя борьба на литературном фронте // Новый мир. 2008. № 3. С. 149–150.
- ³¹ *Полонский В.* Моя борьба на литературном фронте // Новый мир. 2008. № 4. С. 130.
- ³² *Полонский В.* Моя борьба на литературном фронте // Новый мир. 2008. № 3. С. 140.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Полонский В.* О романе А. Н. Толстого «Хождение по мукам» // Печать и революция. 1923. № 1. С. 62.
- ³⁵ РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 2. Ед. хр. 77. Л. 6.
- ³⁶ *Полонский В.* Художественное творчество и общественные классы // Печать и революция. 1929. № 2–3. С. 6.
- ³⁷ *Полонский В.* Вступление к дискуссии «Спор о социальном заказе» // Печать и революция. 1929. № 1. С. 24.
- ³⁸ *Эйдинова В.* Стиль художника : Концепции стиля в литературной критике 1920-х гг. М., 1991. С. 252.
- ³⁹ *Полонский В.* Вступление к дискуссии «Спор о социальном заказе». С. 24.
- ⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 52. Л. 9.
- ⁴¹ *Полонский В.* Заметки журналиста. На пути к единому литературному фронту // Печать и революция. 1927. № 1. С. 75.
- ⁴² *Полонский В.* Литературное движение революционной эпохи. С. 15.
- ⁴³ РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 52. Л. 8.
- ⁴⁴ *Полонский В.* Заметки о журналах // Печать и революция. 1923. № 4. С. 292.
- ⁴⁵ *Полонский В.* Литературное движение революционной эпохи. С. 29.
- ⁴⁶ *Полонский В.* Художественное творчество и общественные классы. С. 6.
- ⁴⁷ *Полонский В.* Вступление к дискуссии «Спор о социальном заказе». С. 22–23.
- ⁴⁸ *Полонский В.* Моя борьба на литературном фронте // Новый мир. 2008. № 3. С. 146.
- ⁴⁹ *Полонский В.* Вступление к дискуссии «Спор о социальном заказе». С. 22.
- ⁵⁰ Там же. С. 22–23.
- ⁵¹ *Вяч. П.* Заметки о журналах // Печать и революция. 1921. № 2. С. 230.
- ⁵² *Полонский В.* Моя борьба на литературном фронте // Новый мир. 2008. № 2. С. 146.
- ⁵³ *Полонский В.* Заметки журналиста // Печать и революция. 1926. № 7. С. 88.
- ⁵⁴ *Полонский В.* Листки из блокнота. С. 234.
- ⁵⁵ Там же. С. 234.
- ⁵⁶ *Полонский В.* Заметки журналиста. С. 89.
- ⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 139. Л. 4.
- ⁵⁸ Там же. Л. 4.
- ⁵⁹ *Журналист.* 1929. № 4. С. 101.
- ⁶⁰ Там же. С. 103.

УДК [070(47+57):821.161.1.09]1934|

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ В ОТКЛИКАХ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

М. М. Соловьёва

Саратовский государственный университет
E-mail: markuz89@yandex.ru

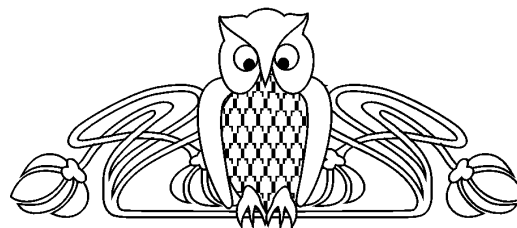
В статье исследуется роль «Литературной газеты» в организации Первого съезда советских писателей в 1934 г. и участие газеты в формировании мифа о всеобщем внимании советских граждан к литературной жизни страны.

Ключевые слова: «Литературная газета», 1930-е гг., Первый съезд советских писателей, социалистический реализм.

**The First Congress of Soviet Writers as Covered
in *Literaturnaya Gazeta* (Literary Newspaper)**

М. М. Solovyeva

The article analyzes the role of *Literaturnaya Gazeta* (Literary Newspaper) in the organization of the First Congress of soviet writers

in 1934 and the newspaper's participation in the formation of the myth of the universal attention of Soviet citizens to the literary life of the country.

Key words: *Literaturnaya Gazeta*, 1930s, First Congress of soviet writers, socialist realism.

Ключевым событием литературной жизни 1930-х гг. стал Первый всесоюзный съезд советских писателей, который состоялся в августе 1934 г. Решения об утверждении принципов социалистического реализма, принятые делегатами съезда, стали ключевыми для развития литера-

туры и во многом повлияли на ее бытование в последующие годы.

Профессор М. М. Голубков в своем учебном пособии по истории литературы указывает, что в начале 1930-х гг. «выстраивалась продуманная политическая линия, направленная на медленное и планомерное огосударствление литературы»¹. С ним соглашается профессор Е. Г. Елина, которая в учебнике по истории литературной критики пишет: «Начиная с 1929 года, литературная жизнь, как и жизнь в стране в целом, протекала в жестких тисках сталинской идеологии»².

Для историков литературы, в чью сферу научных интересов входит исследование 1930-х гг., главным источником для изучения Первого съезда советских писателей, безусловно, является стенографический отчет заседаний, выпущенный отдельной книгой в издательстве «Художественная литература» в 1934 г. Однако в центре нашего внимания – отражение Первого съезда советских писателей в «Литературной газете».

В 1934 г. «Литературная газета» – главный печатный орган Союза писателей – уже успела зарекомендовать себя как яркое, дискуссионное издание, публикующее большое количество спорных, противоречащих друг другу материалов и предпочитавшее дидактике полемику и свободное выражение разных точек зрения.

«Литературная газета» была основана в 1929 г. и до 1932 г. выходила при Федерации объединений советских писателей. С самого первого дня своего существования издание охватывало широкий диапазон тем, касающихся литературной жизни, – от бытовых (юридические консультации, отчеты со встреч, денежные сборы) до узкоспециальных (обсуждение направлений литературной критики, выборы пути развития литературы).

На страницах «Литературной газеты» часто публикуются сторонники соцреализма – Ефим Зозуля («Поэма о наемном палаче»), Александр Безыменский (стихи), Александр Дорогойченко (очерки, отрывки из романа «Молодежь»). Наравне с «правильной» пролетарской литературой в газете можно встретить откровенные и в некотором роде оппозиционные очерки о бедах коллективизации Сергея Третьякова («Деревенский город»), провокационную драму Юрия Олеши («Смерть Занда»), отрывки из «Улисса» Джеймса Джойса и некоторые другие произведения, вряд ли соотносящиеся с официальным курсом советской литературы.

Материал «Литературной газеты» за 1929–1934 гг. дает возможность проследить процесс формирования советской литературной критики. «ЛГ» в этот период является основной площадкой для обсуждений, прений, осуждений: по сути, изучая газету, мы оказываемся в центре процесса формирования новой художественной эстетики. Именно здесь нагляднее всего показана история создания соцреализма со всей свойственной ему монополией.

В 1934 г. «Литературная газета» – яркое, самостоятельное, успешное издание. В этом году у нее появляется своя передача на радио («радиополоса»), с того же года тяжелую, скучную колонку заменяет более живой и свободный по манере изложения «Дневник “Литературной газеты”», и, таким образом, «ЛГ» становится хроникером литературной жизни страны. Периодичность выхода учащается: от «раз в пять дней» в 1929 г. до «через день» в 1934 г.

В «Литературной газете» получила широкое отражение подготовка к Первому съезду. В рубрике «Накануне съезда» редакция публиковала короткие заметки о подготовке к событию в разных регионах СССР. Совершенно очевидным становится внимание издания к ситуации как в провинции, как и в столице. Рубрика сообщала читателям, что, к примеру, «в Магнитогорске развернулась подготовка к первому всесоюзному съезду писателей. Созданы литературные кружки в цехах и учебных заведениях»³, а в Казани «в связи со съездом советских писателей правительство Татарии постановило объявить всетатарский конкурс на лучшее художественное произведение» (Всетатарский правительственный литературный конкурс. 1934. 3 июля), «Актив комсомола и литкружковцы Москвы готовятся к первому всесоюзному съезду советских писателей. На заводах и предприятиях проводятся собрания и читательские конференции, посвященные съезду» (1934. 2 авг.). Материал рубрики показывает, что подготовка была обширной, к съезду готовились в Грузии (Творческие дискуссии в Грузии. 1934. 2 авг.), Молдавии (Молдавская литература перед съездом. 1934. 2 авг.) и других республиках.

Публиковались не только сухие, официальные материалы о значимости будущего съезда, но и вполне конкретные обвинения в сторону тех, кто должным образом не готовился к нему.

Примером последних может служить обличительная статья «На средней Волге срывают подготовку к съезду» от «специального корреспондента» газеты Вл. Никонова (здесь и далее: На средней Волге срывают подготовку к съезду. 1934. 2 авг.). Статья начинается призывным лозунгом «Оздоровить литдвижение края» и раскрывает целый ряд недостатков литературной жизни Самары. В первую очередь, это связано с низким качеством писательского творчества. Никонов однозначно утверждает: «...для всех печатающихся в крае произведений типична торопливость и неряшливость в обработке, сказывающаяся на яркости изобразительных средств, на композиции и особенно на языке». Автор статьи выделяет еще один крупный недостаток, способный стать опасностью для организации съезда, – низкую писательскую активность. Никонов пишет: «...план издательства по художественной литературе включал 24 названия, вышло – 7», а дальше обвиняет руководство края в халатности: «Такой процент выполнения показывает, во-первых, на-

сколько безответственно составили план <...>, а во-вторых, насколько слаба повседневная кропотливая работа с авторами». Подобные факты позволяют Вл. Никонову сделать вывод: «В Самаре ничего не изменилось». Он с сожалением отмечает, что «близость всесоюзного съезда всюду вызвала подъем и оживление литературной жизни, но не в Самаре». Автор сокрушается из-за отсутствия изменений в литературной жизни Самары, он пишет: «Даже статей А. М. Горького до сих пор не обсуждали. Дискуссия о языке – и та обошла Самару стороной!».

«Литературная газета» публиковала заметки о прибывших для участия в съезде писателях-иностранцах (Иностранные писатели на съезде. 1934. 2 авг.), в которых приветствовала коммунистических авторов Германии, Франции, Италии и других стран. Также в «ЛГ» освещались прошедшие накануне Всесоюзного съезда Ленинградская областная конференция советских писателей (Открытие ленинградской областной конференции советских писателей. 1934. 8 авг.) и Всесоюзное критическое совещание (О типе критики; Задачи критики и теория литературы. 1934. 2 авг.; Задачи всесоюзного критического совещания. 1934. 4 авг.), которое еще до открытия съезда ставило своей главной задачей «раскрыть конкретное содержание метода социалистического реализма, нашедшего свое отражение во всем многообразии советской литературы» (Задачи всесоюзного критического совещания). Это говорит о том, что термин «социалистический реализм» не был впервые озвучен на съезде, а к тому времени уже вошел в обиход писательской общественности.

В газете была организована рубрика «Предсъездовая трибуна», в которой писатели рассуждали о значимости будущего съезда и делились своими представлениями о том, каким он должен быть. В номере от 9 июля свои взгляды на будущий съезд представляла писательница Мариэтта Шагинян. Она критиковала компетенцию организаторов съезда: «Недостаточная проанализированность того, как именно готовиться к съезду, каких писателей привлечь к организационной работе, а кому “оставить голос с места” как непосредственному выразителю профессионального опыта, накопленного на своем участке работы, – вот что я считаю главной и основной ошибкой Оргкомитета. Ведь умение расставить людей, правильный учет сил, знание, чем каждый богат и беден, – есть первое, что требуется от руководства» (здесь и далее: Мысли к съезду. 1934. 9 июля). Шагинян предлагает каждому из авторов обратить внимание на свой собственный опыт работы и пишет, что «задача съезда и состоит в том, чтобы мы, писатели, заговорили не потому, что от нас это требуется “повесткой дня”, а чтобы мы, писатели, заговорили о самом нужном и существенном в нашей работе, каждый со своего участка в ней». Ощущение важности предстоящего съезда перекликалось у писа-

тельницы с пониманием уникальной возможности решения насущных проблем всей писательской общественностью. Чувствуется, что Шагинян с большим трепетом относилась к будущему мероприятию и призывала своих коллег не терять времени зря: «Не штампы нужны съезду, даже самые “благородные”. А нужен съезду верный ТОН, тот верный тон, заговорив которым, даже самые заядлые склочники дадут деловое и в то же время лирическое выступление».

Газете важно было подчеркнуть широчайший общественный резонанс съезда. Это делалось с помощью нехитрых приемов: педалировалась идея всеобщего ожидания: «Литературная газета» пестрила статьями об ожиданиях съезда среди рабочих, крестьян, школьников. Все они не только приветствовали съезд писателей, но и сами участвовали в обсуждении проблем литературы и критики. В газете сообщается, что «накануне первого всесоюзного съезда писателей <...> конференции, посвященные вопросам художественной литературы, будут проведены на целом ряде предприятий Горького. 4 августа состоится большая конференция в Сормове, затем на заводе им. Енукидзе. Работники “Красной Этны” обсудят произведения, помещенные в краевом литературно-художественном журнале “Натиск”. Читательские конференции, посвященные съезду писателей, будут проведены также и в ряде колхозов» (Только у нас это возможно. 1934. 2 авг.). Авторами «ЛГ» накалялась сама атмосфера, они активизировали читателя, инициировали чувство сопричастности к литературному процессу. Должно было сложиться устойчивое ощущение, что литература – не только дело писателей, но и каждого советского гражданина, который, независимо от своего рода деятельности, становился полноправным участником споров и дискуссий о литературе. Редакция в «Дневнике “Литературной газеты”» еще до съезда сообщала, что «литература в нашей стране перестает быть делом для “немногих избранных”», подразумевая под этим расширение круга писателей за счет воспитания новых, непрофессиональных кадров: «Все шире становится та среда, из которой выходят профессиональные писатели, все выше уровень этой среды, все меньше осталось возможностей для существования зарытых в землю талантов» (Дневник «Литературной газеты». 1934. 2 авг.).

В связи с этим интересно обратиться к статье А. Каменного «Герои “Разбега” съезду писателей». В ней автор сожалеет о том, что на предстоящем съезде будут все участники литературного процесса («рабочие, колхозники, деятели искусства и представители иных профессий» (здесь и далее: Герои «Разбега» съезду писателей. 1934. 4 авг.), кроме героев, вдохновляющих писателей на работу («вот если б герои книг, взволновавших нас, сошли со страниц, и, предъявив мандаты, вошли в зал съезда»). К радости автора, одна такая героиня будет присутствовать

на съезде – это Софья Иовна Гринчиха, чья биография описывается в книге Владимира Ставского «Разбег». Каменногорский пишет, что Гринчиха не только приедет на съезд, но и привезет писателям «последнюю главу “Разбега”, написанную самими героями», что позволяет редакции еще раз заявить о повышенном внимании масс к литературе и подчеркнуть их желание стать частью литературного процесса. Также герои «Разбега», отправляя Софью Иовну на съезд, в «маленькой приписочке» попросили, чтобы с ней побеседовал сам А. М. Горький. Автор отмечает: «Говорить найдется о чем, указывают колхозники, потому что оба они – лучшие инспектора по качеству: Софья Иовна в поле, Алексей Максимович среди писателей».

Благодаря работе авторов «ЛГ», съезд постепенно в глазах читателей газеты превращался из события сугубо литературной жизни в мероприятие всесоюзного значения, важное для каждого советского гражданина. Для этого использовалась не только сама газета, но и другие СМИ: к примеру, в дни съезда «литературной дирекцией» были организованы выступления у микрофона делегатов и гостей Первого съезда, во время этих выступлений «писатели приветствовали съезд, читали стихи и отрывки из книг» (Радио-съезду. 1934. 6 сент.).

Приведенные выше примеры позволяют сделать вывод о том, что несколько месяцев до начала «Литературная газета» жила ощущением предвкушения съезда и активно к нему готовилась. Еще один немаловажный факт: накануне съезда редакция увеличила периодичность издания – «во время всесоюзного съезда, начиная с 17 августа, газета будет выходить ежедневно, за исключением послевыходных дней» (1934. 8 авг.). Данный, на первый взгляд незаметный, факт в комплексе с вышеозвученными говорит об удивительной трудоспособности и высоком уровне энтузиазма редакции.

В дни съезда (с 17 августа по 1 сентября) «Литературная газета» стала его хроникером. В течение двух недель здесь ежедневно публиковались стенограммы наиболее важных и интересных, по мнению редакции, выступлений делегатов. Всего за время съезда здесь были помещены целиком речи большинства выступающих. Среди них: М. Горький, Ю. Шмидт, М. Торошелидзе, М. Климович, Е. Шварц, М. Кольцов, К. Чуковский, Б. Пастернак, Л. Леонов, А. Караваева, В. Инбер, И. Бабель, М. Шагинян, Л. Сейфуллина, Ф. Гладков, И. Эренбург, Н. Бухарин и многие другие.

Отдельные выступления публиковались в пересказе, иные лишь упоминались в ежедневных обзорах «Вчера на съезде» и в «Дневнике съезда». В этих рубриках давалась подробная хронология каждого дня заседания, указывалось, какие доклады были озвучены, кто участвовал в прениях.

Помимо функции своеобразного рупора съезда, газета выполняла еще одну функцию – призывала писателей активно обсуждать темы, затронутые докладчиками, в рубрике «Трибуна съездовой дискуссии». В этой рубрике были опубликованы статьи писателей, не получивших слова на съезде. В ней писателям предлагалось открыто высказывать свою точку зрения по поводу заинтересовавших их докладов или же тем, поднятых во время выступлений с трибун. Большое внимание в этой рубрике уделено статьям, посвященным литературной критике (Почему наступает тишина? 1934. 21 авг.; Литература будущего. 1934. 25 авг.) и детской литературе (Давайте спорить; Об одном очень важном вопросе; Малыши и книги. 1934. 23 авг.).

В материалах, публикуемых непосредственно во время съезда, мы находим подтверждение нашей точки зрения о том, насколько важно было для редакции представить съезд событием всесоюзного масштаба, интересующим и писательское сообщество, и работников смежных сфер, и людей, далеких от искусства. Так, 17 августа в газете публикуется подборка заметок под общим названием «Страна приветствует съезд!». В них представители разных профессий обращались с приветственными словами к делегатам съезда. Среди них: начальник военно-воздушных сил РККА Я. Алкснис (Художник ближе к воздушному флоту), директор МХАТ СССР им. Горького К. Станиславский (МХАТ СССР – мастерам слова), президент Академии наук А. П. Карпинский (Горячо желает успеха), главное управление фотопромышленной СНК СССР (Дело советской литературы). Рядом с поздравлениями было опубликовано письмо от рабочих Балахнинского бумкомбината, которые дают «20 тонн бумаги в подарок съезду», так как им «хочется оказать хотя бы маленькую, но помощь» (20 тонн бумаги в подарок съезду). Еще одно письмо, «по поручению 4 000 колхозников», было напечатано на следующий день после начала съезда и адресовано лично А. М. Горькому. В письме колхозники сообщают любимому писателю о том, что они хотят организовать в своем колхозе литкружок, который мечтают назвать именем «дорогого Алексея Максимовича» Кроме этого, авторы письма дают Горькому наказ: «...передайте там, на съезде, товарищам писателям <...> нашу просьбу – пусть побольше и получше пишут книг о нашей новой, радостной колхозной жизни, о новых людях, пробужденных великой сталинской идеей к новой радостной жизни социалистического труда» (По поручению 4000 колхозников. 1934. 18 авг.).

18 августа, на следующий день после открытия съезда, в «Литературной газете» начали появляться первые репортажные сводки.

В газете мы можем найти подтверждение того факта, что писатели ждали съезда с невероятным энтузиазмом. Мнение современных ученых о том,

что «съезд проходил как большой всесоюзный праздник»⁴, «Литературная газета» подтверждает и передает торжественный, праздничный тон заседаний. Атмосфера торжественности и праздника во многом передается в газете за счет отзывов гостей и участников съезда. В номере от 18 августа мы находим материал под названием «Незабываемые впечатления. Иностранцы писатели об открытии съезда», в котором приводились восхищенные комментарии Клауса Манна, Густава Реглера, Франца Вейскопфа, Жан Ришара Блока и Луи Арагона об открывшемся съезде. В частности, Клаус Манн говорил о повсеместном распространении литературы в СССР, о необычайной читательской активности: «То, что меня больше всего впечатляет – это громадный и жгучий интерес, с которым здесь народ, массы, относятся к литературе. На Западе литература остается одинокой, здесь она в самой сердцевине жизни».

Отдельного внимания заслуживает фигура Горького, который авторами статей «ЛГ» воспринимается как легендарный, единственный и всеми любимый лидер. Следует отметить, что материалы о Горьком практически лишены конъюнктурного компонента и наполнены искренним, неподдельным восхищением. Оно совершенно явно прослеживается в статье «Горький на трибуне»: «Да, ему трудно говорить, у него тихий голос. К тому же пошаливает радио. И огромный зал напряженно, трудно, но бесконечно внимательно ловит каждое слово». Далее Горький наделяется чуть ли не мифическими характеристиками – он сравнивается с «вождем армии художников слова», а его доклад – «высшая математика культуры» (Горький на трибуне. 1934. 18 авг.).

Имя Горького, «близкое сердцу каждого писателя, каждого строителя нового, социалистического общества» (здесь и далее: Вчера на съезде. 1934. 23 авг.), красной нитью проходило через большинство статей о съезде. «Литературная газета» с упорным постоянством подчеркивала значимость Горького не только для писательской общественности, но и для всей страны. В рубрике «Вчера на съезде» часто появлялись подобные сообщения: «Величие горьковской мысли сквозило в словах В. Соболева и Анны Караваевой», а «изумительный старик ашуг Сулейман Стальский» даже написал Горькому песню: «Живи наш Горький, вестник бурь, / Мы навещать тебя пришли».

Еще большим примером искреннего и, возможно, подсознательного преклонения перед авторитетом А. М. Горького явилась статья «Открытие съезда», в которой рассказывалось о первом заседании. Главным героем этого репортажа стал Горький. Его имя в статье появлялось неоднократно, создается впечатление, что от внимания автора не ускользнуло ни одно движение, сделанное им. Приведем несколько коротких примеров: «Вдруг из конца в конец тишина разрывается раскатами приветственных аплодисментов: вслед за А. М. Горьким члены президиума всесоюзного

оргкомитета выходят на трибуну» (здесь и далее: Открытие съезда. 1934. 18 авг.); «Алексей Максимович занимает председательское место. Когда стихают аплодисменты, А. М. Горький говорит», «Алексей Максимович оставляет трибуну под новый порыв бурных аплодисментов и приветственных возгласов»; «Съезд снова встает, как один человек, приветствуя великого писателя Страны советов Алексея Максимовича Горького. И снова встает, аплодируя, весь съезд, когда Алексей Максимович избирается председателем Первого всесоюзного съезда писателей Советского Союза»; «Тов. Жданов передает <...> пламенный большевистский привет первому съезду советских писателей <...> во главе с величайшим пролетарским писателем Алексеем Максимовичем Горьким»; «Долго гремят аплодисменты, снова встает весь съезд, тепло провожая Горького долгой овацией, Алексей Максимович садится на место, опять встает, в знак благодарности прикладывая руку к сердцу».

Столь кропотливое описание всех нехитрых действий, совершенных А. М. Горьким, наталкивает на мысль о степени восхищения молодого автора статьи, который наблюдал за кумиром из зала. Подобные репортажи, без сомнения, способствовали созданию культа Горького, однако происходило это, на наш взгляд, без правительственных директив, а в связи с глубоким уважением к писателю.

За время съезда большой популярностью пользовались статьи, в которых рассказывалось о гостях съезда – непрофессиональных авторах, не равнодушных к судьбам литературы. В числе таких материалов репортаж о посещении съезда пионерами – авторами книги «Банда курносых» (Писатель старый и писатели совсем молодые. 1943. 20 авг.), которых расчувствовавшийся Горький пригласил к себе домой «на вкусные конфеты»; небольшое сообщение о прибывших с подарками на съезд делегатах московских заводов (1934. 20 авг.), заметка о Софье Гринчихе (1934. 23 авг.), которой все-таки удалось пообщаться с любимым автором.

Кстати, подарки на съезде не случайное дело, многие делегаты заводов и колхозов приезжали не с пустыми руками: кто-то, как Гринчиха, привозил книги собственного сочинения, кто-то пел Горькому песни (Вчера на съезде. 1934. 23 авг.), а, к примеру, «туляки передали для великого пролетарского писателя – Горького: отличное ружье и знаменитый тульский самовар» (Дневник съезда. 1934. 27 авг.).

Без внимания «Литературной газеты» не остаются и события, произошедшие вне съездовой трибуны. Авторы «ЛГ» публикуют достаточно подробный репортаж о встрече писателей с читателями в парке культуры, выводя, таким образом, съезд из ограниченного пространства зала заседаний в открытое и доказывая, что съезд важен не только тем, кто присутствует на заседаниях,

но и всем окружающим. На улицы Москвы писатели принесли энтузиазм, с которым проходили прения и обсуждения в Колонном зале, в самой же встрече, по мнению редакции, «было много радости, много цветов, много красок. <...> До сих пор писатели шествовали стройными рядами преимущественно в статьях и докладах. Здесь – без всяких фигуральных выражений – они выстроились в ряды и двинулись во главе шествия» (Встреча с читателями. 1934. 26 авг.). Участники съезда радостно приветствовали прохожие: «...писатели прошли как бы по коридору. Стены этого коридора состояли из людей, восторженно приветствовавших шествие, узнававших лица, знакомые по портретам, называвших книги, чьи создатели проходили здесь». Закончилось это шествие выступлениями писателей в Зеленом театре, в которых они «заверили десятки тысяч ударников социалистической страны в своей готовности выполнить предъявленные обязательства» (В зеленом театре. 1934. 26 авг.).

Внимание к съезду со стороны школьников отразилось в небольшой заметке К. Чуковского «Прежние съезды писателей». В ней писатель рассказал о пионере, который спросил его: «...были ли прежде, в царское время, какие-нибудь съезды писателей?». В ответ Чуковский привел примеры кабаков, в которых дореволюционные писатели «пили водку... очень много водки... Хвастались своими гонорами... Рассказывали анекдоты про женщин, играли на бильярде и пили опять. <...> А потом, пьяные, ехали всей оравой в какое-то уединенное место <...> там раздевались догола, брали кошку и с визгом и с танцами вешали ее за шею на особо устроенной виселице так, чтобы она подольше мучилась. <...> И называли себя кошкодавами» (Прежние съезды писателей. 1934. 23 авг.).

Чуковский упомянул и другие «съезды» – кафе «Бродячая собака», в числе посетителей которого были поэты и прозаики разных литературных направлений начала XX в.: А. Ахматова, О. Мандельштам, А. Блок, А. Белый, В. Маяковский, В. Хлебников и др. Чуковский писал, что туда «съезжались не только писатели, но художники, музыканты, актеры. <...> На эстраде танцевали, играли, читали стихи, а в тесных подвальных залах сидели за столиками сплошь знаменитые люди и, конечно, пили водку... вино... и смертельно скучали. <...> Один замечательный поэт того времени так и написал о “Бродячей собаке”»: Все мы бражники здесь и блудницы» (Прежние съезды писателей. 1934. 23 авг.).

Такое странное, не лишнее иронии («Это была вроде как бы секта, или, скажем, партия») представление Чуковским дореволюционных встреч с выгодной стороны раскрывает советский, «горьковский» съезд и для обывателя 1930-х превращает литературную жизнь начала XX в. в нечто фантастическое и очень далекое от реальности. Это подтверждает пионер, который

после такого рассказа «задумался, засмеялся, махнул рукой, убежал».

Помимо нелюбимого изображения писательской общественности, которое создает контраст советскому съезду, важным в данной заметке, на наш взгляд, является интерес мальчика не только к самому съезду, но и к истории писательских сообществ. Это подчеркивает неподдельное внимание к писательской жизни и желание стать ближе к литературному сообществу, что также используется редакцией газеты для придания съезду особенной важности.

Энергия и воодушевление участников съезда подчеркивались ритмом, в котором они публиковали свои заметки в газете. Очевидно, что тексты, попадающие в рубрики «Трибуна съезда», «Трибуна съездовской дискуссии», были написаны участниками незадолго до выхода газеты в свет, поскольку их темой часто становились проблемы, озвученные делегатами с трибуны накануне.

О скорости написания статей говорит и К. Чуковский, который в номере от 16 сентября возвращается к своему рассказу о прежних съездах в статье «Дополнение к беседе»: «В Колонном зале, впопыхах, в тревожной и волнующей обстановке съезда я передал мою речь очень невнятно, <...> на бегу» (здесь и далее: Дополнение к беседе. 1934. 16 сент.). Возвращаясь к вышесказанному, в этой статье Чуковский более обстоятельно подошел к рассказу о жизни дореволюционных писателей, говорил о том, что в «дореволюционное время писатель был лишен общения с читателем», и о «чувстве сиротства и заброшенности, которое испытывал тогдашний писатель». Друг с другом писатели могли встретиться очень редко, разве что «в редакции журнала, в салоне, в ресторане».

Быстро реагируют на события съезда в рабочей среде: еще до окончания его многие трудовые коллективы спешили выразить свою благодарность писателям, и в особенности А. М. Горькому, чья «речь произвела огромное впечатление на литкружковцев, рабочих авторов и писателей» (Что нам дал доклад А. М. Горького. 1934. 21 авг.).

Мнения делегатов были представлены в рубриках «Говорят гости и делегаты», «Говорят делегаты первого всесоюзного съезда». Здесь публиковались пожелания присутствующих гостей к организации съезда. В эту рубрику писали о детской литературе (Вопросы о детской литературе не поставлены. 1934. 21 авг.), об особенностях армянской литературы (Ближе в практике социалистического строительства. 21 авг.), о поэзии социалистического реализма (Об основном жанре поэзии. 21 авг.), о связи советских писателей с литературой Дальнего Востока (Китаец Эмми Сяо-Лин-Хуа и дом союзов. 1934. 18 авг.), об «организации связи советской литературы с миллионной читательской массой» (Центральная фигура. 1934. 23 авг.).

Свои коррективы в работу съезда вносила и редакция газеты. Так, в передовой колонке от

23 августа она пишет: «Следует <...> отметить некоторую пассивность критики на съезде, мы это отмечаем для того, чтобы в дальнейшей работе съезда критики стали более активными участниками, используя для этого также страницы «Литературной газеты»».

Таким образом, мы видим, что во время съезда на страницах газеты полным ходом шло обсуждение его организации: выявлялись достоинства и недостатки, получали слово те, кто не смог принять участие в прениях по докладам. Участники съезда обсуждали его достоинства и недостатки. Одним словом, «ЛГ» в дни съезда стала не только его хроникером, но и аналитиком, и печатной трибуной, в которой особое место отводилось материалам, затрагивающим вопросы организации съезда, обсуждающим выступления докладчиков, вносящим предложения и выявляющим недостатки.

Через материалы о съезде завершается публикацией в номере от 1 сентября Устава союза советских писателей.

Но и после съезда редакция не прекратила подогревать атмосферу вокруг единения писательского и рабочего сообществ. На следующий день после окончания съезда в «ЛГ» было опубликовано постановление Пленума правления Союза советских писателей СССР «О необходимости проводить на рабочих и колхозных собраниях выступления делегатов первого всесоюзного съезда писателей с отчетами о работе съезда» (Постановление пленума правления Союза советских писателей СССР. 1934. 3 сент.), ставившее главной целью донести решения съезда до масс, обозначить его значимость для жизни обычного пролетария.

Отчеты о результатах работы, проделанной в рамках постановления, также публиковались в газете. Рабочие, колхозники и школьники со всей России выражали искреннюю благодарность писателям и сообщали им свои предложения по развитию писательско-читательских отношений: чаще всего это касалось создания библиотек при цехах, организации открытых читок произведений, литкружков, встреч с писателями (В школах, в библиотеках, на заводах. 1934. 6 сент.; Бумажники отвечают писателям; Дни, родившие тысячи читателей. 1934. 16 сент. и др.)

Сами писатели тоже делились своими мнениями о прошедшем событии. В номере от 3 сентября печатается «литературная фантазия» «Ночь в колонном зале» – небольшое стихотворное произведение, написанное неизвестным автором под впечатлением от съезда. Он писал о том, что «Съезд кончился, / Отгрохотали речи, / Зачитан ряд последних телеграмм, / Расходится писательское вече / Кто по домам, кто по номерам» (здесь и далее: Ночь в колонном зале. 1934. 3 сент.). Между тем сам автор стихотворения, взглянув на портреты писателей, украшавших Колонный зал, подумал: «Дают ли классики свои оценки / Тому,

что им увидеть довелось?». Затем «портреты ожили» и началась беседа, в которой Гейне, Пушкин, Гете и Бальзак делились друг с другом своими размышлениями о съезде. В слова героев-классиков автор, очевидно, решил вложить наиболее популярные мнения о прошедших заседаниях и попытался представить как можно более объективную картину. Так, Гейне в стихотворении говорит о том, что среди советских писателей он «чувствует себя как дома»; Пушкин жалуется на то, что приходится «торчать на мраморной стене и слушать прения, / По мне уж лучше тысяча ударов, чем тысяча ответных слов»; Гете восклицает: «Искусство ваше зреет», а Бальзак «торжествует», «радуется», «ликует» и «переживает в СССР вторую молодость».

Еще одно впечатление от съезда в стихотворной форме выразила китайская поэтесса Ху Лан-Чи. Она обращается со словами восхищения и благодарности лично к Горькому: «Горький! Сегодня я увидела тебя! <...> Я плачу, я плачу у тебя на руках, будто встретила мать, вернувшись домой» (Горькому. 1934. 3 сент.).

Благодарности писателю органично продолжают череду материалов, мифологизирующих образ Горького во время съезда. Так, «начинающие авторы» «кабинета рабочего автора» Профиздата «выражают глубокую благодарность за то, что Вы (Горький. – М. С.) настойчиво потребовали от писателей оказания нам систематической помощи», а в конце статьи еще раз благодарят Горького и обещают учиться на его «гениальных произведениях», чтобы «создавать литературу на пользу отечества трудящихся всего мира» (Мы ждем повседневной помощи. 1934. 3 сент.).

В большом количестве появлялись сообщения от рабочих колхозов, цехов и мастерских. В редакцию пришли, в частности, письма от рабочих завода «Динамо»: «Больше хороших книг», «У каждого свой любимый писатель», «Мы ждем ярких типов», «Нас интересует все» (Письма с завода «Динамо». 1934. 4 сент.), в которых те призывали писателей быть ближе к производству и создавать интересную литературу, чтобы читатели получили то, что «они так давно ждут». Возможность высказаться получили и работники искусств (Слово работников искусств. 1934. 6 сент.), которые просят писателей поделиться опытом проведения съезда и помочь художникам в организации предстоящего съезда художников.

Редакция «Литературной газеты» с упорством публикует заметки из колхозов, создавая, тем самым, впечатление, что каждый советский гражданин, независимо от того, чем он занимается, хотел отблагодарить писателей за их выступления на съезде. К примеру, работники колхоза «Коммунист» Котельничского района «дали слово сдать к 23 августа хлебналог полностью и предложили организовать районный красный обоз им. Съезда писателей» (Колхоз имени съезда писателей. 1934. 3 сент.). В этой же заметке говорится о других

колхозах, которые «по-деловому откликнулись на вызов колхоза “Коммунист” и полностью рассчитались по зернопоставкам с государством», а «единоличники деревни Никишичи, выполнив хлебналог, организовали колхоз им. I всесоюзного съезда».

В послесъездовских материалах к восторженности добавляется экзальтация, истерия, и все это вместе взятое гротескует реальность и одновременно травестирует ее.

Успешная деятельность и популярность «Литературной газеты» среди писателей, рабочих, пионеров и колхозников явились своего рода мотиватором для создания других литературных газет в неписательской среде. Так, 12 сентября появляется сообщение о выходе в свет первого номера литературной газеты «Метро» (1934. 12 сент.), которая будет выходить в свет два раза в месяц, а первый номер «посвящен съезду писателей».

Увеличение заметок о повышенном внимании к литературе среди обычных рабочих и колхозников говорит о том, что «Литературная газета» с лихвой выполнила свои намерения сделать чтение книг и газет частью повседневной жизни каждого человека.

Что касается непосредственно вопросов развития советской литературы, то нельзя не отметить, что в критических и литературоведческих материалах «ЛГ» после съезда чаще всего говорилось о тех же проблемах и тех же недостатках литературы, которые был призван решить съезд. И несмотря на то, что редакция газеты в передовых колонках воодушевленно призывает писателей немедленно приступить к работе и совершить «звездный разбег: к рукописям, к работе» (1934. 8 сент.), авторы один за другим вновь обсуждают важность общения с читателем, необходимость конструктивной критики и способы создания качественной литературы (Чего ждет писатель от критики. 1935. 5 марта и др.).

О том, что съезд не решил всех проблем, а лишь обозначил пути развития литературы, редакция газеты говорит в передовой колонке через год после съезда. Авторы пишут: «Год после съезда для создания великих художественных творений человеческого гения – небольшой срок». «ЛГ» признает, что «истекший после съезда год не был годом исключительного литературного расцвета, наоборот, после съезда пока что появилось далеко не достаточное количество новых художественных произведений». Однако тот факт, что литераторы пока еще не могут создать книгу, которой будут гордиться граждане всей страны,

в «ЛГ» оправдывают тем, что прошедший «год явился годом внутренней перестройки художника, годом собирания и накопления художественных сил» (К вершинам социалистической литературы. 1935. 15 авг.).

Исходя из материалов «Литературной газеты», мы можем сделать вывод, о намеренном акцентировании внимания редакции к Первому съезду писателей как событию не только литературной, но и общественной значимости.

Анализ материалов газеты позволяет сделать вывод об устойчивой тенденции к сложению неоспоримого мифа о единении профессиональных писателей и простых рабочих, крестьян – потенциальных героев и героинь литературных произведений. Это делалось с помощью заголовков, лозунгов («Всесоюзный съезд – показатель огромного роста новой социалистической культуры страны советов» (1934. 2 авг.), «Создадим великую литературу социализма»; «Под флагом советов, под флагом социализма» (1934. 18 авг.)), приподнятого стиля изложения («Температура съезда с каждым днем повышается. <...> Все ярче оттеняется та кровная связь, которая существует между советским писателем и широкими массами рабочих и колхозных читателей» (Вчера на съезде. 1934. 23 авг.)), свидетельств восторженных очевидцев (Незабываемые впечатления. Иностранцы писатели об открытии съезда. 1934. 18 авг.). Это единение должно было быть продемонстрировано именно на Первом съезде писателей. Судя по участвовавшему количеству заметок об организации литкружков, о чтении книг ударникам и передовикам, мы можем сделать вывод, что «Литературной газете» удалось задуманное.

«Первый съезд» стал для «ЛГ» главным проектом, продемонстрировавшим убедительность сложившего мифа о единстве литературы и народа. Сама же газета в период съезда стала его главным идеологом, хроникером и аналитиком и тем самым укрепила свои позиции среди печатных изданий 1930-х гг.

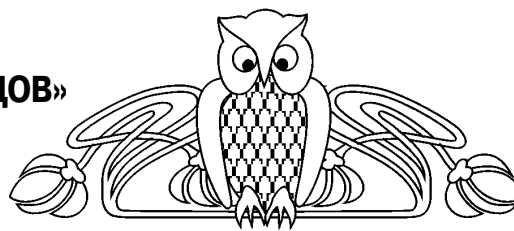
Примечания

- 1 Голубков М. Русская литература XX века (после раскола). М., 2002. С. 130.
- 2 История русской литературной критики : учебник / под ред. В. В. Прозорова. М., 2002. С. 287.
- 3 Накануне съезда // Лит. газ. 1934. 3 июля. Далее ссылки на «Литературную газету» даются в тексте с указанием в скобках названия материала и даты выхода.
- 4 История русской литературной критики. С. 298.

УДК [811.161.1:070:39](470+571)

КОММУНИКАТИВНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ДРУЖБА НАРОДОВ» ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Е. К. Рева

Пензенский государственный университет
E-mail: ekaterina.re@rambler.ru

В статье предлагается этнокультурный контекст рассмотрения журнала «Дружба народов» с целью выявления коммуникативной эффективности публикаций указанного издания по национальной проблематике.

Ключевые слова: этнические стереотипы, образ нации, этнокультура, периодическая печать.

**Communicative Effectiveness of Publications
in the Journal *Druzhba Narodov* (Friendship of Nations)
on the National Question: Ethnocultural Aspect**

E. K. Reva

The article offers the ethno-cultural context of analyzing the journal *Druzhba Narodov* (Friendship of Nations) in order to identify the communicative effectiveness of the publications of the said periodical on national issues.

Key words: ethnic stereotypes, image of the nation, ethnic culture, periodicals.

Известный российский этнопсихолог Ю. П. Платонов, изучая феномен национально-го характера, замечает, что «люди не стремятся реагировать на окружающие явления каждый раз по-новому, а подводят их под уже имеющиеся категории <...> В этих случаях познавательный процесс остается на уровне обыденного сознания, ограничиваясь житейским опытом, основанным на типичных для данной общности представлениях»¹. Формулируя другой подход к рассмотрению причин выработки стереотипов, Ю. П. Платонов также говорит о принципе защиты групповых ценностей как сугубо социальной функции, реализующейся в виде утверждения своей непохожести, уникальности. В контексте этого подхода этнопсихолог акцентирует умение индивида «отнести себя к конкретной, выделенной из всего множества группе, ценности которой выступают точкой отсчета в процессах стереотипизирования»². При этом социальную стереотипизацию следует рассматривать как функцию межгрупповой дифференциации, заключающейся в равнении своей и чужой групп. Актуализируя свою концепцию, Ю. П. Платонов делает вывод: «Данная дифференциация может принимать две формы: противопоставления («внутригрупповой фаворитизм») и сопоставления («миролюбивая нетождественность»)»³.

Специфика журнального текста обусловлена его коммуникативно-прагматическими параметрами, к которым относятся формы представления социально или культурно значимой информации, способы построения статьи и ее жанровая принадлежность, средства речевой выразительности и в целом образные ресурсы, способы выражения авторской индивидуальности. Прибегая к этим механизмам воздействия на аудиторию, текст способен либо акцентировать позицию противопоставления этнических общностей, либо актуализировать их сопоставление. Вместе с тем стоит оговориться, что не многие каналы информирования имеют идеологическую ориентацию на сопоставление культурных ценностей этносов. Под сопоставлением в ракурсе отражения этнокультуры в СМИ мы будем понимать соотношение содержания публикаций с культурной основой потребителя информации. В этом аспекте наиболее контрастными в современных межнациональных условиях выглядят отношения с народами Северного Кавказа. Острая военно-политическая обстановка 1990-х гг. способствовала доминированию в журналистике негативных представлений о народонаселении северокавказских республик.

В настоящее время одним из российских периодических изданий, предпринимающих попытку развенчать сложившиеся в обществе стереотипы, касающиеся северокавказских этносов, является независимый литературно-художественный и общественно-политический журнал «Дружба народов». Поскольку стереотипы чувственно окрашены и с психологической точки зрения нередко содержат долю ошибочной информации, то наиболее эффективным способом их нейтрализации становятся глубокие, объективные сведения, предоставляемые аудитории средствами массовой информации. Говоря о журнале «Дружба народов», необходимо отметить, что наряду с историческим и политическим ракурсами рассмотрения национальной проблемы присутствует и этнокультурный компонент содержания, выступающий наиболее эффективным способом формирования объективного образа нации в сознании читателя и, следовательно, способный устранить имеющиеся негативные представления о ней.

Наряду с публикациями, освещающими национальный вопрос в историческом и политическом аспекте (В. Дегоев. Северный Кавказ: исторические очерки; Кавказ между бывшим

Востоком и нынешним Западом; И. Доронина. Кавказский фронт; Дагестан; Н. Силаев. Кавказский узел), что в силу объективности представленных в них фактов развеивает стереотипы в отношении русско-кавказских отношений, в журнале представлены материалы этнокультурной направленности, формирующие объективный взгляд на народы Северного Кавказа.

Так, статья Мусы Ахмадова «Предания, исполненные благородства»⁴ заключает в себе нравственно-этический свод национальных традиций и правил. Немаловажно, что в повествовании автора отсутствует оценочность. М. Ахмадов отражает как существующие порядки в современном чеченском обществе, так и обычаи прошлого. Такая репрезентативная система представляет читателю наиболее полную картину сущностного содержания жизни этноса.

Отражая в своей статье морально-этические доминанты национального уклада, М. Ахмадов говорит о двух составляющих, которые мотивируют строгое соблюдение нравственных принципов. Первая – чувство ответственности перед предыдущими поколениями (семь отцов), перед ныне живущими (семья, родственники, село, народ), перед будущими потомками (как отмечает автор, «только через семь поколений забываются поступки – хорошие и плохие»). В качестве второй составляющей М. Ахмадов выделяет ощущение чеченца в ценностной системе своего народа. «Как только человек начинает ощущать себя как личность, – поясняет автор статьи, – он попадает в жесткую систему морально-нравственных ценностей, в систему нравственных обязанностей и запретов». По мнению М. Ахмадова, это способствует тому, что человек получает возможность контролировать свои эмоции и поступки, вырабатывая «высокую сопротивляемость жизненным бедам и невзгодам»⁵. Выделяя нравственно-этические национальные категории (сий – честь, маршо – свобода, собар – терпение, яхь – гордость, оьзда яхь – благородная гордость, кьинхетам – милосердие, комаьршалла – щедрость, декхар – долг), журналист дает подробную этнокультурную характеристику каждой из них, насыщая свое повествование культурно-бытовыми деталями, репрезентирующие поведенческие стратегии внутриэтнического порядка, а также иллюстрирует выдвигаемые положения легендами, преданиями, героическими песнями, реальными историческими фактами. Например, говоря об отличительной особенности национального чеченского этикета – особом отношении к старшим, М. Ахмадов пишет: «"Не пересекать дорогу" – понятие довольно своеобразное. От того, что мы пройдем перед идущим вдалеке человеком, ему не будет никакого вреда и путь его "не прервется". Поэтому этот обычай есть не что иное, как проявление уважения к пожилому человеку, оказание чести ему самому и его возрасту». Приводится другое проявление такого уважения: «В старину чеченские девушки и мо-

лодые женщины проявляли уважение к пожилому человеку следующим образом: если возвращающаяся с родника девушка встречала пожилого мужчину, она опускала свой кувшин на землю, поворачивалась боком и стояла так, пока мужчина не пройдет. Если же это была молодая женщина с ребенком на руках, она опускала ребенка на обочину дороги, а сама отходила в сторону, подобным образом демонстрируя свое уважение к возрасту мужчины». Здесь автор приводит сохранившийся у чеченского народа рассказ о том, как мужчине, ехавшему на коне, встретилась идущая навстречу молодая женщина. Она, положив ребенка на землю, отошла в сторону и повернулась к нему боком. Сойдя с лошади, Дуда подошел к ребенку и, увидев, что это мальчик, положил рядом с ним подарок – семизарядный пистолет. «Да сделает тебя Бог полезным членом семьи, да продлит Бог твою жизнь», – сказал Дуда и удалился. Позднее, как рассказывает читателю М. Ахмадов, узнав, кто именно проявил такую обходительность, отец мальчика прислал Дуде в подарок скакуна. Автор морализирует приведенную им историю: «Так благодаря красивому обычаю завязалась дружба между ранее незнакомыми людьми»⁶. Идея коммуникативности выражается дифференциацией между северокавказскими народами в аспекте национального речевого поведения, составляющего нормы национального этикета. М. Ахмадов констатирует: «...чеченская народная этика и культура обнаруживают присущее им своеобразие при сравнении с традициями не только христианских, но и других мусульманских народов. Например, по соседству с нами живут кабардинцы и балкарцы. У них с мусульманским приветствием «Ассаламу алейкум» друг к другу обращаются не только мужчины, но и женщины, а также мужчины к женщинам. А, как мы знаем, у чеченцев так между собой здороваются только мужчины, причем молодые люди не могут подобным образом обращаться к старшим по возрасту»⁷.

Репрезентируя в своей статье такое понятие, как щедрость, показательное для чеченского этноса, автор также прибегает к этнокультурным примерам: «Щедрость особенно полно проявляется в угощении, которое ставится перед гостем. Щедрость хозяина – поставить перед гостем все, что он имеет. <...> достаточно "предложить кукурзную лепешку с кислым творогом, если это сделано от чистого сердца". У чеченцев существовал обычай, согласно которому для гостя забивали последнюю овцу или быка, что не имели сами – просили у соседей и любыми способами старались угодить гостю». Последовательно развивая мысль о коммуникативности в современных стабилизационных межэтнических условиях, М. Ахмадов особо выделяет отношение чеченцев к человеку другой национальности: «Наибольшее уважение чеченцы оказывали прибывшему издалека гостю, тем более гостю другой национальности. "Гость не из нашего края" – так называли прибывшего

издалека человека. Охрана и удовлетворение его потребностей становилось делом не только хозяина, но и всего селения. Потому что ущерб, нанесенный гостю из другой страны, ложился позором на все село»⁸. В этом контексте автором приводится четверостишие чеченского поэта Ахмада Сулейманова: «Лучше огня очага / Согревает гостя / Чеченцев щедрость, / Чеченцев благородное слово».

Следует отметить, что автор статьи «Предания, исполненные благородства» отражает не только положительные качества, присущие этносу, но и выделяет некоторые пороки, наиболее часто встречающиеся в чеченском обществе: тщеславие и зависть. В их основе, по мнению М. Ахмадова, лежит инстинктивное соперничество между членами общества. В этнокультурном аспекте для нас интересна следующая цитата, разъясняющая национальное проявление гордыни, тщеславия: «...проявляется в тех случаях, когда из страха перед народной молвой человек совершает неправильные, вредные поступки. Тщеславие хорошо показано Саидом Бадиевым в рассказе “Баудди”. Его герой, не сдержавший данного слова и опасаящийся, что люди назовут его недостойным мужем, разводится с только что приведенной в дом женой без всякой на то ее вины. По этой причине гибнет Кулсам, которую муж выгнал из дома в метель, темень и холод»⁹.

Предлагая такой материал читателю, журнал «Дружба народов», говоря словами Ю. П. Платонова, употребленными им в контексте межэтнических отношений, обеспечивает «оптимальную организацию контакта». Издание выступает посредником между этносами, реализуя принципы адекватной межнациональной коммуникации:

- признание безусловного равенства сторон;
- наличие обстановки открытости и доверия;
- принятие общих, значимых для обеих сторон целей;
- уважение к традиционным нормам, ценностям, правилам поведения, образу жизни друг друга¹⁰.

Эти принципы находят реализацию и в тех публикациях «Дружбы народов», в которых ставятся острые социальные вопросы. В их контексте этнокультурные детали выглядят наиболее существенными в аспекте межнационального взаимодействия. В статье Эльвиры Горюхиной, автора ряда материалов, посвященных русско-кавказскому вопросу в масштабах Большого Кавказа («Поездка учительницы на Кавказ», «Свет и тьма Панкисского ущелья», «Хочется жить, зная, что будет завтра»), «Место жительства – война» на фоне обстановки в Чечне, Дагестане 1998 г. отражение национальных ценностей обостряет внимание читателя к тому, что составляет сущность жизнепорядка народов Северного Кавказа и, думается, ведет его к более толерантной позиции. Этнокультурный контекст в свете представленных в статье горя, бедности, чувства безысходности

заставляет задуматься о неизбежности национальных качеств. Так, рассказывая о семье Хадиджат Гатаевой, приютившей и воспитывающей более сорока детей, автор подчеркивает: «Живые чеченские матери не отдают своих детей, как бы тяжело ни складывалась жизнь. Чеченские дети своих родителей в дом престарелых не сдают». И призывает задуматься над этим всех тех, кто «так печется об особой русской ментальности»¹¹. Несмотря на то, что семья испытывает большие финансовые трудности («Мы приехали вовремя: заканчивалась крупа, масла растительного – на доньшке»¹²), в доме царит дух семьи «большой» и «настоящей», как характеризует атмосферу Э. Горюхина. Далее она рассказывает о внутрисемейных отношениях: «Во дворе мальчики красят качели. Плачет девочка. Обидел подросток Беслан.

– Разве можно обижать девочек?

– Она мне сестра, и дело брата следить, чтобы от сестры не вылетало плохое слово. А оно вылетело». Автор статьи заключает: «Ну что ж! Законы семьи...»¹³.

Мысли, высказанные журналистом относительно Дагестана, имеют более обобщающий, философский характер, нежели приведенные выше этнокультурные детали. Э. Горюхина, изучившая жизнь на Кавказе, заключает: «В Дагестане живет думающий народ». Этот тезис находит свою дальнейшую аргументацию. На вопрос, заданный автором самой себе, об инстинкте на истину, инстинкте на здравый смысл, чутье на баланс сил, свойственных дагестанцам, она получает ответ от русского командира погранотряда в Дербенте. Он говорит: «А это от культуры народа. Она очень высокая. Мы этого, к сожалению, не знаем. Дагестан – древнейшая цивилизация. Уникальный опыт векового соседства сотен народов. Сосуществование с другими нациями и народами – разве это не культура?.. Я понял это сразу, когда сюда приехал. Стоит увидеть, что такое дагестанский двор. Десятки народов. Если поймешь, что ты, русский, один из них, с тобой ничего не случится. Я вот сейчас с вами разговариваю, а мои дети во дворе. И я не хочу бояться»¹⁴.

Мнение другого респондента немаловажно с точки зрения полиэтничности Дагестана и, следовательно, в межнациональном срезе, мирном коммуникационном сосуществовании разных народов и народностей: «Дагестан бы уже давно взорвался, если бы был мононациональным, – сказал старый даргинец, подвозивший нас к кладбищу. – Ты должен с рождения учитывать интересы соседа, на каком бы языке он ни говорил. Обратите внимание, как водят машину в Дагестане. Никаких дорожных правил не соблюдают! А дорожные происшествия минимальны. Почему? Тот, кто нарушает правила, учитывает другого, который тоже нарушает правила. Весь секрет здесь...»¹⁵.

В статье Артура Цуциева «Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов» на уровне этнической стереотипизации анализируются русско-

кавказские отношения. В начале статьи автор дает установку читателю: «... целью данной статьи не является “развенчание” стереотипов, критика негативных установок или демонстрация того, что русские мифы о кавказцах или кавказские мифы о русских не соответствуют действительности. Задачей статьи является попытка описать, как переживаются и какими выстраиваются эти представления»¹⁶. Основываясь на фактах современной действительности, А. Цуциев представляет общую картину культурного состояния России и вводит этнический компонент: «Кавказец “вплывает” в русское поле, охваченный крайней гордостью за тот мир, который он в нем представляет. И что же дальше? Дома кавказцу кажется, что ему изначально задана некая культурная рамка, в которую он должен встроиться, чтобы состояться человеком. Кавказец нагружен своей культурой, он несет ее. И “несет” он ее еще и к сведению русского. Он демонстрирует в чуждом окружении свою принадлежность к этой культуре. Но чем глубже он погружается в сети русской жизни, тем отчетливее он понимает, что перестает представлять кого-то и что-то, кроме себя самого. Здесь, в России, он вдруг обнаруживает, что подлинное общение выстраивается по ту сторону этнических маркеров. Никому нет особого дела до того, что именно ты “олицетворяешь”. Ты просто персона, частное лицо»¹⁷.

В контексте выведенных А. Цуциевым представлений, существующих в настоящее время по отношению народов друг к другу и носящих субъективный характер, поскольку в основе этого психологического явления лежит чувственно-наглядный образ, для нас представляет интерес включенный в статью объективный компонент, каким выступает этнокультура – наличие определенной схемы поведения, устойчивых признаков, свойственных конкретной нации. Автор статьи акцентирует строгую регламентированность культурной среды кавказского общества, указывая на то, что для кавказца «“потерять лицо” означает здесь “все потерять”», что представитель северокавказских этносов существует в «гораздо более напряженном “стандартами”, обязательствами, условностями повседневном мире», что «эта погруженность создает для кавказца режим постоянного экзамена на состоятельность – нужно вечно соответствовать этим условностям, своему Имени/идентичности»¹⁸.

Рассматривая образ кавказца, А. Цуциев обращается к его фиксации в русской классической литературе и тем самым актуализирует коммуникативную эффективность своей публикации. Художественная интерпретация также содержит этнокультурные детали: «свобода и честь, воинственное достоинство и благородство разбойника», «доминанта свободы и чести-достоинства ощущается во всем – в понимании смысла жизни, в принципах, на которых строятся человеческие отношения (как дружеские, так и вражеские), в

характере и характеристиках хозяйственных занятий, в манере “держать себя”, даже в манере одеваться». Автор пишет: «Я очень условно называю данный тип восприятия горца романтическим, в основном потому, что в цельном образе горца для этого русского восприятия “свернута”, неизвестна и незначима рутина самого джигита. Жизнь горца в романтическом русском восприятии – это тень вечно утверждаемого достоинства, следования Закону – набега, гостеприимства, кровомщения, почитания старших, страха проявить трусость. Этот Закон достоинства должен быть воплощен во всем, в каждом повороте судьбы, в каждом слове, даже в том, как выглядит горец»¹⁹. А. Цуциев, вводя в повествование исторический контекст, отмечает, что восприятие образа нации менялось под воздействием военного, геополитического, социально-экономического факторов: «Образ горцев, точнее говоря, характер их отношений с русскими оказывается следствием дискриминационной политики государства, усиливающей социально-культурную дистанцию между двумя группами. Данная традиция в построении образа горцев устанавливает “причинно-следственную связь” между их “характером” и “русской политикой в отношении горцев”»²⁰.

Пытаясь обосновать наличие представлений, имеющихся как у русских, так и у кавказцев, А. Цуциев обращается к следующим элементам культуры:

– психологическим установкам общества, мотивирующим модели социализации: «Я не хочу сказать, что мальчики в русских семьях растут более маменькиными сынками, чем в семьях кавказских, или что в последних отношения между родителями и детьми менее душевные. Но такие процессы, как старение русского населения, его урбанизация, сокращение размеров семьи и количества детей, есть факторы, снижающие вероятность подстегивания русскими родителями агрессивности как атрибута модельного мужского поведения при воспитании мальчиков»²¹;

– религиозным основам этносов: «... христианство ассоциируется с разрушенным в советское время сельским русским миром, с заброшенностью и ненадежностью. И с другой стороны, наполненные новыми домами села северокавказских мусульман, культурный этический кодекс взаимовыручки и сила коллективной солидарности ассоциируются с жизненной силой и всеохватностью ислама. Если христианский выбор связывается чуть ли не с уходом в монастырь, с неким дистанцированием от мира сего, то выбор исламский, напротив, призывает быть в этом мире и изменять его. Христианский выбор ассоциируется с фигурой молоденького батюшки, окруженной сонмом тихих старушек. Ислам же есть община, жизненное напряжение деятельных и жестких мужчин. Христианство – спасение “одинокой души”, ислам – обязательства, связывающие верующих в некий коллективный порядок»; сущность

религий, их отличий и, соответственно, отличие этносов А. Цуциев видит и образах Иисуса и пророка Мухаммеда: «Русским очень подходит быть христианами. Жертвенная судьба Иисуса так диссонирует с судьбой и делами пророка Мухаммеда – “мыслителя, воина, государственного деятеля в одном лице”. Что-то есть отчетливо женственное в этой Христовой жертвенности – непротивление силе, смиренность... Мусульманину, вероятно, трудно понять величие быть распятым на тобою же принесенном кресте»²²;

– гендерным проявлениям в аспекте тенденций женской моды, влияющих не только на внешний вид человека, но и на его сознание: «Как говорил один кабардинский мулла, “наши девушки должны одеваться соответственно нашим традициям – одежда не должна быть слишком облегающей”. Указание на то, что одежда не должна подчеркивать/очерчивать женские формы, – это полная противоположность генеральному направлению в развитии западной женской моды. Особенностью ее является акцентировка “форм”, указание на них, прочерчивание направлений для устремленного мужского внимания»²³.

А. Цуциевым воспроизводятся активно функционирующие в обществе представления, вероятно, по этой причине ему не удается избежать авторской оценочности: она проявляется тогда, когда автор говорит о тех условиях, в которых сосуществуют народы: «И здесь, просматривается новое историческое смыкание “образа России” как чужого государства и “образа русских” как чуждой культурной среды – среды, где свобода невозможна, она тебе “не прописана” по этническим показателям. Такое смыкание создает живой спрос в кавказском мире на поиск иного пространства Свободы и рождает иллюзии, с ним связанные». А. Цуциев продолжает: «И здесь, в сущности, нет большой разницы, куда ехать – ведь прежней Страны для них больше нет»²⁴.

Поскольку А. Цуциевым представлена стереотипизированная интерпретация образа этноса, то она подвергается психологическому анализу. Статья не может претендовать на безапелляционность, так как, по мнению Ю. П. Платонова, стереотипы «не существуют вне индивида, они психологичны по локусу существования, но носитель стереотипов всегда вариативен в поведении как в историческом, так и в этническом пространстве». «Это обуславливает, – продолжает этнопсихолог, – семантическую неоднозначность реализующегося в субъектно-объектных отноше-

ниях стереотипа, а тем самым происходит своеобразный “коллективный отбор” и межпоколенная трансляция наиболее адекватных и полезных для данного этноса авто- и гетеростереотипов»²⁵.

Коммуникативное решение национального вопроса журналом «Дружба народов» реализуется посредством многоаспектного взгляда на эту проблему: историко-политический ракурс статей представляет развитие межнациональных отношений, публикация художественных произведений и журналистских материалов авторов разных национальностей свидетельствует о консолидации народов в рамках литературно-информационного пространства, этнокультурный компонент, включенный в ряд статей, объективирует образ нации, освобождая массовую аудиторию от сложившихся в обществе стереотипов.

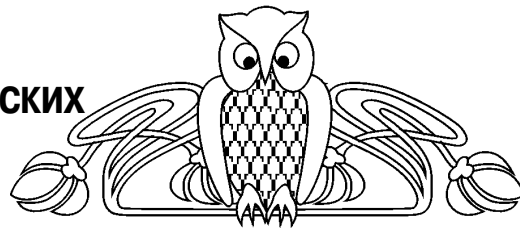
Примечания

- 1 Платонов Ю. Психология национального характера. М., 2007. С. 126.
- 2 Там же.
- 3 Там же. С. 127.
- 4 См.: Ахмадов М. Предания, исполненные благородства // Дружба народов. 2009. № 5.
- 5 Там же. С. 169.
- 6 Там же. С. 171.
- 7 Там же.
- 8 Там же. С. 179.
- 9 Там же. С. 178.
- 10 См.: Платонов Ю. Указ. соч. С. 129.
- 11 Горюхина Э. Место жительства – война // Дружба народов. 2000. № 11. С. 157.
- 12 Там же.
- 13 Там же. С. 158.
- 14 Там же. С. 161.
- 15 Там же. С. 162.
- 16 Цуциев А. Русские и кавказцы : по ту сторону дружбы народов // Дружба народов. 2005. № 10. С. 152.
- 17 Там же. С. 175.
- 18 Там же. С. 162.
- 19 Там же. С. 154.
- 20 Там же. С. 155.
- 21 Там же. С. 168.
- 22 Там же. С. 169.
- 23 Там же. С. 166.
- 24 Там же. С. 176.
- 25 Платонов Ю. Указ. соч. С. 133.

УДК 811.161.1: [070:654.197]

КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ В РЕЧИ ВЕДУЩИХ СОВРЕМЕННЫХ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ТЕЛЕПЕРЕДАЧ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Ю. С. Лавренченко

Саратовский государственный университет
E-mail: yuliya-lavrenchenko@yandex.ru

В статье рассматриваются основные и наиболее частые причины коммуникативных неудач, из-за которых между ведущим современной просветительской телепередачи и массовым адресатом может возникнуть недопонимание. Однако существуют и такие коммуникативные неудачи, которые предотвратить можно.

Ключевые слова: коммуникативные неудачи, речь телеведущих, просветительские телепередачи.

Communication Failures in the Speech of Contemporary Educational Television Programmes Presenters: Reasons and Consequences

Yu.S. Lavrenchenko

The article examines the main and most common causes of communication failures that can lead to misunderstanding between the presenter of an educational television programme and the mass addressee. However, there are such communication failures that can be prevented.

Key words: communication failures, presenter's speech, educational television programmes.

Недопонимание или полное отсутствие понимания друг друга (например, при встрече носителей языков разных стран) является характерной чертой почти каждого коммуникативного акта. Такая черта связана с различными и многочисленными причинами, следствием которых является коммуникативная неудача, которая, по мнению О. Н. Ермаковой и Е. А. Земской, была бы исключена лишь в одном случае – если бы собеседники были зеркальным отражением друг друга¹.

О. Н. Ермакова и Е. А. Земская под коммуникативной неудачей рассматривают «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, то есть неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего»². К коммуникативной неудаче лингвисты относят и возникающий в процессе общения нежелательный эмоциональный эффект (обида, раздражение, изумление), неподготовленность, спонтанность и эмоциональность русской речи, а также частую импульсивность общения³. При этом О. Н. Ермакова и Е. А. Земская разделяют причины коммуникативных неудач на три класса: «1) порождаемые устройством языка, 2) порождаемые различиями говорящих в каком-либо отношении, 3) порождаемые прагматическими факторами»⁴.

В отличие от данных авторов, О. В. Кукушкина вместо термина «коммуникативная неудача» использует именование «речевая неудача», подчеркивая «отнесенность нарушений к сфере порождения, а не восприятия текста»⁵.

С. И. Виноградов и О. В. Платонова, некоторые другие лингвисты называют коммуникативными неудачами «недостижение инициатором общения коммуникативной цели и, шире, прагматических устремлений, а также отсутствие взаимодействия, взаимопонимания и согласия между участниками общения». Ученые придерживаются мнения, что причины коммуникативных неудач кроются в социально-культурных стереотипах и фоновых знаниях коммуникантов, в различиях коммуникативной компетенции, в психологии пола, возраста, личности, в дистантности участников, присутствии посторонних лиц, в общении через записки, письма, пейджер, по телефону, а также в состоянии коммуникантов и их настроении⁶.

Таким образом, многие филологи связывают причины коммуникативных неудач не только с использованием языка, но и внеязыковым контекстом. В данной статье речь пойдет о коммуникативных неудачах, порождаемых ведущими просветительских телепередач: Е. А. Кончаловским («Магия кино»), В. В. Ерофеевым («Апокрифф»), Д. Д. Крыловым («Непутевые заметки»), И. И. Затевахиным («Диалоги о животных») и Т. Баженовым («Рейтинг Тимофея Баженова»). Мы попытаемся выяснить основные причины их коммуникативных неудач, а также возможные способы устранения и недопущения впоследствии таких неудач. При классификации причин коммуникативных неудач будем руководствоваться типологией О. Н. Ермаковой и Е. А. Земской. Кроме того, следует пояснить, что в данной статье мы будем анализировать коммуникативные неудачи вербализации⁷ (порождаемые говорящим) по отношению к массовому адресату. Ведь успешность понимания и интерпретации информации адресатом зависит, прежде всего, от подачи материала.

Поскольку все названные нами телеведущие работают в просветительских программах, которым свойственен научно-популярный стиль изложения, первое, на что следует обратить внимание при анализе коммуникативных неудач, это то, как телезрителям преподносится чисто научная информация, объясняются или не объясняются специальные термины. Просмотрев по несколько выпусков передач «Магия кино» (обозначение в

примерах – М.), «Апокриф» (обозначение в примерах – А.), «Непутевые заметки» (обозначение в примерах – Н.), «Диалоги о животных» (обозначение в примерах – Д.) и «Рейтинг Тимофея Баженова» (обозначение в примерах – Р.), мы пришли к выводу, что никто из исследуемых нами телеведущих не объясняет значения употребленных научных терминов. И если значение терминов, используемых Иваном Затевахиным, становится более или менее понятным благодаря контексту (На третьем году жизни молодых самцов изгоняют из прайда (семейной стаи львов. – Ю. Л.), в котором они родились. Львы из одного помёта часто держатся вместе, но при отсутствии собственной территории и полноценных навыков охоты изгои вынуждены блуждать в поисках пищи (Д. 20.03.2010); Иногда брачный период наступает сразу у нескольких самок из одного прайда. Иногда он может начаться у всех самок одновременно, если их львят убили во время попытки переворота. Потеря детёнышей быстро вызывает эструс (такое психофизиологическое состояние самок, при котором они вновь готовы к спариванию. – Ю. Л.) (Д. 20.03.2010)), то термины, используемые Тимофеем Баженовым (геном, паковые льды и др.), не только не объясняются ведущим, но и могут быть не всеми поняты в контексте передачи: **Паковые льды отступают, а вода, наоборот, захлёстывает побережье. И в этих условиях медведи чувствуют себя плохо (Р. 31.03.2011); В её геноме многое совпадает с людским, а отдельные органы дают почти стопроцентное соответствие (Р. 24.03.2011).**

В. В. Ерофеев своими «подсказками» и дополнениями облегчает гостю-собеседнику коммуникативный процесс (А. 23.03.2010):

Владимир Вишневский, поэт: ...Сегодня муза, она вдохновитель и организатор его побед, возможно, сегодня муза поэта...

Виктор Ерофеев: Вдохновитель и организатор его страданий тоже.

Владимир Вишневский, поэт: Да, его страданий, да.

Виктор Ерофеев: Организатор страданий.

Владимир Вишневский, поэт: Более того, сегодня в сегодняшнем проекте она может быть его директором, администратором, она под- ходит <...>

Виктор Ерофеев: Или спонсором.

Владимир Вишневский, поэт: Да...

Однако иногда ведущий забывает о массовом адресате, который, в отличие от В. В. Ерофеева, без специального объяснения может не понять какие-то нюансы беседы (шутку, иронию). Ведущий не всегда разъясняет то, что в речи гостя и самого Ерофеева может быть незнакомым. Поэтому, даже несмотря на то, что в современных условиях, в основном, слова и словосочетания вроде организатор страданий, администратор, директор, спонсор понятны всем, тем более в контексте программы, верный смысл речи ведущего

не всегда способен доходить до массового адресата. Это можно наблюдать в нижеследующем отрывке диалога (А. 14.04.2009):

Михаил Елизаров: Если говорить о для меня Серебряном веке как неком художественном образе символистском, это-о-о такой вот футуристический «Гоночный автомобиль» Маринетти, где-е сидят русские конспирологи, религиозные философы, футуристы – такая вот сложная «барынька», которая может так охарактеризовать «Цветатова» (вот такой вот гибрид Ахматовой и Цветаевой). Вот они мечутся все вместе два автомобиля между будуаром и молельней, периодически кто-то стреляется, кто-то сходит, кто-то вдруг оказывается за границей, потом вдруг заканчивается бензин и м... и кто-то вдруг оказывается в «Победе», едет там где-нибудь в пятидесятых годах, как Пастернак, да? Который вдруг ок..., он тоже бы... он был действительно он начинал с футуризма. Единственный период, который в русской культуре, который можно оха... охарактеризовать как «культурная революция». Пожалуй, такого второго явления в нашей культуре не было. Это грандиозный период!

Виктор Ерофеев: Жданов в своем знаменитом докладе, в... выступая против Зоценко и Ахматовой, сказал, что Ахматова как раз и «мечется между будуаром и-и монастырём»...

Михаил Елизаров: Довольно метко заметил товарищ Жданов! Как бы очень верно...

Виктор Ерофеев: Вы согласны, Вы согласны с этим?

Николай Котрелёв: Всё гораздо раньше описал Северянин в «Будуаре» э-э-э... Нелли, где «на пудре молитвенник, а под ней Поль-де-Кок, э-э... на кушетке загорелся молодой педагог».

Михаил Елизаров: Кстати, вот экий футурист Северянин! Прекрасный перевод, безусловно, и-и чем а-а-а... он ещё интересен для меня, как правило, это то, это тот период, в который тыкают носом, вот как, кажется, нашкодившего современного литератора вот двадцать первого века: «Вот там литература!.. Вот там...»

Виктор Ерофеев: Там настоящая!

Михаил Елизаров: Там настоящая! Это то время, когда появилась та литература, в которую: «Вот смотри, сволочь, как делали люди, как умели!..»

Виктор Ерофеев: И всё-таки, и всё-таки...

Михаил Елизаров: И это тоже правильно, потому что тогда появилось всё то новое!

Виктор Ерофеев: И всё-таки, и всё-таки э-э... Жданов э-э... Вам близок, как я понимаю? Товарищ Жданов близок, а значит...

Михаил Елизаров: Товарищ Жданов э-э... не без остроумия, в общем-то. По факту, они действительно метались. Это люди э...

Виктор Ерофеев: Зловещие!

Михаил Елизаров: Действительно такая вот странная дуальность – и чувственность, и-и-и попыт... тяга к духовности, и при этом

какая-то плотскость этого времени. Действительно, это очевидно, и-и Жданов совер... соверш... абсолютно очевидно это-о м... это заметил. Ну...

У Д. Д. Крылова же его программа «Непутевые заметки» рассчитана на эрудированную аудиторию, подкованную в вопросах туризма. Более того, имена, фамилии, названия каких-либо мест ведущий произносит не всегда чётко. Например: *Архитектор* (следующее слово невнятно произнесено. – Ю. Л.) *Эсберг очень хотел создать удобную лестницу на второй этаж* (Н. 20.03.2010). Таким образом, в одном выпуске передачи может накопиться приблизительно от двух до девяти непонятых или с трудом понятых слов. Именно поэтому процесс успешного усвоения информации массовым адресатом временами усложняется.

Второй важной причиной коммуникативных неудач, объединяющей всех рассматриваемых нами телеведущих, общающихся с гостями в студии, является перебивание ведущим своих собеседников. Особенно такие перебивания заметны в программе «Апокриф», построенной в жанре ток-шоу с множеством приглашенных гостей-экспертов. Ведущий передачи Виктор Ерофеев часто перебивает своих собеседников, но иногда извиняется за это. На наш взгляд, было бы риторически грамотнее, если бы ведущий давал собеседнику договорить и выдерживал определенную паузу после речи гостя, которая, возможно, еще больше интриговала бы телезрителя и приковывала к передаче дополнительный интерес. А из-за постоянного перебивания очень часто непонятно и то, что сказал собеседник, и то, что сказал ведущий. К тому же, перебивая других, В. В. Ерофеев тем самым как бы «разрешает» делать это и гостям в студии, чем они очень часто и пользуются. В итоге при постоянном перебивании массовому адресату порой приходится напрягаться и нервничать, чтобы расслышать и понять сказанное в той или иной телепередаче. А такое явление никак нельзя отнести к коммуникативному успеху.

Еще одной весомой причиной коммуникативных неудач в речи ведущих просветительских телепередач является неуверенная манера подачи материала. Особенно это было заметно в речи Е. А. Кончаловского, который произносил текст, словно заученный, и неуверенным тоном общался со зрителями. «Магия кино» – информационно-аналитическая новостная передача, где, конечно же, присутствует некоторая официальность. Потому и телеведущий в некоторых случаях в своей речи допускал официальную тональность, которую телезрители скорее всего воспринимали как заученный, а возможно, прочитанный с телесуфлера или листа текст. Особенно это было заметно в тех ситуациях, когда ведущий в беседе с гостем программы долго формулировал свои вопросы, а говоря о киноновостях, сбивался и как бы вспоминал текст. Такое произнесение заученных фраз снижало авторитет журналиста в

глазах телезрителей и, следовательно, приводило к коммуникативной неудаче. Кстати, возможно, что такая манера была связана с небогатым речевым опытом ведущего, который, прежде всего, является актером и режиссером, а не профессиональным журналистом.

В общении Е. А. Кончаловского с гостем в студии чувствовалась некоторая напряженность, которая из выпуска в выпуск не пропадала, а иногда даже усиливалась (в зависимости от того, насколько хорошо ведущий был знаком с героем, менялась и степень его напряженности). Так, беседуя в с продюсером Анной Михалковой (М. 25.10.2008), которая приходится ему двоюродной сестрой, речь ведущего была более раскованной и свободной. А вот в беседе с актером Андреем Кузичевым в другом выпуске передачи (М. 8.11.2008) Егор Кончаловский был очень напряжен. На наш взгляд, напряженность в общении ведущего с гостем в студии могла заставлять напрягаться и массового адресата, который от этого только раздражался и переставал вникать в содержание беседы, а следовательно, понимать речь Е. А. Кончаловского.

Более того, ведущий сильно растягивал слова, в том числе частые заполнители пауз: *Я очень хорошо помню, а-а-а... когда-а-а-а... снималась была такая программа «Кинопанорама» и-и... один из её выпусков снимался у нас на даче. И Роман Балаян как раз приезжал с картиной мня-я... «Полёты во сне и наяву». Теперь а-а-а... «Райские птицы». Вот в... в... сценарии «Райских птиц» а-а-а... а-а-а... что тебе понравилось, кто твой персонаж?* (из интервью с актером Андреем Кузичевым). Иногда Е. А. Кончаловский заикался (словосочетание с заиканием подчеркнуто): *А-а... сейчас мы продолжим наш разговор а-а-а... с исполнителем главной роли в... в... фильме «Райские птицы» артистом Андреем Кузичевым.* Все эти нюансы в манере подачи материала, по нашему мнению, не способствовали успешному общению (в том числе с массовым адресатом), приводили к коммуникативным неудачам и, возможно, послужили причиной довольно быстрой замены Егора Кончаловского на другого ведущего – Василия Пичула.

В речи исследуемых нами телеведущих встречаются коммуникативные неудачи, связанные с неверным построением фраз. Е. А. Кончаловский часто употреблял длинные предложения, слова в которых перемежались с заполнителями пауз (*а-а-а...*, *э-э...*), в результате чего смысл фразы ведущего не всегда доходил до телезрителя. В качестве примера – фрагмент его речи (М. 8.11.2008): *Каскадёр – это удивительная профессия, удивительная профессия в том смысле, что этот человек, как правило, остаётся неузнаваем, как правило, он остаётся за кадром, как правило, а-а-а... кинозвезда а-а-а... исполняет какую-то удивительную головокружительную прыжок, полёт, вылетает из взрыва и так далее. Это*

делают не кинозвёзды. Хотя есть люди, которые увлекаются этим. А-а-а... это делают каскадёры, которые а-а-а... люди специально обучены подставлять свои мышцы, спины, умения и смелость за других людей. И как единственные люди на площадке, которые имеют по-настоящему право делать это, потому что они защищены, насколько можно быть защищённым, прыгая с шестого или десятого этажа, а-а-а... какими-то своими специальными правилами, законами и страховками, которые никогда не распространятся ни на одного Тома Круза или Алексея Серебрякова. Это очень уважаемая профессия, это профессия одержимых, влюблённых в своё дело, людей.

Такие неоправданно перегруженные фразы (но не до такой степени, как у Е. А. Кончаловского) встречаются и в речи И. И. Затевахина (Д. 20.03.2010): *Самки, скорее, сотрудничают, чем соревнуются, поэтому они живут как минимум на три или четыре года дольше самцов, максимальная продолжительность жизни которых редко превосходит двенадцать лет; Зебры бегут, и львы нападают с фланга в надежде свалить хотя бы одно из разбегающихся по саванне в панике животных.*

Еще один вид коммуникативных неудач в речи ведущих просветительских телепередач связан с нарушением норм литературного русского языка: *Каскадёр – это удивительная профессия, удивительная профессия в том смысле, что этот человек, как правило, остаётся неузнаваем, как правило, он остаётся за кадром, как правило, а-а-а... кинозвезда а-а-а... исполняет какую-то удивительную головокружительную прыжок, полёт, вылетает из взрыва и так далее. Это делают не кинозвёзды. Хотя есть люди, которые увлекаются этим. А-а-а... это делают каскадёры, которые а-а-а... люди специально обучены подставлять свои мышцы, спины, умения и смелость за других людей. И как единственные люди на площадке, которые имеют по-настоящему право делать это, потому что они защищены, насколько можно быть защищённым, прыгая с шестого или десятого этажа, а-а-а... какими-то своими специальными правилами, законами и страховками, которые никогда не распространятся ни на одного Тома Круза или Алексея Серебрякова. Это очень уважаемая профессия, это профессия одержимых, влюблённых в своё дело, людей* (М. 8.11.2008) (это показатель спонтанности речи ведущего – словосочетания, в которых Егор Кончаловский отступал от заученного текста и не соблюдал нормы литературного языка).

В речи Тимофея Баженова нарушения норм литературного языка связаны с употреблением неправильного ударения: *нАчались* (Р. 16.03.2011), *зАбрАлись* (Р. 16.03.2011), *рЕтИровАться* (Р. 31.03.2011) и т. д.

В речи телеведущих встречаются и коммуникативные неудачи, порождаемые различиями в коде говорящего и слушающего⁸: *Но рано или*

поздно публика устаёт <...> свои тушки (о человеческих телах. – Ю. Л.) *в SPA-центрах, жариться на пляжах, если это летом – а зимой с утра до заката спускаться по горным склонам* (Н. 27.03.2010). В данном примере Д. Д. Крыловым был использован семантический окказионализм, который может быть не сразу понят каждым адресатом программы «Непутевые заметки» и даже вызвать обиду.

Кроме того, в речи Д. Д. Крылова встречается и такая причина коммуникативных неудач, которая называется неуместным замечанием в адрес телезрителя по поводу его действий, личностных качеств, которое может быть истолковано как недоброжелательное отношение говорящего (нарушение правила кооперации, солидарности, релевантности)⁹: *Мужчинки на этой передаче могут передохнуть – завтра им предстоит трудный день. С утра они, как оголтелые, будут носиться по окрестностям в поисках цветков – на большее, как правило, у них фантазии не хватает – а затем будут сидеть и смотреть голодными глазами, как вы готовите им (пауза) закуску* (Н. 7.03.2010); *Но рано или поздно публика устаёт <...> свои тушки в SPA-центрах, жариться на пляжах, если это летом – а зимой с утра до заката спускаться по горным склонам* (Н. 27.03.2010). Ироничные конструкции *на большее, как правило, у них фантазии не хватает* могут сильно раздражать массового адресата, особенно мужскую аудиторию, что способно привести общение ведущего со зрителями к коммуникативной неудаче.

Раздражение массового адресата может вызвать и вошедшее в моду выражение, которое постоянно употребляет Иван Затевахин перед тем, как задать вопрос научному консультанту: *я хочу задать вопрос*. В данном случае лучше было бы варьировать: «я спрошу», «задам вопрос», «у меня вопрос».

Причиной коммуникативных неудач часто становится насыщенность телепрограммы богатым общекультурным контекстом и личными отступлениями ведущего, к которым эрудиция массового адресата может быть не готова. Так, например, в одной из передач (Н. 7.03.2010) Дмитрий Крылов, говоря о Токио, произносит перефразированные им же самим строчки из стихотворения Маяковского «Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка»: *Я знаю, город будет, я знаю, саду цветь, когда такие люди в стране* (пауза) *японской есть...* А вот пример личного отступления ведущего, в котором четко прослеживается коммуникативная неудача (Н. 27.03.2010): *Я вот помню, как мне трудно было объяснить подруге, почему в прошлом году в антикварной лавке одной какой-то французской деревушки я вдруг запал на портрет французского актёра Мишеля Симона с лицом добродушного сенбернара. А для меня он – это моё воспоминание из юности, когда я увидел фильмы с его участием «Набережная туманов»*

Марселя Карне, «Поезд» и «Десять заповедей». Более того, такое воспоминание Д. Д. Крылова будет приемлемо (в случае сравнения человеческого облика с собачьим: *с лицом добродушного сенбернара*) и понятно не каждому адресату, а не только знакомой ведущего.

Нелогичность высказываний также может стать причиной коммуникативных неудач: *Дело в том, что пищеварение медвежье устроено таким образом, что-о подтухшее мясо, попорченное переваривается даже лучше, чем свежее. Нелучайно я весь одет в белое* (Р. 31.03.2011).

Иногда в своей речи ведущие повторяют одну и ту же мысль несколько раз, в результате чего неоправданный повтор превращается в коммуникативную неудачу, поскольку в данном случае некоторые телезрители могут счесть обидным для себя многократное повторение ведущим одной и той же мысли (мол, журналист сомневается в их умственных способностях, если несколько раз повторяет одно и то же). Например, в выпуске передачи от 6 марта 2010 года, в речи И. И. Затевахины прозвучала такая фраза: *Днём на рифе могут возникать разные драматические ситуации, но когда солнце садится, он превращается в настоящую арену смерти*. Затем, продолжая рассказывать о подводном мире, ведущий снова передает ту же мысль, но уже другими словами: *Таящий в себе смертельную опасность ночью, днём риф тоже может доставлять обитателям массу неприятностей*. А вот пример из другого выпуска «Диалогов о животных» от 20 марта 2010 года: *Внутренний размер самца идеально подходит для роли защитника прайда от врагов, и через некоторое время ведущий снова произносит: Самцы в прайде в основном выполняют функцию защитников от врагов и партнёров для спаривания для любой самки, находящейся в брачном периоде*.

В речи Тимофея Баженова также встречаются аналогичные неоправданные повторы: *Главная напасть от крыс – это заразные болезни. Причём переносят их не паразитирующие на людских припасах грызуны, а живущие на грызуна-ах паразиты*. (пауза) *Серые крысы – разносчики опаснейших заболеваний – чумы и туляремии* (Р. 24.03.2011); *Чем существо крупнее, (короткая пауза) тем оно меньше мёрзнет. <...> Чем больше тело, тем меньше это тело мёрзнет* (Р. 31.03.2011).

Таким образом, проанализировав коммуникативные неудачи в речи ведущих просветительских телепередач, согласимся с мнением О. Н. Ермаковой и Е. А. Земской и отметим, что коммуникативные неудачи характерны для информативной, а не фатической речи¹⁰. Рассмотрев основные причины коммуникативных неудач, заметим, что чаще всего они касались различий ведущего и массового адресата в каком-либо отношении (эрудированности, различных взглядов на одно и то же явление и т. д.). Иногда (и чаще

всего) коммуникативные неудачи встречались во фрагментах спонтанной речи, которая, с одной стороны, лучше воспринимается, чем озвученная письменная, но с другой стороны, может приводить к коммуникативным неудачам.

Отметим и еще один интересный факт, который можно отнести скорее не к причине, а к особенности, которую желательно взять на вооружение любому телеведущему, чтобы не потерпеть коммуникативную неудачу. Речь идет о типах темперамента каждого отдельно взятого телезрителя, в соответствии с которыми ведущий должен выстраивать свою речь, следуя принципу «для всех и каждого». В. Сергеечева советует не увлекать сангвиника сразу несколькими заманчивыми предложениями или идеями. На холериков она предлагает оказывать как можно меньше давления. Меланхолику, по мнению известного петербургского психолога-практика, важно понимать цель убеждающего воздействия. А флегматику, считает В. Сергеечева, будут интересны лишь «крайне необычные факты, изложенные в непривычной манере»¹¹.

Поскольку аудитория любой телепрограммы является разношерстной не только по профессии и образованию, но и по темпераменту, ведущему необходимо максимально учитывать интересы и требования всех. Поэтому, чтобы общение телеведущего со зрителями получилось успешным, на наш взгляд, в построении речи необходимо соблюдать четыре важных правила:

1) Даже если на протяжении одного выпуска передачи предметов разговора или идей несколько, необходимо четко выделять главную мысль и вести ее через всю телепрограмму.

2) Не следует путем давления убеждать телезрителей в чем-то, то есть ведущему следует избавиться от категоричности своих высказываний.

3) Необходимо знать цель своего общения.

4) Нужно уметь открывать телезрителям даже в привычных вещах что-то новое и оригинально подавать излагаемый материал.

Это то, за счет чего ведущий имеет возможность осознанно предотвращать коммуникативные неудачи, что и составляет коммуникативное мастерство телеведущего. Такого мастерства явно не было у Е. А. Кончаловского, что, вероятно, и послужило причиной его замены.

Таким образом, некоторые коммуникативные неудачи в спонтанной речи почти неизбежны, некоторые – неустранимы (разные точки зрения телезрителей на один и тот же вопрос; невозможность зеркального отражения ведущего и массового адресата; дистантность участников общения; общение ведущего с телезрителями через экран телевизора; невозможность контроля состояния и настроения зрителей). Но другие коммуникативные неудачи зависят только от компетентности ведущего. И чем он компетентнее, тем успешнее.

Примечания

- ¹ См.: *Ермакова О., Земская Е.* К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект.* М., 1993. С. 34.
- ² Там же. С. 31.
- ³ Там же. С. 32.
- ⁴ Там же. С. 33.
- ⁵ *Кукушкина О.* Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах. М., 1998. С. 10.
- ⁶ *Виноградов С., Платонова О. [и др.]*. Культура разговорной речи // *Культура русской речи.* URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/graudina_shiryaev_spiking_culture/7.aspx (дата обращения: 12.05.2012).
- ⁷ См.: *Ермакова О., Земская Е.* Указ. соч. С. 32.
- ⁸ Там же. С. 43.
- ⁹ *Виноградов С., Платонова О. [и др.]* Указ. соч.
- ¹⁰ См.: *Ермакова О., Земская Е.* Указ. соч. С. 63.
- ¹¹ См.: *Сергеечева В.* Приемы убеждения. Стратегия и тактика общения. СПб., 2002. С. 53–54.

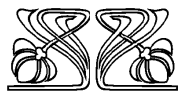
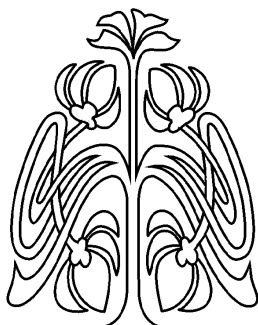
ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Полякова Л. В. Литературоведение. Введение в научно-исследовательскую практику, проблематику и терминологию : авторский курс лекций для аспирантов. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. 372 с.

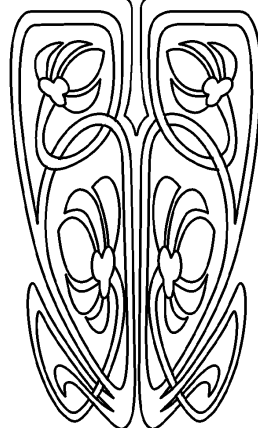
«Моим ученикам посвящаю» – таким посвящением открывается уникальная во многих отношениях (методологическом, теоретическом, научно-исследовательском, педагогическом) книга Ларисы Васильевны Поляковой, доктора филологических наук, профессора Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, создателя научной школы (см.: Русская литература XX века : онтология и поэтика. Научная школа профессора Л. В. Поляковой. Тамбов, 2005), основателя и руководителя Международного научного центра изучения творческого наследия Е. И. Замятина (см.: Творческое наследие Евгения Замятина : взгляд из сегодня. Кн. I–XIV. Тамбов, 1994–2007 ; Полякова Л. В. Евгений Замятин в контексте истории русской литературы XX века как литературной эпохи. Тамбов, 2000 ; Литературоведение на современном этапе. Теория. История литературы. Творческие индивидуальности : материалы Междунар. конгресса литературоведов. К 125-летию Е. И. Замятина. 5–8 октября 2009 г. / отв. ред. проф. Л. В. Полякова. Тамбов, 2009), принимающей активное участие в современных научных дискуссиях, международных конференциях, форумах, посвященных проблемам теории и методологии изучения русской литературы XX–XXI вв. (см.: Освобождение от догм. История русской литературы : состояние и пути изучения : в 2 т. М., 1997. Т. 2 ; Полякова Л. В. Теоретические и методологические аспекты истории русской литературы XX вв. Тамбов, 2007 и др.).

Богатый научно-педагогический опыт Л. В. Поляковой и лёг в основу «авторского курса лекций для аспирантов», который ставит своей целью «дать аспирантам основные ориентиры в современной научной проблематике и терминологии, методологии, методах исследования», ориентирует молодых исследователей «на обсуждение литературоведческой проблематики», «освоение классики», «фундаментальных основ научного знания» и потому «имеет не доктринальный, а в большей степени институциональный, пропедевтический, подготовительный характер». Перед нами «учебное пособие» и вместе с тем литературоведческая книга, единое целое, со своей, авторской, концепцией-структурой-стилем.

Л. В. Полякова начинает свое «Введение» с общего: «Знание общего состояния современной отечественной науки о литературе – залог творческого успеха аспиранта». (Тема 1) и намечает выразительную панораму современной отечественной науки о литературе – с «разрывом в общей эволюции научной мысли», «игнорированием отечественной литературоведческой классики», «некритическим, поверхностными прочтением трудов... зарубежных филологов», «необходимостью капитального ремонта теоретической оснастки литературной истории» и т. д. Актуально звучит в этом контексте обращение к знаменитому «Ответу на вопросы редакции “Нового мира”» (1970) М. М. Бахтина (бахтинское понимание «большого времени», «великого произведения», «современности», «научного анализа», «открытого единства», призыв к «научной, исследовательской смелости») и программной статье Д. С. Лихачёва «Еще о точности литературоведения» (1979). Обратившись к понятийной сфере современного литературоведения (А. Потебня считал понятия «единственным строительным материалом науки»), Л. В. Полякова вдумчиво анализирует «терминологический бум» рубежа веков, отмечает, как «особенно агрессивно ведёт себя ... постмо-

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

дернистская терминология», обращает внимание аспирантов на «различие понятий “учение”, “теория” и “термин”» и разворачивает увлекательные – в терминологическом, теоретическом, историко-литературном планах – сюжеты «понятия о классике», «классиках» («кто такой классик?», «что такое классик?»), о «литературных рядах», «законах историко-литературных репутаций» и др. (в широком диапазоне от Ш. Сент-Бёва до А. Компаньона, от Ю. Н. Тынянова, И. Н. Розанова до В. Е. Хализева и С. И. Кормилова). Автор последовательно ведёт читателя к убедительному выводу: «Современное гуманитарное знание демонстрирует в своей эволюции период драматической напряженной бифуркации, и наука о литературе не является исключением».

Вторая тема учебного пособия – «Предпосылки достижения научного результата. Личностный фактор». Л. В. Полякова начинает свои размышления об «объективных и субъективных факторах в становлении, развитии науки и её результатах» с методологически точного наблюдения Ю. М. Лотмана: «В пространстве научных исследований гуманитарные наиболее связаны с личностью автора <...> Томашевский строил свой научный метод, сочетавший яркую индивидуальность со строгой объективностью», и, обратившись к анализу теоретической составляющей дискуссий «Какой должна быть история литературы?», «Каким должен быть курс истории литературы?», учебников авторского коллектива Московского университета по истории русской литературы XX века («Основные имена», «Литературный процесс»), подвигает начинающих исследователей к пониманию «многочисленных историко-литературных проблем, которые в науке о литературе до сих пор не прояснены». Автор говорит (пишет) и вдохновенно: «Учебник должен учить понимать, осмысливать, постигать, узнавать, интерпретировать, познавать, оценивать и ценить, соизмерять, сопоставлять. И любить, любить, любить», и аналитически мудро: «Скафтымовское “Нужно честно читать” сегодня оказывается едва ли не единственным условием успеха при создании новейших академических и вузовских историй литературы». Развивая далее тему, Л. В. Полякова отмечает: «Исследовательская работа аспиранта сопряжена с единовременным процессом накопления знаний и овладения навыками», – и как бы ни был индивидуален творческий процесс, «в любом случае нужна культура филологического труда, предполагающая опору на фактический материал», и советует аспиранту «основательно проработать» фундаментальную статью «классика литературоведческой мысли» XX века Ю. Н. Тынянова «Литературный факт», которая «для нас, кроме общеметодологического значения, имеет и ярко профессионально-просветительский характер», и как бы вместе с аспирантом (лат. *aspirans* – домогающийся чего-либо, стремящийся к чему-либо) читает эту работу, выделяет её основные положения, повышая куль-

туру профессионального чтения и гуманитарного кругозора молодого ученого.

Следующая важная тема книги – «Виды научных исследований». Л. В. Полякова выделяет гуманитарные, естественные/точные науки, синергетику и сосредоточивается на вопросе «о точности» литературоведения. основополагающими выступают здесь работы Б. И. Ярхо «Методология точного литературоведения (наброски плана)», «Еще о точности литературоведения», «Об искусстве слова и филологии» Д. С. Лихачёва, «К методологии литературоведения» М. М. Бахтина, а также классическое исследование А. А. Потебни «Мысль и язык», которые вдумчиво прочитываются и бережно преподносятся читателю. Емкие характеристики различных видов литературоведческих исследований: фундаментальные, прикладные, поисковые, инновационные – дают молодым филологам выверенные ориентиры, чёткие критерии и отвращают от всякого рода «псевдонаучных сочинений», плагиата.

Центральное положение в учебном пособии Л. В. Поляковой занимает четвёртая тема «Диссертационное исследование как процесс. Жанровый канон диссертации и его требования». Автор последовательно описывает взаимосвязанные стадии научно-исследовательской работы, начиная с определения материала, темы диссертации, её актуальности, формулировки основной проблемы, объекта, предмета, цели и задачи исследования («задачи конкретизируют цель и предполагают освещение того, что предстоит: изучить, рассмотреть, исследовать, проанализировать, интерпретировать, описать, установить, определить, выявить, классифицировать, сформулировать и т. д.»), истории вопроса, степени изученности избранной проблемы, библиографической работы (а библиография – это «целая самостоятельная наука со своими законами и требованиями»), включая становление гипотезы, научной концепции («это ведущий замысел, определённый способ понимания, трактовки, система взглядов, научно-исследовательская стратегия автора, подкрепляемая литературными фактами»), основных положений, выносимых на защиту (они «формулируются и излагаются в диссертации в соответствии с концепцией, последовательно развёртываемым текстом диссертации и основными выводами автора»), формул научной новизны, теоретической значимости и практического значения диссертационного труда, и завершая выводами, заключением, списком использованной литературы. Глубокий смысл имеет обращение к проблеме жанрового канона диссертации, «обусловленной ориентацией на публичную защиту». Л. В. Полякова специально останавливается на содержательности жанрового канона, процессе структурирования работы, понятии «научный текст», «правилах написания» автореферата, процедуре публичной защиты диссертации.

«Специальный раздел» авторского курса Л. В. Поляковой занимает «вопрос о методологии диссертационного исследования» (тема 5), так как «именно от методологии, понимания её принципов, реального внедрения в научно-исследовательский процесс, в практику освещения научных результатов зависит убедительность и плодотворность конкретных научных догадок аспиранта, его вклад в разработку обозначенной темы». Автор останавливается на двух наиболее сложных методологических уровнях анализа литературных произведений: принципе историзма (читаем классическую работу Д. С. Лихачёва «Принцип историзма в изучении литературы» и др.) и «литературоведческой компаративистике» («Сравнительная мифология и её метод» А. Н. Веселовского, «Об архетипах» К. Г. Юнга, работы А. Ф. Лосева, Е. М. Мелетинского и др.), а также обращается к бахтинской методологии исследования литературного творчества (концепции диалогичности, трансгредиентности и др.), модной «интертекстуальности» (от работы Ю. Кристевой «Бахтин, слово, диалог, роман» до «Триады современной компаративистики: глобализация – интертекст – диалог культур» О. Шайтанова), «рецептивной эстетики» (школа Томского государственного университета) и проблемам «национальной идентичности», изучения «национальных картин мира». Внимательно относится автор к изучению междисциплинарных связей в литературоведении, комплексным подходам в исследованиях (социология литературы, культурология, художественная феноменология, когнитивное литературоведение и др.). «Аспирант должен иметь чёткое представление о новейших понятиях, многочисленных расхождениях в их трактовках, многозначном употреблении терминов даже в пределах одной отрасли, одной науки», – совершенно справедливо повторяет Л. В. Полякова и ведёт читателя далее к представлениям о «методах» исследования («метод – рычаг, инструмент анализа» и т. д.), «научно-исследовательской парадигме»; соотношению понятий «метод» и «методология», «научная методология» и «научная система».

Закономерно следующая тема называется «Произведение как художественная система», и автор, рекомендуя аспиранту работы о «системном анализе произведения», в первую очередь призывает «тщательнее штудировать» труды «классиков литературоведческой мысли» – А. П. Скафтымова («Телеологический принцип в формировании

литературного произведения», «К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы»), Д. С. Лихачёва («Внутренний мир художественного произведения»), Ю. Н. Тынянова («О литературной эволюции»), А. С. Бушмина («Об аналитическом рассмотрении художественного произведения») и других, и даёт читателю представление о внутреннем, художественном мире, диалектике содержания и формы литературного произведения, и приводит свой великолепный анализ «морфологии»/поэтики повести С. Н. Сергеева-Ценского «Капитан Коняев». А завершая тему, помогая различать понятия «анализ», «интерпретация» и «герменевтика», опять возвращается к правилу А. П. Скафтымова: «Нужно честно читать».

Последняя, седьмая тема книги Л. В. Поляковой – «Проблемные ситуации в современной литературоведческой терминологии». Автор выступает в роли опытного «лоцмана», проводящего молодого ученого через терминологические проблемные ситуации («риффы») в современной науке о литературе: понятия «история литературы», «литературный процесс», вопросы «периодизации истории литературы», терминология М. М. Бахтина (хронотоп, хор, полифония, карнавал и др.), «концепт» (основополагающий доклад Д. С. Лихачёва «Концептосфера русского языка»), «текст»/«произведение» (работа М. М. Бахтина «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа»), «исследовательские аспекты текстологии».

Заключают текст авторского курса Л. В. Поляковой Приложение «Литературное произведение как предмет современной зарубежной науки о литературе» (Е. А. Цурганова), материалы к самостоятельной работе аспиранта (темы реферата, собеседований, семинара, практического занятия, коллоквиума) и Список рекомендуемой литературы, включая справочные издания и адреса в Интернете, сетевую литературу, книжные интернет-магазины.

Материалы книги Л. В. Поляковой – «большие и трудные», но необходимые для современного молодого литературоведа. Несомненно, авторский курс нуждается в повторном издании, в котором можно было бы развернуть, прописать все формы, виды самостоятельной, практической (практикумы), семинарской работы аспирантов и, конечно, избежать издержек нынешней компьютерной вёрстки (опечатки и др.).

А. И. Ванюков

ХРОНИКА

XXXIII ЗОНАЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ ПОВОЛЖЬЯ

9–10 октября 2012 г. в Институте филологии и журналистики Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского прошла XXXIII Зональная конференция литературоведов Поволжья. Ее цифра – убедительный показатель устойчивой и плодотворной традиции.

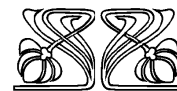
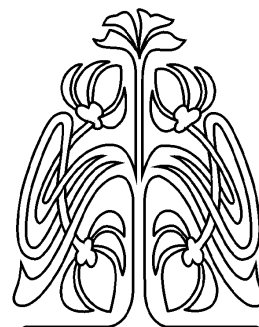
История поволжского форума восходит к 1960 г., когда по инициативе заведующего кафедрой литературы профессора Куйбышевского государственного педагогического института Я. А. Ротковича было создано Зональное объединение литературоведческих кафедр педагогических институтов, поддержанное педвузами Астрахани, Волгограда, Горького, Казани, Оренбурга, Саратова и Ульяновска.

В 1975 г., после смерти Я. А. Ротковича, председателем объединения стал В. А. Бочкарёв, успешно руководивший Зоной в течение 20 лет. Саратовец по рождению, Виктор Алексеевич учился в местном педагогическом институте, по окончании которого поступил в аспирантуру профессора В. В. Буша, а после отъезда своего научного руководителя в Ленинград стал аспирантом профессора А. П. Скафтымова. Первое время работал доцентом в Саратовском пединституте, а затем переехал в Куйбышев (Самару). При В. А. Бочкарёве объединение значительно расширилось, включив университетские кафедры Поволжья. Было создано руководимое им Бюро зоны от Твери до Астрахани и от Пензы до Уфы. Представителями университетов в Бюро в разные годы были профессоры П. А. Бугаенко, В. В. Прозоров, А. А. Демченко. В настоящее время руководителем объединения является зав. кафедрой литературы Поволжской социально-гуманитарной академии, ее проректор по научной работе, кандидат филологических наук и доктор педагогических наук О. М. Буранок.

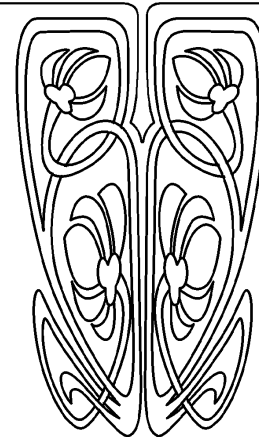
Консолидации научных сил содействовали в прежнее время ежегодные, а в последнее десятилетие проводимые раз в два года научно-практические межвузовские конференции.

Состоявшаяся в Саратове в октябре 2012 г. конференция традиционно продолжала включение в ее программу широкого круга современных проблем литературной науки и методики преподавания литературы в школе и вузе. География участников – Самара, Казань, Саранск, Пенза, Волгоград, Тольятти, Саратов.

На пленарном заседании научный руководитель Института филологии и журналистики СГУ профессор **В. В. Прозоров** в приветственной речи рассказал об истории филологического факультета, отметив, что конференция литературоведов проходит в год 95-летия гуманитарного образования в СГУ, связанного, прежде всего, с именем А. П. Скафтымова. В соответствии с требованиями времени наука о литературе развивается в новых условиях, применяя и возможности Интернета, когда, например, в электронных дневниках ученые получают возможность делиться результатами проблемных литературоведческих исследований. Профессор **О. М. Буранок** свое выступление посвятил истории Зонального объединения литературоведов Поволжья. Он ярко и живо охарактеризовал деятельность своих предшественников Я. А. Ротковича и В. А. Бочкарёва, оценил вклад в науку своих коллег по академии. Проректор СГУ профессор **Е. Г. Елина** в докладе «Новые образовательные стандарты и проблемы трудоустройства выпускников-филологов» информировала участников конференции о новых тенденциях в разработке образовательных стандартов. Подготовка

ПРИЛОЖЕНИЯ

специалистов в современных условиях ведется в обстановке смещения гуманитарного образования на второй план сравнительно с естественными и точными науками. Дальнейшая трудовая деятельность выпускников-филологов не всегда связана с обозначенной в дипломе специальностью, что в известной степени обусловлено происходящими в стране процессами свертывания сферы образовательной деятельности. Вузам необходимо укреплять горизонтальные связи между гуманитарными факультетами, важно расширять возможности приобретения студентами-филологами компетенций в области владения мастерством речи, знаний языка (как родного, так и иностранного) в целях увеличения в будущем области применения своих знаний и решения проблемы трудоустройства. Кандидат филологических наук, заведующая кафедрой литературы Казанского государственного университета **Л. Я. Воронова** в докладе «Научно-просветительская деятельность Общества любителей русской словесности в память А. С. Пушкина в 1916–1918 гг.» поделилась новонайденными материалами, свидетельствующими об активной научно-краеведческой работе казанских литературоведов. **Ю. Н. Борисов**, профессор, заведующий кафедрой истории фольклора и русской литературы ИФиЖа СГУ (доклад «“Вальс Маргариты”: из наблюдений над музыкальной партитурой романа М. Булгакова»), предложил вниманию аудитории оригинальное исследование о «вальсе Маргариты», своеобразном образе романа «Мастер и Маргарита», рассмотренном в контексте наблюдений над поэтикой знаменитого произведения М. А. Булгакова.

Доклады на первой секции «**История русской литературы и литературной критики**» были посвящены исследованиям творчества писателей и критиков XVIII–XX столетий.

Л. А. Рахманова (Казань) в докладе «Литература XVIII века в сети Интернет: актуальные проблемы (на материале сайта Пушкинского Дома)» опиралась на положение о возрастающей в современном мире роли синтеза гуманитарного знания с другими областями жизни общества. Сайт стремится поддерживать отношения со многими литературоведами зарубежья: это Америка (проф. Броунского университета А. Левицкий), Италия (отчет о февральской 2012 г. Международной научной конференции, посвященной образам Италии в культуре России), Япония (выставка Рюсэки Моримото «“Евгений Онегин” в японской каллиграфии»), а также ученые столицы и отдаленных городов России (Р. М. Лазарчук, пишущий о творчестве Я. Б. Княжнина, А. Г. Евстратов с темой «А. П. Сумароков и Вольтер: мнение о сновидении во французских трагедиях»), исследование Н. Д. Кочетковой о трагедии М. М. Хераскова «Венецианская монахиня», П. Е. Бухаркин – автор учебника нового типа «История русской литературы XVIII века. Петровская эпоха»). Поликультурность сайта

Пушкинского Дома выводит на проблему соотношения «элитарной» и «массовой» культур. Пафос доклада **А. Н. Полосиной (Ясная Поляна Тульской обл.)** «Жан-Жак Руссо, В. А. Жуковский и Лев Толстой о смертной казни» состоял в объяснении позиции Жан-Жака Руссо и Л. Н. Толстого – сторонников отмены в государстве смертной казни. Внимание уделено полемике автора «Войны и мира» с В. А. Жуковским, допускавшим мысль о благотворном влиянии института смертной казни на общество. **Н. Е. Музалевский (Саратов)** («“Материалы...” Гончарова к статье о драматургии Островского») проанализировал принадлежавшие И. А. Гончарову «Материалы, заготовляемые для критической статьи об Островском», набросанные примерно в 1874 г. и опубликованные в 1923 г. Писатель опровергает распространявшееся в ту пору мнение, будто драматург «исписался»: он «еще в цвете лет и в полном развитии сил». Поддержаны юмор, объективность Островского, приближавшие его к Гоголю. «Материалы...» квалифицированы как заявка писателя на развернутый анализ творчества автора «Грозы». Предметом исследования **И. А. Книгина (Саратов)** в докладе «О. Ф. Миллер о Ф. М. Достоевском» стала работа известного фольклориста и литературоведа «Русская литература после Гоголя» (1874), в частности, ее страницы о творчестве Ф. М. Достоевского, приобретающие значение литературно-критической оценки. Обращено внимание на систематизацию автором обширного материала о романисте, на развитие проблемы народности в творчестве Ф. М. Достоевского. **Ю. С. Ромайкина (Саратов)** («С. Ю. Копельман – редактор “Шиповника”») сосредоточилась на биографии и творческой характеристике издателя и редактора альманаха «Шиповник» (1907–1917). Привлекая материалы Рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинский Дом) и эпистолярное наследие Б. К. Зайцева, автор детально восстанавливает историю создания альманаха, связи редактора с авторами – А. Блоком, Б. Зайцевым, Г. Чулковым, Л. Андреевым, А. Белым, В. Брюсовым, М. Пришвиным, сотрудничество которых рассмотрено в их сложных личных и творческих взаимоотношениях.

Четыре доклада секции содержали ценные учебно-методические рекомендации: по изучению студентами и школьниками образа А. С. Пушкина в лирике М. И. Цветаевой – **О. В. Лапина (Саратов)**, освоению биографии писателя на интегрированных уроках в школе – **Т. А. Каясова (Самара)**, анализу в 11-ом классе общеобразовательной школы темы коллективизации по рассказу В. Ф. Тендрякова «Пара гнедых» – **М. И. Ионов (Саратов)** и рассказа В. А. Пьецуха «Шкаф» – **М. Ю. Белкин (Волгоград)**.

Участники второй секции «**Поэтика и генезис художественного произведения**» обсудили исследования специфических форм существования текста в литературном процессе.

В докладе **А. Н. Зорина (Саратов)** «К проблеме генезиса рамочных драматургических конструкций русской барочной драмы» представлен оригинальный взгляд на проблему рамочной организации первых публикаций русских пьес конца XVII в. – драм Иоганна Грегори и Симеона Полоцкого. Генезис первых ремарочных описаний рассматривается в связи с необходимостью приближения к читателю образа предшествующего пьесе спектакля, а также с учетом реалий книжного маркетинга того времени. Иллюстрированные и насыщенные ремарками издания пьес предполагают восприятие их в контексте западноевропейской и русской книжных традиций как своего рода театра книги. **А. В. Софьина (Казань)** («Искусство словесного портрета в мемуарах М. В. Волошиной-Сабашниковой “Зелёная змея”») подвергла анализу особенности словесной живописи в создании автопортрета, выбор красок для изображения Вячеслава Иванова, подбор ярких «говорящих» деталей в словесном образе Л. Зиновьевой-Аннибал, поиск собственных путей передачи человеческой психологии путем необычных сравнений (А. Блок, А. Ремизов) и как характерный объединяющий признак – отсутствие идеализации героев портретных зарисовок. «Нравственно-философская проблематика повестей М. А. Алданова 1930-х годов» – тема выступления **Т. И. Дроновой (Саратов)**. Созданные писателем образы Бетховена, Микеланджело, Байрона побуждают задуматься об источниках творчества подлинного гения, о диапазоне человеческих возможностей, о судьбе величайших творений. **Л. И. Зотову (Саранск)** в докладе «Предметно-вещный мир малой прозы Р. Кипплинга 1880-х годов» интересовал созданный в произведениях английского писателя экзотический мир, изображенный в предметах обихода, вещах, в индийских редкостях, описаниях атрибутов индуистских и мусульманских храмов, городов, жилищ. **Н. В. Бороденко (Самара)** («Символ реки в романе Г. Гессе “Сиддхартха”») выделила специфические авторские изображения реки как вечного символа движения, несущего обновление с каждым следующим отрезком времени. В докладе «Поэтическое богословие Семёна Липкина» **Р. Р. Измайлов (Саратов)** проанализировал творчество С. Липкина на материале его переводов эпосов «Джангр», «Манас», «Едигей», «Нарты», «Махабхарата», «Гильгамеш» и др. События личной жизни поэта, судьба народа и страны, эсхатологический путь человечества освещаются и освящаются лучами Промысла Божьего – таков лирический эпос и «поэтическое богословие» Семёна Липкина. **Т. С. Карновой (Самара)** в докладе «Мифологизм в романе К. Вагинова “Труды и дни Свистонова”» исследовались мифологизм и прием гротескной символизации жизни как специфическая организация произведения.

Третья секция «Идеи и формы в художественном произведении» собрала участников,

продемонстрировавших владение приемами целостного анализа текстов.

М. Е. Музалевский (Саратов) («Коммуникативные стратегии Игоря и Святослава в “Слове о полку Игореве”») осуществил анализ «Слова...», остановившись преимущественно на характеристике коммуникативных стратегий Игоря, действующего стихийно, в рамках решения сиюминутной проблемы, и Святослава – коммуникатора целеполагающего, осознающего свои стратегические цели. **Т. Д. Белова (Саратов)** в докладе «Проблема национальной идентичности в цикле рассказов М. Горького “По Руси”» представила свое понимание проблемы национальной идентичности у М. Горького, в исследуемом цикле рассказов которого, по мнению докладчика, содержится выражение его формулы «провокация культурного распада страны», вызванной болезненным восприятием писателя организации «Союз русского народа», а также идеи Великой России, выдвинутой Столыпиным, и проповеди централизма в разноязычном государстве, активно поддержанной журналом «Русская мысль» во главе с П. Струве и А. Изгоевым. **Р. А. Бакиров (Казань)**, избрав темой «Потенции литературной маски “простака” в поэзии Н. А. Львова», интерпретировал литературную маску «простака» как один из ключевых элементов поэтического сознания поэта, автора «Трудов четырех разумных общников», названных важным и недооцененным исследователями этапом становления его творческого кредо. «Затененную» форму маски «простака» автор доклада увидел также, по его мнению, в сентименталистски ориентированных экспериментах Львова – в его песнях. Своеобразный «разгул» модификаций маски «простака» проявляется во множестве других произведениях поэта, гораздо более сложных по своей структуре и требующих дальнейшего пристального изучения. **О. В. Журчева (Самара)** («Тема детства как новая реализация идеи судьбы в новейшей драматургии») подняла тему детства – в современных пьесах для взрослых о детях и подростках («Сердце малолетки» В. Леванова, «Собирает пулю» Ю. Клавдиевой, «Галка Моталко» Н. Воробит, «Волчок», «Пластинин» В. Сигарева, «Кукушонок» А. Чичкановой, «Наташина мечта» Я. Пулиновича), пьесах, где детей сменяют очень молодые по мировоззрению и жизненному опыту люди («Играем в фанты» Н. Коляды, «Фантомные боли» В. Сигарева, «Я убил Лору Палмер» Ю. Максимовой, «Пойдем, нас ждет машина» Ю. Клавдиева), наконец, пьесах с героями-инфантилами («Русскими буквами» К. Драгунской и «Облом-off» М. Угарова, «Русский сон» О. Михайловой, «Полонез Огиньского» Н. Коляды). **Л. В. Зиминая (Саратов)** исследовала тему «О поэтике заглавий сказок и сказочных циклов Л. Петрушевской» – сборники «Сказки для всей семьи» (1993), «Сказки, рассказанные детям» (1993). В, казалось бы, обычных названиях сказок скрыты

загадки, подтексты, оттенки иронии, шутливое пародирование, гротеск, остроумное травести-рование, бурлеск, контрастное «сведение» раз-нородных речевых стилей. **Т. А. Стрижевскую (Самара)** в докладе «Культурный герой и трикстер в романе Д. Харриса “Джентльмены и игроки”» интересовала типология культурного героя и его антипода-трикстера, показано, что в произведении Д. Харриса смыслом жизни является сама игра, целью которой становится выверенное путем точного расчета уничтожение противника, а став-ками порой служат человеческие жизни и судьбы. **Ю. А. Антонова (Самара)**, изучая «Двойничество в романе Луиз Эрдрик “The Antelope Wife”», рас-сматривала заложенный в романе американской писательницы, одной из самых значимых авторов второй волны индейского ренессанса, архетип двойничества, выраженный в одной из пар двой-ников Скрантон Рой – Голубая Женщина Прерий, что и организовало, по утверждению автора до-клада, основные темы романа – противостояние одержимости, божественную предопределённость судьбы.

В четвертой секции «Поэтика и генезис художественного произведения» представлены доклады, авторы которых были сосредоточены на выяснении художественных особенностей изу-чаемых произведений.

Известный исследователь русской литерату-ры XVIII в. **О. М. Буранок (Самара)** предложил тему «“Слово похвальное о преславной над войсками шведскими победе...” Феофана Прокопо-вича: художественные особенности». В поэтике «Слова...» (27 июня 1709 г.) внимание задержано на суперлативных характеристиках, переходящих в пышную метафору, эмоциональный всплеск, риторические вопросы, выражения, обращения к античным и библейским образам. В докладе **Н. В. Мокиной (Саратов)** «Образ Кудеярова в ро-мане А. Белого “Серебряный голубь”»: к проблеме источников «образ Кудеярова раскрывался через установление источников – легенды о Симоне-волхве, Антихристе, восходящей к литературным источникам, прежде всего, к «Страшной мести» Гоголя и к роману В. П. Свенцицкого «Антихрист» (1908). **Е. А. Горбуновой (Тольятти)** («Псалмы в период Реформации») были выбраны тексты псалмов как жанра христианской религиозной по-эзии в рассматриваемую эпоху – духовные песни и шпруги Лютера с их простотой, задушевностью, мелодичностью, три книги Псалмов французского композитора Клода Гудимеля, духовные, библей-ские тексты мейстерзингеров.

Доклады пятой секции объединены темой «Интертекстуальные связи и диалог культур».

Т. И. Акимова (Саранск) («Галантность в идеологии просвещенного абсолютизма Екате-рины II: к постановке проблемы») обратила внима-ние на содержание литературы в ее отношениях к светскому этикету еще со времен Анны Иоаннов-ны («заказ» князя Куракина В. К. Третьякову

на перевод популярного французского романа, вследствие чего российский читатель получил возможность оценить «Езду в остров любви») и теперь эпохи Екатерины Великой с характерной для этого времени «галантностью» как отличи-тельным признаком российского Просвещения. Проблема взаимосвязи фольклора и литературы была затронута в докладе **М. А. Горбатова (Са-ратов)** «Былинно-сказочная традиция в поэтике исторического романа М. Н. Загоскина “Юрий Ми-лославский, или Русские в 1612 году”». Поэтическая система произведения увязана с былинно-сказочной традицией (идеально-героическое начало, патриотизм, повторяемость исторических коллизий, сопоставленных с упомянутыми в романе сказки о Змее Горыныче и «Повести о славном князе Владимире, Киевском Солнышке, Святославиче и о его могучем богатыре Добрыне Никитиче», значение получают присущие былинам гиперболизм, романтическая патетика, религиозная символика). **В. В. Смирнова (Саратов)** («Гоголевские реминисценции в “Бед-ных людях” Ф. М. Достоевского») привела ряд текстуальных подробностей, которые связывают произведение Достоевского не только с «Шинелью» Гоголя (этот пласт сопоставлений достато-чно исследован), но и с «Ревизором» и «Мертвыми душами». Они не столь развернуты и акцен-тированы как идейно-художественные взаимодействия с «Шинелью», но, тем не менее, отчетливо про-сматриваются и дают дополнительный материал для соотнесения традиционного и новаторского в первом романе Ф. М. Достоевского. **Б. А. Минц (Саратов)** анализировала «Сюжет ветхозаветной Книги Исход в лирике акмеистов: к проблеме ху-дожественной парадигмы». Рассмотрены тексты: «Цветущий посох» С. Городецкого и «Огненный столп» Н. Гумилёва; В. Нарбут в стихотворении «Столяр» (1912) из книги «Плоть» (1920); показан богатый ветхозаветный слой образности в произ-ведениях О. Мандельштама. Поэтику интертек-стуальности анализировал **А. В. Гусев (Самара)** в докладе «Рецепция классических сюжетов в трагедии Вен. Ерофеева “Вальпургиева ночь, или Шаги Командора”», обнаруживая в тексте (1985) следы классических сюжетов – «Фауст» Гете, «Каменный гость» Пушкина, сюжеты Гофмана, Байрона о Дон Жуане, «Вальпургиева ночь» Г. Майринка. **Т. Н. Андреюшкина (Тольятти)** проследила «Традиции поэтической школы Брехта в современной немецко-румынской поэзии» – ли-тературы, по-своему воспринявшей рефлексию по поводу расколотой идентичности немцев (В. Ходяк: «Известия из сада», «Черная овца»; стихотворение «О вопросах», имеющее прямую перекличку с «Вопросами читающего рабочего» Брехта; стихотворение Р. Вагнера «Диалектика»; сборник «Сон барабанщика» (1992) В. Зельнера; сборник «Все пожитки» (1979) Р. Боссерта; про-изведения К. Хензеля). «Немецкий роман конца XX века: поиски духовных ориентиров в диалоге культур “Запад-Восток”» рассматривала **Г. В. Ку-**

чумова (Самара). В сопоставительный ряд были включены произведения, акцентирующие вопрос об экспансии славянской культуры на Запад, выделяя положительный момент духовной встречи этих культур («Солнечная аллея» Т. Бруссига, «Faserland» К. Крахта, «33 мгновенья счастья. Записки немцев о приключениях в Питере» Инго Шульце). В стендовом докладе **Е. К. Рева (Пенза)** «Повесть в жанровой системе чеченского журнала “Нана”: этнокультурный аспект» показано, что в очерках, эссе, рассказах, воспоминаниях, поэмах, стихотворениях, интервью, статьях, репортажах северокавказского национального издания получило отражение художественное осмысление значимых для этноса исторических событий, оставивших трагический след в судьбе народа; рассмотрено этнокультурное (включая и религиозное) наполнение содержания журнальных материалов, повествующих о человеческих судьбах в нравственном и национальном ракурсе.

Шестая секция – «**Пространственно-временная организация текста**».

«“Единство времени и места” в историософии Александра Городницкого» исследовала **В. В. Биткинова (Саратов).** В образном строе и элементах поэтики его исторических и историософских произведений, особенно в композиции, явственно реализуется эстетическая формула самого барда о «единстве времени и места», воплощая основные аспекты рассмотрения поэтом разных периодов отечественной истории и человека в ней. Пронизывающий его произведения хронотоп пространства организует единство «петербургского», «московского» и «провинциального» текстов, концентрирующих не столько историю в её динамике, сколько почти не меняющиеся глубинные национальные традиции, менталитет. **Е. Г. Берсенева (Саратов)** («Философия сна-гротеска в романах М. А. Булгакова») поставила задачу выяснить природу сна в его гротескном художественном проявлении как разновидности состояния, когда парадоксально трансформируются явления, соединяя разнородные начала в пределах одной ситуации или эпизода, в характеристике одного образа. Можно говорить о «философичности» сна, поскольку соотношение между сном и явью вписывается у М. Булгакова в общую коллизию времени и вечности, ложного и истинного, отражаясь в философских мотивах смерти, творчества. Доклад **К. Д. Фоменко (Самара)** «Игра с пространством» в повести Вивана Денона “Point de lendemain”» включил в сферу анализа произведение (1777), автор которого помещает действие в пространство, одновременно и своеобразно служащее и для обзора происходящего, и сокрытия его, когда, например, в первой же сцене театральная ложа выполняет функцию открытой «витрины» и тут же создает замкнутый уголок «интимности». **И. М. Мельникова (Самара)** материалом для своего доклада «Изоляция как язык в лирике Элизабет Ланггессер» избрала литературу

нацистской Германии, подметив обусловленную идеологией специфику изображения замкнутого, ограниченного пространства, лишаящего людей свободного общения. В лирике Э. Ланггессер образ изоляции имеет свой язык, способный передавать информацию не на вербальном уровне. Доклад **С. М. Болговой (Самара)** «Проект В. Леванова “Сны Тольятти” в контексте современной документальной драмы» обратил внимание аудитории на проблему соотношения художественного и документального. Выяснились эстетические законы документальных видов искусства, «non-fiction литературы», проявление которых на примере разбора пьесы В. Леванова и М. Дурненкова «Сны Тольятти» (2002) позволяет говорить об особых возможностях языка документальной драмы. Тольятти, город без корней и культуры, появился на голом месте насильственным путем и получил чужое имя. Пьеса достигает впечатления достоверности, актуальности и острой социальной направленности, задача которой – дать лишенную художественных подробностей картину социального среза общества. **В. Н. Иванова (Самара)** с опорой на методологию междисциплинарных связей при изучении литературы в докладе «Первично-эмоциональный образ детства в вокальном цикле М. П. Мусоргского “Детская”» рассмотрела цикл как песни для взрослых, но написанные от лица ребенка, что стало воплощением феномена детства, представленного и музыкой, и поэтическим текстом, причем именно с точки зрения ребенка, и это делает произведение уникальным и интересным для интерпретации.

Седьмая секция «**Сюжет художественного произведения**» преимущественно представлена стендовыми докладами.

Т. А. Волоконская (Саратов) в докладе «Бегство носа и бегство автора (К вопросу о соотношении сюжета и стилистики повести Н. В. Гоголя “Нос”»» предложила бегство носа в сюжете повести при внимательном изучении ее стилистики, рисующей ситуацию трагифарса, интерпретировать в обстоятельствах бегства автора, что усиливает гоголевскую мысль о нестабильности, разобщенности, бездуховности мира. Содержание доклада **Н. Н. Левакина (Саранск)** «Проблема поиска счастья и ее художественное воплощение в произведении А. и К. Смородиных “На свете счастья нет...”» связано с вечной темой счастья, по-своему, дискуссионно обсуждаемой современными писателями. Н. Н. Левакина не возражала против вывода авторов: «Вот он, смысл жизни, когда „созрев“, каждый на вечные вопросы удовлетворяется только собственным – обретенным в сегодняшних условиях – ответом». **А. Ю. Смирнова (Саратов)** изучала «Воплощение в англоязычных переводах сюжета сборника И. А. Бродского “Новые стансы к Августе”». Стихотворения И. Бродского, вошедшие в составленный им сборник (1983), раскрывают историю любви поэта к Марине Басмановой.

Первоначально книга написана по-английски, но англоязычный сборник не сохранился. Стихи оказались рассыпанными по другим изданиям, и осуществленные сопоставления переводов разными авторами и автопереводов позволили сделать вывод, что стихотворения из русскоязычного сборника англоязычный читатель в переводах и автопереводах воспринимает нецелостно, безотносительно к сюжету, выстроенному самим автором. Доклад «Риски литературного творчества: галантные сочинения и судьба аристократа в “Мемуарах” Бюсси-Рабютена» **С. Ю. Павловой (Саратов)** включал исследование воспоминаний Роже де Рабютена, графа де Бюсси (1618–1693) в рамки современной теории риска в литературе, прослеживая полную неожиданностей и превратностей судьбу аристократа в эпоху Людовика XIV. **А. В. Луканова (Самара)** («Формула авантюрного романа в романе “Mergure” (“Ртуть”) Амели Нотомб») исследовала сложную повествовательную структуру романа в романе, привлекая используемое постмодернистами понятие «литературная формула» в качестве способа, с помощью которого, согласно американскому исследователю Джону Кавелти, «конкретные культурные темы и стереотипы воплощаются в более универсальные повествовательные архетипы». Таким образом, показано, как преобразуется формула авантюрного романа в романе Амели Нотомб «Mergure» («Ртуть»). Исследовательская задач

клада **И. В. Некрасовой (Самара)** «Романы Елены Чижовой: особенности организации сюжета и повествования» заключалась в попытке выявить: приемы смены точек зрения, субъектов речи и сознания («Полукровка», 2010; журнальный вариант – 2005, название – «Преступница»), повествование как поток пяти разных полифонично существующих сознаний («Время женщин», 2009), литературный контекст с постоянной языковой игрой («Терракотовая старуха», 2011).

На заключительном пленарном заседании первым выступил **А. Н. Паикуров (Казань)** с докладом «В. Н. Азбукин и его концепция Пушкинского Мифа». Автором изложено собственное понимание размышлений своего учителя Владислава Николаевича Азбукина о проблеме «романтизма в реализме», о типах писательских индивидуальностей, исследованных на обширном материале русской литературы XIX – начала XX вв. Анализ поэзии А. Тарковского **С. В. Кековой (Саратов)** в докладе «Иконопись и живопись в поэзии Арсения Тарковского» осуществлен в контексте богатой палитры красок сопредельных близкой душе поэта живописи и философской глубины иконописи. **А. А. Демченко (Саратов)** предложил рассматривать свой доклад «Н. А. Добролюбов в тисках цензуры» в традиционном для саратовских филологов русле внимания к истории русской цензуры, «эзоповскому языку».

А. А. Демченко

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдевина Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Саратовского государственного университета. E-mail: olga.rosauz@gmail.com

Асташкин Антон Григорьевич – аспирант кафедры русской литературы XX в. Башкирского государственного университета, Уфа. E-mail: for-materials@yandex.ru

Буранова Анна Игоревна – аспирант кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета. E-mail: aburanova@list.ru

Бышкина Анна Павловна – аспирант кафедры истории русской литературы и фольклора Саратовского государственного университета. E-mail: ann-byshkina@yandex.ru

Воробьёва Виктория Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Национального исследовательского Томского политехнического университета. E-mail: serpentis@list.ru

Демченко Адольф Андреевич – доктор филологических наук, заведующий кафедрой литературы и методики ее преподавания Саратовского государственного университета. E-mail: adema4@yandex.ru.

Ефремычева Лариса Александровна – аспирант кафедры общего литературоведения и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: larisa_efr@mail.ru

Кабанова Ирина Валерьевна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой зарубежной литературы и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: ivk77@hotmail.com.

Карабулатова Ирина Советовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором филологии Института гуманитарных исследований Тюменского государственного университета. E-mail: Radogost2000@mail.ru.

Кобенко Юрий Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Национального исследовательского Томского политехнического университета. E-mail: serpentis@list.ru

Койше Кенесар Куанышевич – кандидат социологических

наук, доцент кафедры гуманитарных наук Заводоуковского филиала Тюменского государственного университета. E-mail: Koiche.k.k@mail.ru.

Лавренченко Юлия Сергеевна – магистрант кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета. E-mail: yuliya-lavrenchenko@yandex.ru

Муляева Алия Рушановна – аспирант кафедры общего литературоведения и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: aliya.rezepova@gmail.com

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: prozorov@sgu.ru

Разумовская Елена Александровна – старший преподаватель кафедры зарубежной литературы и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: razumovskaja@mail.ru

Рева Екатерина Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. E-mail: ekaterina.re@rambler.ru

Роменская Евгения Алексеевна – ассистент кафедры немецкой филологии Астраханского государственного университета. E-mail: romenskaja@inbox.ru

Соловьёва Мария Михайловна – аспирант кафедры общего литературоведения и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: markuz89@yandex.ru

Сон Людмила Петровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Российского государственного социального университета, Москва. E-mail: luciason@mail.ru

Храмова Юлия Анатольевна – соискатель кафедры зарубежной литературы и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: khramovaya@mail.ru

Шемаева Елена Викторовна – ассистент кафедры иностранных языков Белгородского государственного университета. E-mail: eshemaeva@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Astashkin Anton Grigoryevich – Graduate Student Chair of the XX century Russian literature, Bashkir State University, Ufa. E-mail: for-materials@yandex.ru

Avdevnina Olga Yuryevna – Candidate of Philological Sciences, Docent, Chair of the Russian Language and Its Teaching Methods, Saratov State University. E-mail: olga.rosauz@gmail.com

Buranova Anna Igorevna – Graduate Student, Chair of Theory and History of Language and Applied Linguistics, Saratov State University. E-mail: aburanova@list.ru

Byshkina Anna Pavlovna – Graduate Student, Chair of the Russian Literature and Folklore, Saratov State University. E-mail: annbyshkina@yandex.ru

Demchenko Adolf Andreevich – Doctor of Philological Sciences, Head of the Chair of Literature and Methods of Teaching, Saratov State University. E-mail: adema4@yandex.ru.

Efremycheva Larisa Alexandrovna – Graduate Student, Chair of General Literary Criticism and Journalism, Saratov State University. E-mail: larisa_efr@mail.ru

Kabanova Irina Valeryevna – Doctor of Philological Sciences, Head of the Chair of Foreign Literature and Journalism, Saratov State University. E-mail: ivk77@hotmail.com.

Karabulatova Irina Sovetovna – Doctor of Philological Sciences Professor, Head of the Sector of Philology, Institute of Research in Humanities, Tyumen State University. E-mail: Radogost2000@mail.ru.

Khramova Yulia Anatolyevna – Degree-Seeking Student, Chair of Foreign Literature and Journalism, Saratov State University. E-mail: khramovaya@mail.ru

Kobenko Yuri Viktorovich – Candidate of Philological Sciences, Docent, Chair of Foreign Languages, National Research Tomsk Polytechnic University. E-mail: serpentis@list.ru

Koyshe Kenesar Kuanyshevich – Candidate of Sociological Sci-

ences, Docent, Chair of Humanities, Zavodoukovsk Branch of Tyumen State University. E-mail: Koiche.k.k@mail.ru.

Lavrenchenko Yulia Sergeevna – Master's Degree Student, Chair of the Russian Language and Speech Communication, Saratov State University. E-mail: yuliya-lavrenchenko@yandex.ru

Mulyaeva Aliya Rushanovna – Graduate Student, Chair of General Literary Criticism and Journalism, Saratov State University. E-mail: aliya.rezepova@gmail.com

Prozorov Valeriy Vladimirovich – Doctor of Philological Sciences, Head of the Chair of General Literary Criticism and Journalism, Saratov State University. E-mail: prozorov@sgu.ru

Razumovskaya Elena Alexandrovna – Senior Lecturer, Chair of Foreign Literature and Journalism, Saratov State University. E-mail: razumovskaja@mail.ru

Reva Ekaterina Konstantinovna – Candidate of Philological Sciences, Docent, Chair of Journalism, Penza State Teacher Training University named after V. G. Belinsky. E-mail: ekaterina.re@rambler.ru

Romenskaya Evgeniya Alekseevna – Assistant, Chair of German Philology, Astrakhan State University. E-mail: romenskaja@inbox.ru

Shemaeva Elena Viktorovna – Assistant, Chair of Foreign Languages, Belgorod State University. E-mail: eshemaeva@yandex.ru

Solovyeva Maria Mikhailovna – Graduate Student, Chair of General Literary Criticism and Journalism, Saratov State University. E-mail: markuz89@yandex.ru

Son Ludmila Petrovna – Candidate of Economics, Docent, Chair of Linguistics and Translation, Russian State Social University, Moscow E-mail: luciason@mail.ru

Vorobyova Viktoriya Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Docent, Chair of Foreign Languages, National Research Tomsk Polytechnic University. E-mail: serpentis@list.ru

Подписка на II полугодие 2013 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36011,
раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 4 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам

непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

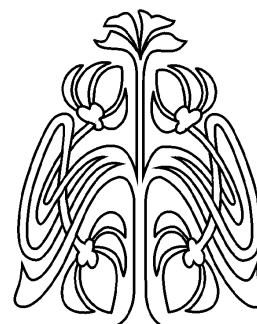
410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29.

E-mail: XXvek@info.sgu.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.

ПРИЛОЖЕНИЯ

